

КЛЮЧ К ЛЕДЯНОМУ ИСТОЧНИКУ

АННА МОСКАЛОВА

Самые интересные вещи в жизни случаются неожиданно. Вот так однажды утром решишь, что все в жизни надо менять, и даже придумаете как, и... умрете!

Лина — простая учительница, но, как и многие ее ровесницы, мечтает о доблестных рыцарях, замках и красивом платье для верховой езды. И жизнь, решив сыграть с ней злую шутку, предоставляет ей возможность попробовать все это.

Какой же страшной оказывается ее сказка!

Примечания автора:

Я надеюсь, что эта книга будет началом цикла про Ледяного. Его жизнь то и дело становится с ног на голову, подсовывая ему все новые и новые задачи. Он примет вызов? Или решит действовать по другому? мне очень интересно описывать его приключения, а появятся они в публикации или нет — зависит от вас, дорогие читатели!

Анна Москалева

Ключ к Ледяному Источнику

Часть 1

Они стояли на Алтаре друг напротив друга. Он — величественный, сильный, смелый, с волосами цвета снега и глазами цвета весеннего неба. Напротив — она: дрожащая, измученная, чуть не плачущая.

Он взял ее руки в свои, легонько сжал, поймал ее взгляд:

— Не бойся, — смотрел ей в глаза, не отрываясь.

Она нервно кивнула. Он чуть улыбнулся и поднял нож.

Глава 1

* * *

«Ну не может же быть такого, что я совсем никому не нужна?! — Лина отломил вилкой огромный кусок торта, отправила его в рот и запила кофе. Брови ее были нахмурены, взгляд устремлен вдаль. — У меня столько знаний, столько навыков. В конце концов, я просто человек хороший!»

Девушке в очередной раз отказали в месте. Нет, какая-то работа у нее была: Лина трудилась в районной школе младшим педагогом. Попросту продленку вела. На более выгодное трудоустройство рассчитывать не приходилось: специализация не очень. Конечно, устраиваются девчонки и в частные пансионаты, и гувернантками идут, но Лине в этом катастрофически не везло. То ехать неуместно далеко, то график нереальный.

Лина подумала было устроиться в офис секретарем или обычным администратором, но и тут получала отказ за отказом. Она только что вышла с очередного собеседования, явно неудачного, устроилась на фуд-корте крупного торгового центра и решила утешить себя кофе и тортиком. Молодая учительница по привычке заедала расстройство и раздумывала над поведением ее несостоявшейся начальницы.

Молоденькая. Чуть ли не моложе Лины. Но гонору-то, гонору! Окинула презрительным взглядом. Поджала губы. Высокомерная. А хочет казаться серьезной и деловой. Нет, она точно меня не возьмет. Она возьмет студенточку или вообще девчущку без образования. Низенькую, бледную и тихую. Таковую, на которую можно орать почем зря. Причем прилюдно. Такая, конечно, будет постоянно в делах ошибаться, но оно даже и лучше. Ведь тогда начальница орать будет по делу. Прослышет умным и внимательным руководителем.

Лина глубоко вздохнула, заправила за ухо скрученную почти в спираль темную прядь и отправила в рот еще один кусок торта. Как в ее голове все гладко получалось. Хотела же идти на психолога! Она мечтательно закатила глаза. Сейчас бы никаких проблем с работой не было. Но... струсил. Вот мучайся теперь.

Девушка снова вздохнула и взяла в руки стакан кофе. Картон приятно грел пальцы, аромат напитка слегка бодрил, и в голову сами собой приходили забавные мысли. А что, если переучиться? Она же понимает людей. Видит их мотивы. Ну, хочется верить, что видит. В конце концов, научится. Можно пойти даже заочно. Или курсы какие найти. Педагогическое образование же есть. Можно найти курсы педагога-психолога. Вот прямо сейчас и начать искать!

В груди у Лины что-то радостно кувыркнулось, и чувство бесполезности само собой

улетучилось. «Решено! Пойду учиться на психолога! Буду помогать людям решать их проблемы, искать их путь. Ну, и свои проблемы решу заодно».

Она откинулась на спинку стула и сама себе улыбнулась. Пока не пошла учиться — можно потренироваться. Вот девушка рядом сидит. Губки надула и, цокая ноготками, что-то быстро в телефоне набирает. Явно с парнем ссорится. Если б с подругой переписывалась, то губки бы не дула. Такие уж мы люди, даже если нас не видно, все равно эмоции выдаем. Чего стоят только подобострастные подчиненные, которые встают, когда разговаривают с начальством по телефону.

Или вот молодой парень в какой-то несуразной куртке стоит посреди зала. Наверное, девушку ждет. Лина присмотрелась. Бледный какой-то, виски вспотели, подбородок дрожит. Нет, наверное, ждал, а она не пришла. Вон у него какой взгляд отсутствующий. Как будто он уже....

Лине стало не по себе: взгляд у парня был такой, будто он уже не с девушкой, а с жизнью простился. Как-то сами собой сложились кусочки мозаики — несуразная огромная куртка, будто прикрывающая что-то у парня на поясе, взгляд человека, попрощавшегося с жизнью. И сообщения из новостей о терактах. Лина резко дернулась, кофе опрокинулся и медленной коричневой струйкой потек на пол. Парень обернулся и посмотрел сначала на кофе, а потом на девушку. Бежать, быстрее бежать. Казалось, время замедлилось, все вокруг остановилось, воздух никак не хотел входить в легкие, юбка упорно цеплялась за ножки стула. Лина подхватила сумку, куртку... Хоть бы успеть уйти. В этот момент она встретила с парнем глазами. Сожаление и скорбь, вот что было в том взгляде. И безысходность. Не успеет, поняла Лина. Черт, именно тогда, когда она твердо решила изменить свою жизнь, стать наконец полезной. Ну, почему? Провидение, почему?

Ответом провидения стала примитивная трель телефона в кармане парня. Он вымучено улыбнулся, глядя на Лину. Она тоже ему улыбнулась и обреченно плюхнулась назад на стул. Прогремел взрыв.

* * *

Нынешнее время года поэтично называлось «Дни весенних ветров». Наверное, красивым названием местные хотели замаскировать окружающую их несусветную мерзость. Стояло самое начало весны. Снег еще не растаял, но холодные и влажные бураны то и дело прорывались в укрытую с трех сторон горами равнину. Это было связано с меняющимся сезонным течением и объемом снежной массы на одной из вершин. Лина еще недостаточно разобралась в тонкостях местной географии и климатологии, но уже поняла, что зябкие, пронизывающие ветра и в самом деле вызвали таяние снегов и считались поворотом от зимы к лету. Но закончится это нескоро.

Мир был похож на ее родной: те же растения, те же животные. Называли их иногда по-другому, вкус слегка отличался, животных использовали не всегда так, как в ее мире. Например, на охоту дрессировали крупных кошек, а собаки вроде как и не одомашнены были вовсе. Ездили верхом на лошадях, доили коз и коров. В общем и целом, все было привычно. Все, кроме эпохи. Время. Уклад жизни, царивший в этом мире, можно было назвать Просвещенным Средневековьем. Люди жили обособленно, был развит феодализм, совершенно не было технологий, но такие блага цивилизации, как водопровод, канализация

или освещение, присутствовали в быту... Только вот делалось все с помощью магии. Каста магов и ведьм неплохо зарабатывала, продавая в огромных количествах амулеты для бытовых нужд. Пользоваться ими могли все, ну или почти все. У Лины вот никак не получалось. Зато магические бальзамы на нее, как выяснилось, хорошо действовали.

Деревушка, в которую попала Лина, была совсем маленькой. Даже своего колдуна не водилось. Жили люди за счет фруктовых садов и скотоводства. Ближе к берегу стоял скромный замок, похожий скорее на добротный охотничий домик — единственное строение из камня, которое молодая учительница тут увидела. При нем таверна с гостевыми комнатами, а глубже в долину — избышки жителей, разбросанные без особой системы.

Здесьшний кнест — то ли дворянин какой, то ли самый крупный землевладелец, она не поняла, — скептически разглядывая ее, говорил, что в ближайший месяц, а то и два повозка по дороге не пройдет. Пробовали посадить чужемирку верхом, но Лина попросту испугалась лошади. Еле взгромоздилась на нее, вцепилась в гриву, но при первой же попытке перейти на рысь завизжала так, что бедное животное шарахнулось вбок, прыгнуло ушами и попыталось сбросить наездницу.

Спасли Лину только дворовые кнеста, подхватившие ее в полете. На все ее возмущения ответили, что ей подобрали самого старого и спокойного мерина из стоящих в конюшне. Лина смотрела на смеющихся мужчин, на взволнованных женщин и не верила им. Что-то с этим конем было не так. Или с ней. Или со всей этой ситуацией. Хотя что это она. Разве может быть хоть что-то так, когда ты после смерти попадаешь не в... куда там надо попадать после смерти? Куда угодно, но не сюда! Лина была в этом уверена.

Сначала молодая москвичка решила, что она в аду. Вокруг было темно, странно пахло, и рядом полыхал огонь. Детали не сходились, но, в общем и целом, картинка совпадала. За одним исключением: ей было нечеловечески холодно. Чувства возвращались к ней постепенно: сначала она ощутила покалывание в обмороженных пальцах рук и ног, потом жжение в спине и в боку. Ей было больно и страшно. Кто-то силой открыл ей рот и влил обжигающую жидкость. Нет, не горячую, а что-то похожее на спиртное. Лина проглотила, откашлялась и попробовала сесть. Ничего не вышло: голова кружилась, тело болело, руки и ноги занемели. Но она смогла открыть глаза и осмотреться. Вокруг стояли люди — в основном, мужчины. Женщина только одна — именно она склонилась над Линой с чашкой в руках и вливала ей в рот питье. Люди были странно одеты и говорили на незнакомом языке. Лина еще раз попыталась сесть, но женщина горячо воспротивилась, уложила ее назад на пол, беспокойно что-то приговаривая. С удивлением для себя Лина разобрала несколько слов: лежи, синяк, покой, попала...

Неудачливой учительнице начальных классов очень хотелось зажмуриться, потрясти головой и прогнать это наваждение. Зажмуриться-то она зажмурилась, но потрясти головой не рискнула. Напротив, глубоко вздохнула и вытянулась на своем импровизированном ложе. Кто-то заботливо подпихнул ей под голову тугий валик. Стало удобнее. Лина с удивлением для себя отметила, что боль в спине медленно проходит, гул в ушах затихает и... и она разбирает все больше слов в бормотании вокруг.

— Хорошо, что быстро нашли, не сильно замерзла.

— Как ее бросило-то... Летела откуда-то, что ли?

— Одежда опалена, может, из огня выпрыгивала...

— Хватит вам тут болтать! Я ее не слышу! — по-хозяйски одернула всех женщина. —

Разойдитесь и принесите еще света!

Мужчины отступили, а она, напротив, села ближе и стала чем-то растирать Линыны руки. Девушка открыла глаза.

— Пришла в себя? — голос у женщины был слегка скрипучий, но приятный. — Вот и молодец. Ты понимаешь меня?

Лина с удивлением обнаружила, что да, понимает, и несмело кивнула.

— Хорошо! Сейчас мы тебя укутаем, ты отогреешься. Дай проверю, вся ли ты цела, — хозяйка дома цепкими пальцами прошлась вдоль лучевых костей, нажала на суставы, прощупала ребра. Лина тихо ойкнула, женщина нахмурилась.

— Где больно?

— Не больно, — Лина смутилась, — щекотно.

— А, ну уже хорошо, снадобье помогло, — хозяйка с облегчением взмахнула рукой и позвала кого-то из-за спины. — Берг, перенеси девушку на кушетку. Рохт, Мелн, вы нашли кристаллы? Чего копаетесь? Вам сегодня что, никуда идти не надо? Помогите мне с чужемиркой и быстро в овчарню. Стадо еще не кормленное.

Сильные руки подхватили Лину и бережно уложили на кушетку, стоящую там же в комнате. Кто-то принес причудливые чаши с голубоватыми и желтыми кристаллами и расставил их в разных углах комнаты. Стало светло, почти как днем. Лина осмотрелась: каменный пол, очаг в центре, большой дощатый стол. Красивый. Лина сказала бы, богатый. Явно хорошее дерево и резьба по ножкам. Стены были светло-рыжие. «Охра» — откуда-то из глубины выплыло у Лины название. То ли краска такая, то ли сам материал. Кажется, по верху шел еще какой-то рисунок, но сейчас Лина не могла его разглядеть. Потолок высокий, беленый. На стене напротив кушетки висела кухонная утварь, стоял еще один стол, повыше, в углу — поленница. Кухня. Обычная кухня. Как если бы Лина вдруг попала в испанскую, например, горную деревушку. Но где она, и где горные деревушки? И почему эта женщина так странно одета? Юбка в пол, чепец на волосах. Кино снимают, что ли? И... и на каком языке они говорят?

Лину трясло. Никак не отступали смертельный ужас, страх, боль, не проходил звон в заложенных ушах. Казалось, всего секунду назад с ней случилось что-то страшное. Девушка столько всего хотела спросить, но боялась услышать ответы. Что с ней произошло? Как такое вообще возможно? Что это за место? Все эти вопросы она вместила в банальное и обтекаемое:

— Где я?

Голос не хотел слушаться, а язык работал только ему одному известным способом.

— Не спеши с расспросами, милая, — женщина погладила ее по волосам. — Не спеши. Ты в безопасности. И ты жива.

Лина откинулась на подушку и попыталась вспомнить события прошедшего дня. Собеседование, кофе с тортом, странный парень...

— Я жива? — голос у Лины стал тверже.

— Жива, девочка, жива. Поспи немного. У тебя, похоже, был тяжелый день.

Лина откинулась на подушках. Легко сказать, поспи! Что с ней происходит?! Она прикрыла глаза, пытаясь вспомнить детали и, неожиданно для себя, действительно уснула.

На утро за добротным и вкусным завтраком Лине рассказали, что пастухи увидели ее на закате. Она летела, как отброшенная чем-то. Упала на камни над рекой. Достаточно высоко. Поэтому ребята и не смогли ее сразу снять. Пока добрались, пока придумали обвязь. Но она не успела обморозиться, и, кажется, даже не простыла. Чуть-чуть скребло горло, но не сильно.

— Земля наша называется Рузгард. Деревушка ближайшая — Мельхорм, — рассказывала все та же женщина, хозяйка приютившего ее дома. — Мир наш как-то связан с вашим миром. То ли мы когда-то были единым целым, то ли ваш мир отражение нашего. Не знаю точно, это тебе в храме расскажут. Но ваших к нам много попадает. Тех, чей жизненный путь не окончен, а жить физически возможности уже нет.

Лина задумалась... Жизненный путь еще не окончен. Ну конечно! Она же ровно за минуту до взрыва решила, что должна идти учиться на психолога, изменить свою жизнь и помогать людям. Интересно, если бы не это решение, появилась бы она тут? Или нет? Наверное, нет. Значит, Мироздание решило, что это ее жизненный путь, и ей надо по нему идти... Ох, как же в это все поверить? Лине до сих пор все происходящее казалось сном. Приятным, в общем-то. Вон какие люди хорошие: хозяйка фермы представилась Дарной, у нее трое сыновей. Старший Берг, лет семнадцати, наверное. Близнецы Рохт и Мелн, кажется, совсем еще мальчишки, даже усы не растут. То-то они снимали ее долго. Мелкие ж совсем еще.

Еда вкусная, дом красивый. Хороший сон! Только надо бы просыпаться. Что там Дарна говорила про храм?

— Храм Эриды, — повторила Дарна, нарезаая хорошо выдержанный сыр. — Богиня наша. Плодородия, рождения и смерти, — Дарна как-то хитро обмахнула себя рукой, коснулась лба и будто послала воздушный поцелуй небу.

— Как? Рождения и смерти вместе? — Лина не поверила своим ушам.

— Конечно, ведь это одни те же врата. Ты пришла в мир и уходишь из него. Понятно же, что привратница у дверей одна. И за жизненный путь отвечает она же. Потому таких как ты к ней в храм и отправляют. Жрицы тебе там расскажут все о нашем мире, помогут выбрать дело по душе, научат, как жить у нас... Только вот, — Дарна запнулась, — распутица. Надо отвезти тебя на двор кнеста. Авось он справится.

* * *

Кнест не справился. Лина, насупившись, смотрела на предложенного ей коня и понимала, что никуда она на нем не уедет.

— Дело гиблое, Ваша Ясность, — обращение к кнесту Лине казалось забавным, но сейчас ей хотелось скорее плакать, чем смеяться. — Верхом она не может, повозка не пройдет.

— Да Боги с ней, пусть тут живёт, пока дорога станет!

— Да где ж ей жить, назад на ферму ее отправить, что ли?

— Ты овец стричь умеешь? Эй, чужемирка?

У Лины было стойкое ощущение, что все это происходит не с ней. Будто она кино смотрит или сон. Нет, не сон, сон уже было. Не проснулась. Из-за этого ощущения нереальности она не сразу поняла, что обращаются к ней.

— Чужемирка? — повысил голос кнест.

— Да?

— Овец стричь умеешь? За скотом смотреть?

Лина помотала головой, выпучив от страха глаза. Она москвичка в пятом поколении. Какой скот?

— Понятно, — местный глава обескураженно вздохнул. — А что ты вообще делать умеешь?

— Я? Я детей учила... — чуть слышно проговорила Лина.

— Детей? Чему учила? Вышивать? Танцам? Чему учила-то?

— Грамоте... Читать, считать, дружить, — Лина готова была расплакаться, вспоминая свой 3 «Б». Где они сейчас, ее ребяташки?

— Грамоте? — кнест поморщился. — А что еще ты умеешь? Ну, там, по хозяйству. Шить, готовить?

— Готовить умею! — почти выкрикнула Лина. Ей надоел разочарованный тон, адресованный ее навыкам.

— Ну хоть что-то! Отправьте ее в таверну, к Вольгу! Бабьи руки на кухне пригодятся, а то вечно у него миску похлебки по полчаса ждешь.

— Да и разместит он ее без проблем. Весь постоянный двор сейчас пустой. Будешь по кухне помогать?

Лина подняла глаза на обратившегося к ней темноволосого мужчину с обветренным лицом. Неужели ее мнение что-то значит?.

— Буду.

— Ну так тому и быть, поживешь в таверне. Йорн! — этот же мужчина крикнул кому-то в толпу. — Отведите ее к Вольгу, скажите, кнест приказал. Потерпит пару месяцев.

Кто потерпит? Лина потерпит? Или Вольг? Девушка хотела было возмутиться — она в жизни никому не навязывалась, но все люди со двора как-то резко разошлись по своим делам, никто ее и спрашивать ни о чем не стал.

Один из мужчин, шедших к воротам, окликнул ее:

— Эй, чужемирка, ты идешь? Или предпочитаешь верхом? — привратники противно загоготали.

— Меня зовут Лина, — процедила сквозь зубы девушка и поплелась за ними.

Расстроенный кнест вернулся в замок.

— Ох и не вовремя ты тут появилась, чужемирка, ох и не вовремя, — седеющий, но крепкий мужчина по-старчески закричал, опустившись на стул в холле. Еще одна забота на его голову, когда тут вокруг такое!

— Кнест Деймур, ужин подан, — вышколенный слуга незаметно появился сзади.

— Спасибо, Бертер, — кнест кивнул, возвращаясь в реальность. — Уже иду. Другие спустились?

— Кнесса спускается, а керт Адмер велел передать, чтобы вы не ждали его к ужину. Он уехал по вашему поручению.

— Кто?

— Керт Адмер, — старый слуга увидел недоумение на лице своего кнеста и, откашлявшись, уточнил: — Дворовые его именуют обычно Ледяной.

— А! Ледяной, — протянул кнест с облегчением. — С чего ты решил его так официально именовать?

— Ну, — теперь удивленным выглядел слуга, — гм, мне казалось, это его имя?

— Если это его имя, то я — прекрасная Теофильда! — развеселился кнест. — Надо будет как-нибудь проверить, он вообще на него отзывается?

— Отзывается, — Бертер поджал губы. — Я регулярно... гм, проверяю.

— Какой ты молодец! — Деймур уже почти хохотал. — Благодаря тебе он не забывает, как следует зваться!

— Не понимаю я этого, — Бертер говорил тихо, вроде как про себя, но Деймур никогда не жаловался на слух.

— Чего не понимаешь? Почему человек может называться чужим именем?

— Это я как раз понимаю! — в голосе старого слуги послышалось возмущение. — Я не понимаю, почему вы, зная это, держите его при себе.

— Он отличный воин. Лучший, кого я знаю. Если бы он не боялся попасть на глаза кому не надо, ему бы цены не было. В прямом смысле этого слова. Да и не прятался бы он в нашей глуши. А так, — кнест хохотнул, — он вполне мне по карману. Я не спрашиваю, почему он здесь, а он не рвется к более могущественным покровителям. Всех все устраивает.

— Но так не может продолжаться вечно.

Кнест помрачнел.

— Это закончится раньше, чем ты думаешь. Величайший объявил общий сбор. И я обязан туда явиться, а Ледяной — нет. Чую, никакими наградами я его в столицу не заманю, — все веселье куда-то пропало. — Эх, любую сумму отдал бы за то, что в грядущей передрыге мою спину прикрывал он, — кнест разочарованно швырнул на стол приборы.

— Ваша Ясность...

— Ясность, Ясность... Вот вся Ясность сейчас в том, что скоро нам будет несдобровать... Нашел бы Ледяной лавийскую сталь, хоть доспехи перековать.

— Доспехи? — за спиной у кнеста раздался молодой женский голос. — Зачем доспехи?

— Да так, — кнест подскочил, помогая сесте кнессе Деймур, и сразу сменил тон на непринужденный и беззаботный, — решил обновить, сейчас не сезон, кузнецы не заняты. Самое время.

Молодая, но проникательная жена с подозрением посмотрела на мужа, но промолчала. Вопреки сплетням многих острых на язык доброжелателей, кнесса была умна. Достаточно умна, чтобы не задавать лишних вопросов. И действительно любила своего мужа, поэтому в тот же вечер села писать письмо своей матушке.

Когда-то вдова успешного столичного купца уступила сватовству мелкопоместного провинциального дворянина и выдала за него свою шестую дочь. Вытирая слезы, купчиха думала, что обрекает младшенькую на прозябание в глуши и практически на нищету. Однако, спустя всего год стало ясно, что брак этот сложился на редкость удачно: кнест в молодой жене души не чаял, и вскоре это чувство стало взаимным. Обаятельный импозантный мужчина сумел растопить сердце столичной красотки вниманием, заботой и нежностью. Ну и, конечно, дорогими подарками и уступками по всем неважным для него вопросам. Вот и сейчас замковая столовая готовилась к преобразению. Молодая хозяйка закупила гобелены, световые вазы и ждала теплого времени года, чтобы начать ремонт.

Радуюсь удачному замужеству младшей дочери, купчиха охотно помогала ей со всеми просьбами. Кнесса Деймур, обдумывая письмо, рассчитывала на мать, а точнее, на ее источники информации: явно что-то происходит, и она обязана точно знать, что.

* * *

Таверна доверчиво притулилась к стенам замка. Ей бы быть ближе к центру, но заходили туда в основном не деревенские, а слуги кнеста. То ли в этих местах не принято было кормить челядь на хозяйской кухне, то ли это была прихоть кнеста, но дворовые все столовались у Вольга. Говорят, во дворце был повар, но готовил он только кнесту, а точнее кнессе. На их изысканный вкус. Остальным же приходилось довольствоваться стряпней Урмы — тамошней кухарки. Изредка в таверну заходили и деревенские. Выпить эля, посудачить о том, о сем. Но основным заработком все же были дворовые князя и путники. Для последних Вольг сдавал несколько комнатенок под крышей большого зала, что давало таверне право гордо именоваться постоялым двором «Сытый вепрь».

Вывеской служила настоящая кабанья голова, прибитая над входом. Безумный таксидермист растянул пасть невинно убиенного хряка в подобие улыбки, что, по замыслу хозяина и исполнителя, должно было придать кабану довольный вид. У Лины мороз пошел по коже от такого художества. А вот орнамент вокруг ей понравился. Затейливая вязь была несимметричной, но красивой.

— Что, — один из сопровождающих проследил за ее взглядом, — вепрь нравится? Это подарок кнеста. На охоте убили.

— Мне рисунок понравился, — Лина не посмела сказать, что подарок кнеста наводит на нее ужас и отвращение. — Орнамент красивый.

— Какой орнамент? Это название! Ты что, читать не умеешь? Какой же ты грамоте детей учила?

— Так я у себя учила, — Лина притихла. — А все, кто из других миров, читать не умеют? Я же... понимаю ваш язык... Почему читать не умею?

— Откуда мне знать, — мужчина раздраженно повел плечами. — До храма доедешь — там объяснят.

Дверь распахнулась им навстречу, и на пороге показалась тощая неопрятная женщина.

Она широко улыбнулась гостям:

— Милости просим. К ужину пожаловали?

— Да нет, Урма, мы к вам постоялицу вот привели.

— Гостям всегда рады, — Урма выглянула из-за плеча кнестового слуги, чтобы рассмотреть Лину. Улыбка медленно сползла с ее лица. — А откуда она такая странная?

— Чужемирка она, — объяснил мужчина, двигая плечом Урму и проходя в зал таверны. — К Дарне вчера свалилась.

— Так ей в храм, — на лице Урмы не осталось и следа приветливости.

— Распутица.

— А что не у Дарны оставить?

— Урма, у нее три рта на попечении. Младшие мальчишки едва стали сами со стадом выходить! Куда ей нахлебницу?

— А нам куда?

— А вам она по кухне поможет. Она умеет, — мужчина обернулся на Лину. — Ну, говорит, что умеет.

— При замке ее бы на кухне оставили!

— Сама знаешь, кнесса в замке молодых девок не держит, — провожатый Лины уже раздражался.

Молодым девушкам действительно отказывали в месте при замке, по тем же причинам, по которым женщину на корабле считали плохой приметой — кнесса полагала их возможной причиной раздора среди дворовых. Да и по молодости за кнестом водилась весьма недвусмысленная слава.

— Ну повеселились бы мужики, хуже б не было, — Урма уже откровенно ворчала.

— Урма! Приказ кнеста! — раздраженный мужик резко развернулся на пороге и вышел.

Лина осталась стоять, недоуменно глядя на... на кого? Повариха? Хозяйка здешняя? Кто перед ней? Что же это за мир такой неприветливый? Где ее родная, теплая и шумная Москва? Девушка еле сдерживала слезы. В своем мире она умерла, а в этом ей явно были не рады.

* * *

Было бы неправильно сказать, что дни потекли своим чередом. Они просто слились в один непрекращающийся кошмар. Вольг, хозяин таверны, был крайне недоволен, что в низкий сезон ему навязали нахлебницу, и всячески отыгрывался на Лине.

— Что ж ты не сдохла-то у себя, раз такая немощная, — несло ей в спину, стоило ей споткнуться и разлить грязную воду из ведра. Окостеневшими пальцами Лина хватала тряпку и старательно собирала ледяную лужу.

Руки ее, не привыкшие к такой тяжелой работе, болели. Кожа на кистях покраснела, кое-где появились непроходящие язвы. Жесткое платье, выданное Урмой взамен ее одежды, было мало и натирало подмышками. Про обувь она уже молчала. Рослая Лина была слишком большой для этого мира. Повариха была ниже нее на голову. Ничего из женской обуви Лине не подошло. Заказывать новые башмаки у сапожника было слишком накладно, в храме чужемирку должны были всем обеспечить. В общем, в качестве временной обуви Лине отдали какие-то мужские ботинки. Выглядела бывшая москвичка как пугало — грубое

коротковатое платье с передником, чепец на волосах и мужские ботинки, — и чувствовала себя также. Для улицы ей отдали старый тулуп Вольга. Выходить туда ей приходилось часто: то по воду, то в сарай.

На кухню ее не пускали. Лина никак не могла совладать со здешней бытовой магией и разжечь огонь. Урма, довольная поводом отделаться от чужемирки, свалила на нее всю грязную работу. Лине приходилось мыть полы холодной водой в полутьме. Конечно же, воду можно было подогреть. Как и зажечь огонь в печи и засветить кристаллы в красивых стаканах, все это делалось с помощью амулетов и артефактов. Хороший хозяин запасался ими в городе на полгода, а то и на год. Стоили они недорого, все местные к ним были привыкшие.

Для Лины же даже простой поход в туалет превратился в пытку. Она никак не могла договориться с этими странными заклятиями исчезновения.

К слову, для уборки использовали похожие заклятия, но Вольг решил, что экономией уборочных артефактов Лина хоть как-то отработает свой кусок хлеба. Вот так и получилось, что Лина стала помойкой, посудомойкой и немного официанткой.

Последнее, к слову, давалось ей труднее всего. Отношение к женщинам в этом мире, застрявшем в Средневековье, оставляло желать лучшего. Немного спасало ситуацию то, что одна из главных богинь их разношерстного пантеона была женщиной. Да и среди магической братии колдуний было много. Говорили, что иногда дар открывается уже у взрослых. Потому нельзя сказать, чтобы над местными дамами издевались. Вовсе нет. Они были зависимы от мужчин, но в общем и целом право голоса все же имели.

Чужемирок это, похоже, не касалось. Никаких способностей от них не ждали, заступиться было некому, вот и получилось, что любой мог позволить себе вольности по отношению к пришедшим в этот мир таким странным путем. От шлепков пониже спины Лина, в основном, уворачивалась, но от скабрёзных шуток и раздевающих взглядов деться никуда не могла. Только и оставалось, что тайком утирать слезы. «Вот тебе, дорогуша, непройдённый жизненный путь, — говорила сама себе москвичка, склонившись над тряпкой. — Людям хотела помогать. Вот, помогаешь. Как тебе? Нравится?»

Впрочем, чаще к гостям таверны выходила все-таки Урма. Ее взглядами не раздевали, да и шуточки посетителей поварихе скорее нравились.

Только одного посетителя Урма не любила обслуживать. Это был один из наёмников кнеста по прозвищу Ледяной. Он приходил исключительно поесть. Всегда один. Чаще в обед, иногда утром.

У него были пепельно-белые волосы, светлая кожа и голубые глаза. Только этого бы хватило, чтобы выделяться среди этих коренастых черноволосых мужчин и женщин. Но вдобавок он был на полголовы выше и на локоть шире в плечах любого местного воина. Считался лучшим наемником кнеста и во всех походах был при нем. Тот его ценил. Говорят, даже за стол с собой часто приглашал. А остальные воины его боялись. При нем гул голосов обычно стихал, и даже самые буйные вели себя смирно.

Лина не понимала, в чем причина этих страхов. Спросила Урму, но та, как всегда, обругала ее, назвав тупицей.

— Ты что, глаз его не видишь? Смерть в них! Только глянь, блаженная.

Лина так и сделала, когда Урма сунула ей в руки тарелку жаркого и отправила к Ледянному.

— Ваше жаркое! — Лина не знала, что ей положено говорить, подавая еду. Просто с

этим человеком, рядом с которым в ее адрес не сыпались гадости и не летели щипки и шлепки, ей хотелось быть приветливой, и она импровизировала. — Подать еще эля?

Ледяной медленно поднял на нее взгляд. Долгий, молчаливый, изучающий. А Лина, ничего не стесняясь, рассматривала те самые глаза, которые ей так зло отрекомендовала Урма. Нет в них никакой смерти. Удивление разве что.

— Не хотите эля, могу взвар принести. Теплый еще. Варили недавно. Вкусный, с ягодами.

Лина улыбнулась. В таверне стояла полная тишина. Ей показалось, что на кухне икнула Урма. Да что ж происходит-то, почему его так боятся?!

— На ягодах? — а голос у него приятный. Тихий, вкрадчивый, но приятный. Аж мурашки по коже.

— Да, на этих, красных, сушеных... Как их там. Кисленькие такие, — Лина отчаялась вспомнить название, всплеснула руками. — Ну, вкусно!

На кухне что-то со звоном упало. Лина обернулась от резкого звука и не успела разглядеть, улыбнулся он, что ли?! Когда снова посмотрела на посетителя, лицо его вновь было серьезным.

— Ну так что?

— Неси, раз вкусно, — точно улыбнулся.

— Ага, я мигом.

На кухне опять что-то рухнуло. В этот раз тяжелое. Уж не Урма ли?

* * *

Лина почти вбежала на кухню. Не то чтобы ей настолько хотелось побыстрее обслужить этого странного посетителя, просто находиться в гнетущей тишине, воцарившейся вдруг в зале, было физически невыносимо.

В кухне висела тонкая белесая дымка, сквозь которую проглядывала ошарашенная кухарка. Это все же не она упала. Всего лишь куль муки, который она вздумала именно в этот момент поднять. Урма хватала воздух ртом и яростно таращила глаза, но молчала. Лина, воспользовавшись этим, подхватила кувшин со взваром, стакан и выскользнула назад в зал. Да что ж такое, вроде ничего плохого не сделала, отчего ж такая ярость? Замученная москвичка была почти уверена, что после ухода наемника ей на голову снова посыплются все возможные шишки. Быстро поставила взвар на стол Ледяному и, уже не пытаясь ничего разглядеть в его глазах, подхватила ведро с щеткой и убежала наверх. Дороги подсыхали, и Вольг готовился к первым постояльцам.

* * *

Дни становились длиннее, и все чаще можно было увидеть голубое небо. Яркое весеннее солнце еще не грело, но радостно освещало каждый уголок этого странного неприветливого мира. Весной человеку все дается легче. В дни, когда солнце светило особенно ярко, Лина отстраненно смотрела на орущую Урму и думала о том, что жизнь этой женщины — настоящий ад. Тяжелый труд, грубые мужланы вокруг, Вольг, который ей то ли

муж, то ли хозяин... Никаких тебе цветов, шуб или отпуска на море. Самое приятное, что могло ждать кухарку в этой жизни — новый платок, купленный на весенней ярмарке. И несмотря на то, что никто не знал, что ждало чужемирку в будущем, оно у нее было, это самое будущее. Лина уедет, будет искать свое место здесь, свое предназначение. Она увидит другой город, а, может быть, и города. Вполне возможно, будет чьей-то любимой женой, а может и, чем боги не шутят, чьей-то матерью. Будущее Урмы — таверна. И они обе это знали.

Думая обо всем об этом, Лина не злилась на Урму, и ненависть в ее душе уступала место жалости. Она опускала в пол глаза, чтобы не раздражать крикливую кухарку своим неуместным благородством, и думала только о том, что скоро дорога высохнет.

Хотя, если быть до конца честной, она даже приспособилась к этой жизни. Мыть посуду, чистить комнаты наверху и большой зал... Нехитрый список дел быстро стал привычной рутинной, и Лина даже ухитрялась выкраивать себе пару свободных часов. После завтрака, когда посуда уже была перемыта, а зал прибран, она сбегала на берег местной речушки. Ее впечатлял красивый излом скал на противоположном берегу. Река не замерзала на зиму, но спускающийся с долины снег делал ее полноводнее. Сероватые потоки извивались между камнями, скручиваясь в водовороты и разлетаясь грязной пеной. Мощь и сила этой незамерзающей речушки будоражили воображение москвички. Вдыхая сырой холодный воздух, она с замиранием сердца думала о том, каково несчастной щепочке, попавшей вот в такой водоворот. Думала иногда о том, что и ее жизнь такая вот река. То тихая и незаметная, то сумасшедшая, пенящаяся, бурлящая. Но что есть она? Русло ли, которое наполняют события, либо ветка, несомая водой по неведомому ей маршруту.

Придя к неутешительным выводам, Лина поднимала глаза и разглядывала камни на противоположном берегу. Облитые брызгами воды, заледеневшими от ночных морозов, они причудливо блестели и чернели, словно глазированные леденцы или редкого цвета драгоценности. Некоторые из них были покрыты шапками снега. Эти камни стали для Лины своеобразным календарем обратного отсчета: она загадала, что, когда с камней полностью сойдет снег, она отсюда уедет. И вот тогда уж все наладится. Не может не наладиться!

Пересчитав еще вчера заснеженные, а сегодня уже чернеющие своей незыблемой наготой обломки скалы, Лина возвращалась в таверну в приподнятом настроении и бралась за готовку обеда. Да-да, Урма все же пустила ее на кухню. В какой-то день она приболела, и либо надо было всех кормить холодным мясом, либо пускать на кухню чужемирку. Не без окрика Вольга, не желающего остаться без выручки, Урма разожгла очаг и выдала Лине нож. Вышло неплохо. Ну ладно, будем честны, вышло отлично! Мясо так вообще получилось вкуснее, чем у Урмы. Та, к счастью, болела в своей комнате и этого не видела. Но теперь Лина была ошарашена еще и обязанностями младшей поварихи, то есть должна была чистить и нарезать овощи к обеду.

Как-то Лина как раз возвращалась с реки в таверну, когда увидела на дороге всадников. Несколько мужчин в дорожной одежде привязывали лошадей у крыльца. Путники негромко переговаривались между собой, снимая седельные сумки. Лина улыбнулась. Ей показалось, что это точно хороший знак — люди появляются, значит, дороги высыхают.

Однако резкий окрик Урмы не дал ей насладиться этой мыслью, щедро приправленной весенним солнцем.

— Где тебя носит, ленивая девка?! — платок на волосах Урмы сбился, передник обрел еще парочку ярких пятен, а лоб, несмотря на прохладу, покрылся испариной. — Ты что, не видишь, у нас гости!

Конечно, Лина видела. Только еще не понимала, что для нее это значит. Комнаты-то вроде убраны. Ах! Обед приготовлен лишь на дворовых и воинов кнеста! Подобрал юбку, Лина бросилась на задний двор. Сколько путников? Пятеро? Сейчас овощей наберем, начистим, в похлебку забросим. Да мясо пожарить.

— Урма, давай я овощи начищу! — Лине столкнулась у погреба с кухаркой.

— Без тебя начищу! На, на бульон подготовь, — та впихнула в руки Лине петуха.

— В смысле? — чужемирка опешила.

Живую курицу Лина видели лишь в контактном зоопарке, когда свой класс водила. Это была милая карликовая хохлаточка с пушистыми ножками. Лина долго ее рассматривала. Издалека.

Этот петух не был миниатюрным. И милым тоже не был. Это был матерый рыжий боец, килограмм на семь, который в совершенстве владел несколькими хорошо отработанными приемами с использованием клюва, крыльев и когтей. Он, похоже, догадывался о своей участи и готовился сражаться до последнего пера! Птица без труда вывернулась у Лины в руках и, сильно клюнув ее, попробовала соскочить на землю.

— Ах ты!

Лина громко закричала, схватившись за пострадавшую руку. Но в то же время она понимала, что если упустит петуха, синяк на руке покажется ей незначительной мелочью. Урма ее поедом съест. В лучшем случае. Девушка кинулась за птицей, подготовив в качестве сетки передник.

— Стой, бандит! От супа не уйдешь!

Лина попросту упала сверху на слегка оглушенного петуха, прижимая его материей к земле. И все бы хорошо, но у нее за спиной раздался дружный мужской хохот.

— Вот это зад! — наемники из замка подтягивались к обеду. — Не всякая кобылка

таким похваляется!

— А я бы на такой прокатился, — одобрительно высказался кто-то под общий хохот.

От неожиданности Лина ослабила хватку, и злобный монстр, больно саданув ее когтями, снова вырвался на волю. Мужской смех стал громче.

— Ставлю пять монет на петуха! — кнестовые дворовые решили сегодня получить не только хлеба, но и зрелищ.

— Два к одному, что чужемирка его не поймает!

Между тем, мерзкая птица пыталась оббежать Лину. Эта помесь орла и сторожевого барбоса оказалась зажата между забором и неопытной, но решительной москвичкой.

— Рыжий, слева заходи! — подбадривали его болельщики.

Петух, казалось, понял их, и, ровно сложив крылья, сделал вид, что просто прогуливается вдоль забора. Но и Лина была не промах. Сделав обманный шаг в сторону, она засунула руку в карман, и сделал вид, что сыплет зерно на землю:

— Цып-цып-цып.

Петух не реагировал. Лина почмокала губами, посвистела... Как же тут подзывают этих пернатых монстров.

— Ты еще «кыс-кыс» попробуй, — волна смеха сзади поднялась с новой силой. Похоже, дворовые кнеста собрались уже в полном составе.

Лина чувствовала себя клоуном. На глаза наворачивались слезы, раненая рука болела. Осталось только, чтобы Урма вышла и наорала. Петух, между тем, совершил обманный маневр и таки прыгнул! Лина рванула к нему с фартуком, но из-за слез, конечно же, промахнулась.

Хохот было взорвался, но тут же замолк. Громко закудахтал петух. В напряженной тишине его крик показался особенно возмущенным. Лина, вытиравшая слезы грязным фартуком, обернулась. У входа на двор таверны стоял Ледяной. Он держал за ноги только что пойманного беглеца, встряхивая его, чтобы тот не брыкался.

— От тебя сбежал? — мужчина говорил тихо, но Лина хорошо его слышала. Даже птица притихла в его руке.

— От меня. Мне его зарезать надо. Постояльцы приехали, — Лина, всхлипывая, рассказывала о своих переживаниях и не могла остановиться. — А я не умею. Я его даже поймать не могу!

Она изо всех сил держалась, чтобы не разреветься, но губы дрожали, глаза сами собой наполнились слезами, лоб сморщился, брови поднялись, придав ее лицу абсолютно детское выражение.

— Почему не можешь? Птицу никогда не готовила? — в его словах явно слышался укор, ему совершенно не хотелось стоять около этой хлюпающей носом чужемирки. Слезы, особенно женские, его раздражали.

— Готовила, но не убивала! Я ее в магазине покупала, мертвую, оципанную, разделанную, — Лина все-таки разревелась. Вот что он о ней теперь подумает? Да плевать, что он о ней подумает. Над ней все мужики здешние смеялись, на нее Урма орет, ей петух руки поклевал и поцарапал! Гори оно все синим пламенем!

— Не убивала? — что-то в тоне Ледяного заставило Лину замолчать и внимательно посмотреть на наемника. — Ты никогда птицу не убивала? — он слишком пристально смотрел на чужемирку.

— Неужто для этого мира это диковинка? — Лина вскинула свой раскрасневшийся

припухший нос. — Не убивала! Ни курицу, ни вообще кого-либо. Разве что мух и комаров.

Ледяной приподнял одну бровь. Вероятно, это была высшая степень удивления. Под его пристальным взглядом Лина расправила плечи, глубоко вздохнула и... вскрикнула от резкого взмаха! Нож наемника рассек воздух с такой скоростью, что Лина и понять-то ничего не успела. Только у петуха вместо головы вдруг оказался кровавый поток. Беловолосый мужчина протянул ей обезглавленную птицу:

— Слей всю кровь, потом обдай кипятком, прежде чем ощипывать, — он вытер об ее рукав нож, развернулся и ушел в обеденный зал, а Лина так и осталась стоять, держа петуха за ноги, пока ее не вывел из ступора окрик Урмы:

— Ты чего грязь разводишь! Кровь у колоды слей! Не, ну не дура ли, что за напасть на мою голову! Ощипывай давай! Гости уж в зале!

* * *

В тот день гости разошлись по комнатам уже в ночи. Новые люди, новые истории. Местные расспрашивали о том, что в мире делается, а приезжие охотно делились, да с подробностями.

— В Воленхольне объявили общий сбор травников, — рассказывали гости, — все съехались, так что хорошее снадобье нонче достать сложно.

— Чего это они весной-то травников?

— Готовятся что ли к чему?

— А почему травников, а не силовых?

— А силовые, говорят, разбежались все... по другим землям, — каждая фраза говорила тише предыдущей, все находящиеся в таверне мужчины собрались за одним столом и склонились голова к голове. — Значит, на носу заварушка, а у нас силовые маги сбежали?

— А в Реате кузнецы между собой поговаривают, что им велено лавийской сталью запастись. Ковать пока приказа не было, но в городе уж даже гвоздей не сыскать.

— Да неужто они гвозди из лавийской стали делают?

— Да гвозди-то не из лавийской, да только лавийскую держат. А на те же ножи, да молоты, да что там горожанам нужно, пускают обычную. Вот она и заканчивается.

— Ну то-то оно да, если на лавийских подковах лошадь и сезон, и больше ходит, так обычную каждый месяц меняй...

— Военных собирают в столицу. Народу на дорогах много разного. Не только солдаты... и бродяги, и бандиты...

— Да, слышали мы, пропадать люди стали. Поговаривают даже, что не от людских рук.

— А от чьих же? Нет тех колдунов, что демонов вызовут.

— А про нечисть все забыли? Не так давно ее нет.

— Всегда печать короля от магии хранила!

— Короля-то короля, да не того короля.

— Это ты о чем?

Где-то на этой, или похожей фразе, говорящего заглушил пьяный гул. Мужики обсуждали новости, путники придумывали подробности. Вольг вдвойне был рад гостям. Полдеревни собралось их послушать. Мужики все обдумывали неспеша, да обсуждали, да

делали выводы. В общем, на эле и холодном мясе Вольг сделал тройную выручку. А Лина забегалась, как та лошадь, которую каждый месяц перековывают. Ноги гудели, поясница разламывалась, голова болела. Эх, добрести бы до своей комнаты.

Но стоило ей направиться к лестнице, как Урма ее одернула:

— Куда собралась? Сезон открылся. Всегда что ли тебе барыней жить?

— Так комнаты еще есть свободные.

— Сегодня есть — завтра нет. Вон, я твои пожитки перетащила, на кухне поспишь.

Линин узелок: одежда, в которой она была в день взрыва, летние туфли да расческа — подарок Дарны, все валялось на кухонной лавке. Лина села рядом, обхватила себя руками и, раскачиваясь, принялась успокаивать себя:

— Скоро в храм, скоро будет легче...

* * *

Путники вскоре уехали, а новые постояльцы не появлялись. Рано Вольг порадовался первым гостям: распутица кончилась, но людей на дороге было мало. В разговорах, взглядах, в жестах людей чувствовалась тревога. По деревушке разносились неясные слухи. Кнест искал новых солдат, а его доверенные лица все чаще уезжали с поручениями. Собственно, доверенных лиц было всего два: друг детства и военный соратник Рорт — и Ледяной.

Гостевые комнаты пустовали, но Лину наверх так и не пустили. Спала она на кухне, и всех запоздавших путников кормить приходилось ей. Она уже не пугалась громкого стука среди ночи, поднималась на автомате и отпирала таверну. Были ли это проезжающие мимо путники или местные, Лина предлагала им холодное мясо с элем и комнаты, если требовалось. Вольг говорил ей, что он слышит каждого входящего, и если что, сразу спустится. Молоденькая чужемирка искренне надеялась, что это действительно так.

В тот вечер она еще не ложилась. Все уже разошлись, а Лина мыла полы. Она могла поклясться, что только что смотрела на порог, и никого там не было, как вдруг у дверей материализовался Ледяной. От неожиданности Лина вздрогнула и раздраженно всплеснула руками:

— Что, нельзя постучать?

Наемник продемонстрировал максимальное проявление эмоций на своем лице. То есть, слегка изогнул правую бровь.

— Ну страшно же, — продолжила Лина. — В сумерках и так плохо видно, а тут еще вы неожиданно на пороге.

— Зажги свет.

— Да вот так все просто! Как же я сама не догадалась! Делов-то, зажечь свет!

Лина устала, наверное, поэтому и разразилась столь неуместной тирадой. Кроме того, она совершенно не боялась Ледяного. Именно поэтому в ответ на его недоуменный взгляд попросту продолжила свою излишне эмоциональную речь:

— Не умею я! Тыщу раз пробовала, не получается! Все же просто — приложи руку и прикажи гореть! А у меня не получается! Можете, как и все, назвать меня ни на что не годной чужемиркой, а я пока пойду вам яичницу пожарю.

Лина в сердцах бросила половую тряпку в ведро и повернулась было к кухне, но Ледяной молча прошел вперед и взял с одного из столов световой кристалл. Встал перед

Линой.

— Руку положи.

— Что? — Лина опешила. Как-то она была не готова еще раз пробовать. — Я...

Извините, я ... Я буду вам благодарна, если вы зажжете, но...

— Руку положи.

Лина несмело положила руку на кристалл и подняла взволнованный взгляд на Ледяного.

— Ну, вот я ему говорю, а он не горит...

— Представь его светящимся. Смотри на него и представляй его светящимся. Ты же знаешь, как он светит?

— Знаю.

— Ну...

Лина на секунду оторвала руку от кристалла, обтерла ее об фартук и снова дотронулась. Она даже зажмурилась, стараясь как можно яснее вспомнить теплое желтоватое свечение артефакта.

— Вот видите, — Лина открыла глаза и хотела сказать Ледянному, что она старалась, но ничего не получается, но артефакт светился. Она аж отпрыгнула, а наемник просто стоял и молча смотрел на нее.

— Это я зажгла? — Лина схватилась руками за волосы, потом за фартук. Кажется, на глаза навернулись слезы.

Ледяной быстрым прикосновением потушил кристалл и поставил стакан с ним на стол:

— Попробуй еще раз.

— Еще раз?

— Пробуй.

Лина поднесла ладонь к артефакту и представила его светящимся. Кристалл послушно засветился.

— Ты можешь делать свет сильнее или слабее. Точно так же. Дотронься и представь.

Лина послушно попробовала. Кристалл действительно слушался. От переполнявших ее эмоций Лина заплакала:

— Почему? — она говорила шепотом, тем самым страстным шепотом, которым говорят самые серьезные обещания и самые страшные проклятия. — Почему никто не показал мне этого раньше?

Ледяной перевел взгляд на кристалл и явно задумался о чем-то своем:

— Здесь не любят чужаков.

У Лины вырвался нервный смешок:

— Это точно! — она утерла слезы передником. — Вас целый день не было, хотите горячего погрею? Или просто бульон могу принести.

— Спасибо, — он улыбнулся, совершенно по-настоящему ей улыбнулся. — Я ел в дороге. Яичницы с мясом и теплого взвара вполне хватит.

Лина, глядя на него, тоже улыбнулась, кивнула и пошла на кухню. У нее появилось стойкое ощущение, что она только что обрела друга. Своего единственного друга здесь.

С приходом настоящей весны дни стали длиннее, но, как ни странно, потекли быстрее. Так же, как и воды в любимой Лииной горной речушки. Там на берегах уже совсем не осталось снега. Вода перестала быть прозрачной и бурным грязным потоком неслась вниз по склонам, унося с собой мусор, камни, зиму.

Лина, как и все в таверне, с нетерпением ждала новых путников. Но если другие спрашивали приезжих о новостях из больших городов, то Лина спрашивала о дороге. Урма ругалась на нее, запрещала приставать к дорогим гостям.

Когда кухарка увидела, что Лина теперь сама может и очаг разжечь, и кухню быстро прибрать, то переложила на Лину почти всю тяжелую работу. Урма старалась не выпускать ее с кухни, покрикивала, что работы много, а чужемирка тут прохлаждается. Гости, видя отношение хозяев таверны, посматривали на Лину кто с жалостью, кто с брезгливостью и в беседы с ней не вступали.

Лина же с тоской смотрела вслед уезжающим всадникам. Наверное, еще рано — скрепя сердце думала Лина. Наверное, это только тут все подсохло. Здесь же, вроде как, горы. В низинах, должно быть, еще не проехать.

То утро мало чем отличалось от других: так же, как и всегда, спавшая на кухне чужемирка еще затемно растопила очаг, обжарила заранее бекон и лук, замесила тесто на оладьи.

В этих местах такого блюда не знали. Пекли жесткие тонкие хлебцы, иногда сладкие, но чаще соленые и пресные. Урма сильно удивилась, когда Лина предложила попросту положить в тесто меньше муки. Она взяла скисшее молоко, которое в этом мире использовали только для мягкого сыра, добавила туда опару, патоку, масло, немного муки... Получилось очень похоже на обычные оладьи. Кухарка сперва принялась орать, как потерпевшая. Куда масло расходуешь? Что я теперь с этого сделаю? То хоть сыр бы был, а теперь? Так бы и кричала, если бы не привлеченный запахом жареных плюшек Вольг. Тот, пока Урма разбиралась с Линой, съел всю сковороду, и, не сильно вдаваясь в причины скандала на кухне, потребовал себе еще.

Урма замолчала, попробовала сама. Скривилась, конечно же. Но разрешила приготовить еще партию. Глаз с Лины не спускала, пока та пекла. Кухарка и сама попыталась, отослав Лину в птичник. Но первый блин, то есть, оладья, как водится, комом. У Урмы так и не получилось ни замесить теста, ни пожарить, а обратиться к Лине за советом кухарка посчитала ниже своего достоинства. Сделала вид, что она такими глупостями, как бракованный хлеб, не занимается. Так и осталось это фирменным блюдом чужемирки. Лина замешивала их и с зажаркой, и со сладкой ягодой. Сладкие плюшки, как их стали звать местные, поданные с молоком или взваром — пряным напитком из трав, который тут был очень популярен в холодное время года, вскоре стали любимым завтраком у всех посетителей «Сытого вепря».

Потихоньку в таверну сходились первые посетители. Дворовые кнеста, наемники. Утром деревенских не было — все рано уходило на работу, прихватив с собой хлеб и сыр. А вот людей кнеста, напротив, стало больше. Все в деревне видели, что в замок чуть ли не каждый день прибывают новые бойцы. И все понимали, что это не к добру.

Вот такие вот наемники, из новых, сейчас с шумом и гамом ввалились в обеденный зал таверны. Несколько ребят, вероятно, ровесники Лины, громко переговариваясь, уселись за стол. Перекрикивая друг друга, принялись заказывать завтрак.

— Яичницы!

— Плюшек с сыром!

— Кашу с салом!

Разбив на раскаленную сковороду пару яиц, Лина нарезала сыр, достала из печи кашу. Молодцы были голодны, официантка спешила. Собрала на поднос уже готовую еду, быстро плюхнула на сковороду пару ложек теста для плюшек и побежала в зал.

— Что медленная, как сонная муха, — недовольный молодчик развернулся и хорошенько размахнувшись, шлепнул Лину по пятой точке, — отрастила зад, еле двигаешься.

Лина аж вздрогнула от такого хамства. Да, она никогда не была худышкой, но и такого отношения к себе не допустит! Чужемирка схватила только что принесенную чашку теплого взвара и перевернула ее на голову нахалу.

Его друзья заржали, как молодые жеребцы, а сам облитый наемник поднялся и в ярости отвесил Лине оплеуху. Официантка не устояла на ногах и упала на соседний стол. Мебель заскрипела по полу, стулья перевернулись, наемники уже не смеялись, а орали, каждый о своем.

В зал выскочил Вольг.

— Что за шум с утра пораньше?! — недовольно проворчал он, оглядываясь.

— Ваша дура мне одежду испортила, всего меня облила, — наябедничал наемник.

— Мы сейчас все поправим, уважаемый керт, — Урма уже хлопотливо вытирала лицо и плечи молодого хама полотенцем. — Завтрак за счет заведения, не ругайтесь, керт, девушка из чужого мира, слегка не в себе.

— Да почему ж я не в себе? — кричала Лина, которую Урма вытолкала на кухню. — Почему я не в себе? Он что себе позволяет?

— Цыц, девка! — разъяренный Вольг влетел в кухню. — Перестану тебя защищать, вообще по рукам пойдешь!

— Да что же это такое? Я тут пашу как рабыня! Бесплатно! Только не говорите мне, что угол на кухне и две плоски еды стоят столько же, сколько моя работа! Вы даже одежды мне нормальной не купили! Так еще и унижаете! Я больше пальцем здесь не пошевелю! Слышите? Я отказываюсь! Дороги высохли, я в храм пойду. Хоть пешком!

— Пешком? — Вольг побагровел, шея вздулась, глаза заблестели яростью. — Ты сейчас пешком в птичник пойдешь! Чтоб глаза мои тебя не видели! — хозяин таверны ушел в зал, громко хлопнув дверью. а Урма подхватила Лину под локоть и вытолкала во двор.

— Иди, иди, дура!

— Да не пойду я никуда. Я к кнесту пойду! Я в храм хочу. Что вы творите?

— Дура ты! — Урма сунула ей ведро с кормом для птиц и грубо толкнула в сторону курятника. — Учю тебя учю, а все ты дура! Война на носу, времена беспокойные. Кнест людей собирает, а не разбрасывает. Некому тебя в храм сопровождать, да и на дорогах неизвестно кто. Не поедешь ты ни в какой храм. Кнест повелел, а Вольг благосклонно согласился. Ты тут у нас останешься! И радуйся. Благодарной хозяину будь.

Лина стояла с ведром в руках. Ошарашенная, оглушенная. Значит, все? Вот это вот теперь ее жизнь? Навсегда? Рабский труд в таверне. А если повезет, то кто-нибудь сжалится, в наложницы возьмет.

Чужемирку затошнило. Если б она успела позавтракать, точно вывернуло бы наизнанку... Нет. Ни за что. Никогда. Только не с ней. Она разжала пальцы. Ведро выскользнуло из рук, упало в лужу и забрызгало ей ноги, но она этого уже не чувствовала. Шаг к забору. Еще. Натолкнулась на кого-то.

— Куда идешь? Совсем ошалела?

Очередная грубость сработала, как спусковой крючок. Не видя ничего, не помня себя, Лина побежала. Она бежала к реке. К тому месту, которое поддерживало ее в тяжелые времена. Бежала со всех ног. Не оборачиваясь, ни на кого не обращая внимания. Кто-то пытался ее удержать, оттолкнула. Ей что-то крикнули в след. Нет, не слышит, не останавливается.

Все, больше нет сил. Ей сказали, что в своем мире она умерла. Значит ее судьба — смерть, значит, умереть. Никаких невыполненных предназначений. Ничего больше не надо. К черту всех и вся. Один прыжок и всё.

Главное, выдохнуть, нырнуть глубже, чтобы нехватило воздуха всплыть. Уже не страшно. Уже ждешь этого. Как ждут конца болезни или тяжелой работы. Всё.

Вот и обрыв. Невысокий, но крутой. Внизу — мутный, бурлящий поток. Лина часто приходила сюда отдыхать, любоваться водой.

— Ну что ж, — прошептала сама себе чужемирка, покачиваясь на носках. — Смотрю на тебя, речушка, последний раз.

Вдох-выдох.

— Это очень больно.

— Что? — она не ожидала, что тут кто-то есть. Остановилась, обернулась. Глаза расширены, тело замерло, готовое к прыжку. Но остановилась.

— Прыгать, говорю, больно, — Ледяной сидел на валуне под сосной и вертел в руках нож и кусок дерева. Что-то вытачивал, какую-то фигурку. Лина никогда не видела его здесь, почему именно сегодня?

— Река холодная, — продолжал наемник. — Не сильно теплее снега. Представь: ледяная вода сотнями игл впивается в тело. Сильное течение несет тебя, сдирая кожу и ломая кости подводными камнями. Ты вряд ли захлебнешься. Здесь неглубоко. Наглотаешься воды, это да. Самое смешное, что какой бы холодной ни была вода, попадая тебе в легкие, она обжигает. Сильно. Больно. Грудь разрывается от этой боли. Тебя скрючивает и выворачивает, но даже откашляться ты не можешь, потому что течение захлестывает тебя снова и снова и крутит, как ему вздумается. Минут через пятнадцать тебя вынесет к излучине. Там спокойнее. Там, скорее всего, ты выберешься на берег. Чтобы отдышаться. Израненная в кровь, со сломанными ребрами, окоченевшая, чуть живая, но живая. И тебе не захочется еще раз бросаться в воду. Лечиться потом будешь долго.

— Так говоришь, будто пробовал.

— Покончить с жизнью? Нет, не пробовал. Но в ледяной воде бывал.

Какую бы чушь он не нес, его цель была достигнута: Лина замешкалась на краю обрыва, задумалась и... не прыгнула. Стояла и тряслась, обхватив себя руками. От холода, от чуть было не пережитого ужаса, от безысходности.

Он встал и медленно подошёл к ней. Почти вплотную. Она ощущала тепло его дыхания. Его широкие сильные плечи сейчас казались чужемирке самым надежным пристанищем в мире. Уверенный взгляд голубых глаз успокаивал, согревал, давал надежду.

— Ты же хотела расстаться с жизнью? — какой же у него все-таки приятный голос, совершенно не к месту подумала Лина.

Вместо ответа она подняла на него заплаканные глаза. Во взгляде смешались надежда и отчаяние. Она не знала, чего ждать от того, кого вся деревня считала монстром. Лина уговаривала себя, что она-то от него видела только хорошее. Да и вряд ли будет хуже, чем в таверне. Или будет?

— Я просто подумал, раз тебе не нужна твоя жизнь, давай ее мне? — наемник протянул ей руку. Его губы чуть подрагивали, как будто решали, улыбнуться или нет. Глаза прищурены, взгляд напряжен. Он ждал. Лина несмело кивнула и вложила свою ладонь в его. Волна жара пронеслась по ее телу от этого прикосновения. Будь что будет, решила девушка, и прикрыла глаза.

Глава 2

* * *

— Тебе есть что забрать из таверны? — Ледяной накинул на Лину свой сюртук, ведь она, как была в одном платье, так и выбежала. Он вел девушку, придерживая под руку, вдоль реки. Лина пожалала плечами:

— Мое платье тут не пригодится. Смены одежды у меня нет. Не выдали. Разве что расческу. Дарна мне ее подарила. Фермерша.

Лина чуть не заплакала, вспомнив свое первое утро в этом мире. Ей тогда казалось, что все не так уж плохо. Еда вкусная, дом теплый, люди приятные... Уставшая чужемирка непроизвольно всхлипнула. Ледяной обернулся, поджал губы. Нет, слезы ему не нравятся. Лина помнила, как он морщился тогда во дворе, когда помогал ей с петухом. Она поплотнее запахнула сюртук и задрала повыше подбородок. Не будет она сегодня реветь. Вообще больше не будет. Хватит. Ледяной приподнял правую бровь и уважительно посмотрел на нее. Только Лина этого не заметила. Она шла, гордо расправив плечи, стараясь смотреть прямо перед собой.

За поворотом, с тыльной стороны кнестова замка, почти сползая в реку, стоял маленький домишко. Крохотный, но очень аккуратный. Беленые стены, чистое крыльцо. Цветов, как и ярких занавесок, на окнах не было. Но по дому было видно, что он обжит хозяином: внутри все вещи располагались удобно и под рукой. И этот непередаваемый запах обжитого жилища: чистая ткань, что-то съедобное и свежий воздух в комнате. В поленице был сложен большой запас дров, перед очагом лежала овечья шкура. Вытертая местами, она лучше всего показывала, где любит проводить вечера хозяин этого дома.

А на камине стояли книги. Лина аж приоткрыла рот от удивления.

— Книги?

— Да. А что такого? Тебя удивляет, что я умею читать?

— Я... Да... Нет... Я не умею. Я раньше очень любила читать, а тут не умею.

Ледяной взял с полки одну из книг и пролистал страницы. Повернулся к ней:

— Если хочешь, я попрошу у кнеста что-то для детей, покажу тебе буквы.

— Хочу! — выкрикнула Лина и сама себе поразилась.

Ледяной внимательно на нее посмотрел и усмехнулся. Отложил одну из книг, собрал в стопку остальные:

— Ты умеешь разжигать очаг?

— Да. Ты же сам научил.

— Отлично. Собери завтрак. Можно на двоих. Я вернусь через пару часов. Никуда не выходи.

Лина хотела спросить, что ему приготовить, но не успела — хлопнула дверь. Только посмотрела на его удаляющийся силуэт в окно.

Настроение медленно, но верно, поднималось. Что бы ни говорили в деревне, он — единственный, кто обращается с ней по-человечески. Лина не знала, чего от него ждать, но сердце пело, и душа радовалась. Девушка улыбнулась и принялась изучать запасы провизии.

* * *

Кнест как раз выходил из-за стола, когда ему доложили, что в библиотеке его ждут. Деймур коротко кивнул жене и велел подать особый темный взвар в читальный зал. Ледяной положил на рабочий стол кнеста стопку книг и ждал его. Увидев книги, кнест остановился, нахмурился:

— Значит, уезжаешь?

Ледяной молча склонил голову.

— Я готов платить вдвое больше! — кнест знал, что это безнадежно, но очень хотел попробовать.

— Я не поеду в столицу, — наемник говорил тихо, но спорить с ним не хотелось.

Кнест поджал губы, коротко кивнул.

— Да. У нас был договор. Я помню, — Ледяной спокойно ждал решения Деймура. Тот поморщился, но деваться было некуда. — Я велю выдать тебе расчет. Подойди к Рорту.

— Я оставил себе одну книгу, вычтете ее стоимость.

— Книгу, — кнест улыбнулся. — Ты единственный из моих наемников, который читал книги. Пусть будет подарком.

— Спасибо, ваша Ясность, тогда, если позволите, возьму и эту, — Ледяной показал кнесту альбом, по которому детей учили читать.

Кнест удивился, но разрешил взять и его. Наемник уже собрался уходить, когда дверь библиотеки распахнулась, и вошла кнесса с подносом в руках.

— Ты просил подать тебе взвар сюда, дорогой, — кнест удивленно уставился на жену: до сегодняшнего дня у нее не было привычки прислуживать ему. Кнесса, между тем, обернулась к Ледяному: — Вы уже завтракали, керт Адмер?

— Благодарю, не стоит беспокоиться, — в этом был весь Ледяной. Вроде и ответил, и ничего не сказал.

— Муж говорил, вы уезжаете? — Ледяной молчал, как и кнест, а кнесса продолжила: — У меня есть письмо для моей старшей сестры. Они с мужем живут в Берьяте, — Ледяной открыл рот, чтобы отказаться, но кнесса уже протянула ему конверт. — Их дом легко найти. Муж у нее купец, глава Гильдии. У меня будет только одна просьба — передайте лично в руки. Это важно!

Ледяной перевел взгляд на кнеста, тот пожал плечами, удивленно вскинув брови.

— Не уверен, что заеду в Берьяту, — наемник не оставлял попыток отказаться.

— Ах, берите же, керт Как-Вас-Там! Вы хорошо служили моему мужу, поверьте, это дорогого стоит!

Ледяной опять перевел взгляд на своего бывшего хозяина и соратника, но на лице того отразились все оттенки недоумения. Наемнику не оставалось ничего другого, кроме как принять письмо и откланяться.

— Не припомню, чтобы ты раньше писала в Берьяту? — обратился к жене кнест, когда за Ледяным закрылись двери.

— Конечно, писала! Просто передавала со своими посыльными, — кнесса посмотрела на мужа с шутливым вызовом.

— Тогда к чему этот балаган? — Деймур не скрывал удивления и раздражения.

— Ты говорил, что этот человек хорошо служит, и тебе жаль с ним расставаться, — кнесса невозмутимо наливала мужу взвар в тонкого фарфора чашку.

— Говорил, но причем тут твоя сестра? — кнест внимательно посмотрел на жену. — Что ты задумала?

— Шалость, милый мой, — улыбаясь, кнесса состроила совершенно невинное личико и чмокнула мужа в щеку. — Всего лишь шалость!

* * *

Ледяной вернулся, как и обещал, незадолго до обеда. Лина сварила кашу из крупы и местного овоща, напоминавшего тыкву, и поставила ее у теплого очага, распариваться. В животе уже урчало, но она хотела дождаться наемника. Ей казалось важным позавтракать вместе. Она сидела за грубым деревянным столом, засунув руки под себя, и ждала. Ждать — дело трудное. Особенно сейчас, когда после кучи всего плохого ждешь чего-то хорошего.

Ледяной первым делом положил перед ней сверток.

— Примерь, — он прошел в комнату, снимая с себя заплечный мешок, куртку, совсем не обращая на гостью внимания.

— Что это? — Лина ожидала чего угодно, но не обновок.

— Дорожное платье.

— Дорожное? — руки уже сами разворачивали бумагу.

— Ты же хотела отсюда уехать? Завтра утром уезжаем...

— Уезжаем? А как же ты? Кнест...

— Не много ли вопросов?

Лина смущенно пожала плечами и достала из свертка платье. Юбка, скроенная на манер юбки-брюк, лиф с удобной застежкой спереди, плотный плащ с вышивкой по груди, призванный защищать наездницу от ветра и грязи. После тех обновок, которые ей выдали в таверне, это казалось Лине верхом изящества.

— Примерь! — настойчиво повторил Ледяной. — В дороге должно быть удобно.

Лина завертела головой. Где же примерить? В доме только одна комната!

Поняв ее метания, наемник демонстративно отвернулся к камину и, сложив руки на груди, принялся увлеченно рассматривать пустую полку. Лина не без труда влезла в широченные брюки, накинула на себя лиф. «Как же эти дамы ходят в туалет, елки-палки? — пронеслось у нее в голове. — А! Ну да!» — нахлест ткани в промежности был ей ответом. Платье снимать не придется.

— Вот, — смущенно сообщила Лина. — Надела.

Платье сидело почти идеально. Чуть широковато, но в длину как раз и не стесняет движений. Ледяной окинул ее критическим взглядом. Про себя отметил, что она-то на самом деле не так дурна собой, как ему казалось в таверне. Ни секунды не думал о ней, как о женщине, а, оказывается, зря. Ей же только сказал:

— Сзади стяжки можно утянуть, если хочешь.

— Стяжки?

Он подошел к ней со спины и поддел какие-то потайные шнурки. Чуть посопротивлявшись, платье село точно по фигуре. «А он знает все секреты женской одежды!» — пронеслась у Лины в голове возмущенная, колючая мысль. Чужемирка тут же сама себя одернула. Ишь чего, ревновать вздумала. Но ежик в груди, как будто насмехаясь, провернулся еще пару раз, прежде чем утихнуть.

— Обувь я без тебя покупать не рискнул. Завтра будем в Воленхольме, там большой мастеровой квартал. Купим тебе сапоги.

Лина лишь кивнула. А Ледяной продолжал копаться в своей сумке.

— Это тоже тебе, — на стол упала маленькая книжечка с яркими рисунками.

— Детская книжка?

— По ней учатся читать. Ты же хотела.

Он не смотрел на чужемирку, доставая другие вещи из своего заплечного мешка. Световой кристалл в дорожной оправе, плотный нательный кошель, что-то напоминающее амулет: крупный камень в сложной, витиеватой оправе, которую сложно было назвать красивой. Лина поняла, что это магический артефакт — носят его не для красоты. Совсем с другими целями. Ледяной готовился к дороге. Она молча разглядывая все, что он выкладывал на стол. Последней была деревянная расческа.

— Эта? — Ледяной поднял на нее вопросительный взгляд.

— Ты заходил в таверну? — Лина с удивлением и радостью прижала к груди подарок Дарны.

— Да, сказал, что ты уезжаешь. Они отдали мне ее.

Отдали, конечно, громко сказано. Ледяной ухмыльнулся, вспомнив онемевшую Урму и побледневшего Вольга. Они, скажем так, не были против, чтобы он зашел в кухню и забрал вещи их работницы. Бывшей работницы. Ледяной прищурился, как сытый кот. Им она бывшая работница. Теперь она его!

* * *

Завтракали молча. Наемник явно что-то просчитывал в уме, строил планы. Лина боялась вмешаться в этот поток мыслей.

— Спасибо, — он отодвинул тарелку и встал.

— Тебе понравилось? — ну надо было же хоть что-то спросить!

— Конечно. Ты готовишь намного вкуснее Урмы. Полезный навык.

«Полезный навык», блин... Это он похвалил ее? Или что? Да, дорогая, ты божественно готовишь, дорогая, твоя стряпня делает этот мир лучше, дорогая! Последнее рассмешило и саму Лину. Ну глупость же! Человеческие поступки, мысли, действия. Вот что делает мир лучше. Но не стряпня. Вкусная еда может, разве что, сделать жизнь чуть-чуть приятнее. Лина улыбнулась своим мыслям и принялась убирать со стола. Ледяной, между тем, готовил вещи. Откуда-то из лавок он доставал то, что, по его мнению, может пригодиться им в дороге. Фляги для воды, дополнительный плед, моток веревки, что-то, напоминающее лопату, какие-то порошки и баночки, вероятно, с мазями...

— Переоденься в дорожную одежду, — Лина перед обедом успела натянуть свое старое платье. Ей казалось кощунством носить сейчас обновки. — Я сейчас приведу твою лошадь, потренируешься немного.

— Потренируюсь?! Я?!

— Мне тренироваться не надо. Значит, ты.

Он был абсолютно уверен в себе. Вообще непробиваемый.

— Слушай, ты, наверное, не знаешь, но я пыталась садиться верхом. Это плохо закончилось.

— Я слышал эту историю, — он не стал ей рассказывать про то, как мужики на кнестовом дворе долго и смачно обсуждали подробности ее попытки. Конечно, ей дали самого дурного коня. Кто ж хорошую лошадь из конюшни почти на месяц уведет.

— Ну, если слышал, то должен понимать!

— Они не учили тебя. Я научу.

Лина смотрела на него. Губы ее дрожали от волнения. С них были готовы сорваться сотни возражений и тысячи возмущенных восклицаний. Но в глубине души Лина понимала, что выхода у нее нет.

— Ты хорошая ученица, — Ледяной понял все, что она не сказала. — У тебя все получится.

Лина глубоко вздохнула и кивнула. Он шагнул к ней. Стал почти вплотную, как тогда на берегу, и опять коснулся ее щеки.

— У тебя получится.

Ну тут уж Лина не могла не поверить! Он научит.

Остаток дня они провели с лошадьми. Ледяной купил ей ладненькую пегую кобылку.

— А как ее зовут? — Лина попробовала погладить ей шею.

— Кого?

— Ну, лошадь. Мою.

— Я не знаю. Назови сама, — наемнику было все равно.

— Я?

— Ну она ж твоя!

— А как назвать?

— Как хочешь. Заря, Птель... — Ледяной неопределенно повел плечами, перебирая обычные клички деревенских кляч.

— А как зовут твоего?

— Гельт, — он уважительно и почти любовно погладил изабеллового красавца по носу.

Лина с сомнением посмотрела на свою лошадку. Птелью здесь звали полевую пташку вроде ласточки. А ее простушечка... Ладненькая, миленькая, белая в коричневых пятнах. Будто рябая.

— Какая ты Птель? — тихо проговорила она. — Ты у меня скорее курочка Ряба. Рябушка, — протянула, поглаживая покорную лошадку по мягкому носу.

* * *

Ряба стойко терпела болтающуюся в седле чужемирку. Лина никак не могла поймать ритм рыси. Качалась в седле, как куль муки, чуть не падала, злилась, визжала от страха, ругалась, плакала и клялась вообще больше не подходить к животным.

Ледяной смотрел на незадачливую всадницу спокойным взглядом.

— Ты справишься.

— Нет, не справлюсь, я не смогу.

— Сможешь, — тон не подразумевал возражений.

— Почему ты так уверен?

— Потому что обратно только в таверну.

Лина замолчала, выпрямилась, глубоко вздохнула.

— Показывай еще раз, — Ледяной улыбнулся и кивнул.

Ни на второй, ни на третий, ни на двадцать пятый раз ничего не вышло. Лошадь, измученная неумелой рысью, шумно фыркнула и пошла иноходью. Лина наконец-то перестала падать и издала победоносный крик. Ледяной запустил руки в волосы и тихо рассмеялся. Отчасти с облегчением. Из этих двоих быстрее научилось новому именно животное. Ну что ж, иноходь так иноходь. Как-нибудь доедем.

В общем и целом, день прошел удачно. Обидно было за платье, но наемник ее успокоил:

— Почистишь артефактом.

— Артефактом?

— Ну да, а как еще?

Лина покраснела. В таверне она каждый вечер стирала свою нижнюю рубаху. Та часто

не успевала высохнуть за ночь, приходилось надевать по утрам мокрую... Обида комом стала у Лины в горле. Вот же ж змея эта Урма. Не показала такую примитивную вещь. Наемник сделал вид, что не заметил ее удивления:

— Сейчас тебе надо в горячую ванну. Я нагрею.

Ледяной подхватил артефакт и ушел в дом. Туалетом ему служила крошечная постройка во дворе, комфортная только благодаря бытовой магии. А мылся наемник прямо у себя на кухне — набирал большой чан и нагревал с помощью артефактов.

Лина, не снимая нижней рубахи, опустилась в горячую воду, благодаря всех и вся на свете. Ледяной уселся на любимую шкуру у очага, повернувшись к Лине спиной. На коленях у него была книга, которую он не унес в библиотеку к кнесту, но он ее не читал. Его мысли явно были очень далеко. Он поигрывал ножом и смотрел на огонь. Лина наблюдала за ним и сама не заметила, как задремала. Проснулась она от того, что сильные руки подняли ее из воды.

— А, я уснула.

— У тебя был сложный день.

— Рубаха мокрая.

— Сейчас снимешь, — она улеглась на кушетку, натянув на себя одеяло. Он бесцеремонно уселся на краю постели. — Давай я тебе натру спину, — Ледяной растер ее согревающей мазью от магов-травников. — Ноги натри сама, — он вручил ей пузырек с мазью, а сам вернулся к чану с водой. Ему тоже хотелось помыться.

Лина, красная как рак от мази, горячей ванны и смущения, впервые задумалась, а что это значит, «отдай мне свою жизнь»? Может, там на берегу она за него замуж вышла? И сейчас... Хм, а почему бы и нет. В голове у молодой москвички всплыл его бархатный голос. Вспомнились широкие плечи, теплые руки. Вот только весь свой потенциал наездницы она сегодня истратила на лошадь. Все тело ломило. Горячая ванна и мазь убрали болевые ощущения, но шевелиться она по-прежнему не могла. И устала. Чего уж греха таить, дико устала. В голову лезли очень странные мысли: чувство стыда смешивалось с восторгом, радостным ожиданием и удовлетворением от проделанной работы. Она еще могла понять, откуда радостное ожидание или удовлетворение, но стыд или восторг?..

Шум воды прекратился.

— Спокойной ночи, — Лина слышала, как Ледяной улегся у камина.

— Приятных снов, — чуть слышно отозвалась она.

Отчаявшись разобраться в собственных эмоциях, чужемирка глубоко вздохнула и укуталась одеялом с головой. Только надо все же уточнить, что значит эта фраза, которую он у нее выманил.

* * *

Уезжали рано утром. Едва забрезжил рассвет. Несмотря на это, деревенские вышли проводить их. Удивленными взглядами, конечно.

— Смотри, она верхом едет!

— И когда только научилась.

— Ледяной вчера кучу артефактов купил. Наверное, и ей какой-то всучил.

— Не иначе.

— Че это он решил ее увезти?

— Да кто ж их, чужаков, разберет... Она ж в храм очень хотела!

— В храм? А почему они тогда едут в другую сторону?

Дорогие мои читатели, если вас заинтересовала история, напишите мне об этом в комментариях! Я буду рада обсудить с вами сюжет, героев и ваши впечатления. Ну и, конечно, не забывайте подписываться и добавлять книгу в библиотеку. Тогда вы сразу будете в курсе всех обновлений.

* * *

Местные добираются до Воленхольма за три часа галопом. Это ж, считай, соседняя деревушка. Несколько километров горной тропы, по которой приходилось ехать медленно из-за спускающегося серпантина, а дальше — быстро через долину. Прекрасную, просыпающуюся от зимы долину. Лина рассмотрела в деталях все первоцветы. Потому что шла пешком.

Ледяной шел рядом, но Лина предпочла бы плестись позади, или пусть бы он ехал, а она шла, или... Да как угодно, черт возьми, только бы не видеть этих плотно сжатых губ, этого обжигающего льдом взгляда. Да-да, теперь она поняла, что прозвище свое он получил не только за цвет волос. Она удивительно четко считывала его эмоции. Вот уж правда, как посмотрит, так мороз по коже.

Поначалу все шло не плохо. Ублаженные ванной и мазью мышцы почти не болели, Лина достаточно бодро держалась в седле, тем более, что ехали почти шагом. Однако к концу спуска заныла спина. Не сильно, но ощутимо. Ничего, выдержу, твердо решила Лина и стиснула зубы. Но на следующем повороте чуть не выпала из седла — ноги отказывались держаться за седло, а по пояснице проходил сильнейший электрический разряд при малейшей попытке нагнуться.

Ледяной вопросительно посмотрел на нее.

— Я справлюсь! Просто спина немного устала!

Наемник поджал губы и спешил. Подошел к ней, протянул руки.

— Я сама, — Лина бросила стремяна, занесла ногу и просто рухнула в объятия Ледяного.

Ничего романтического в этом падении не было, да и какая романтика, когда твои бедра обжигает огонь, а поясницу простреливают молнии. Лина громко айкнула, но тут же прикусила губу. Он поставил ее на ноги:

— Юбку задирай.

— Что? — какую юбку? Ее юбку? Он вообще о чем?

— Натру тебя, где достану. Лиф тоже расстегивай, сама ты сейчас до поясницы не дотянешься.

Лина оттолкнула его и тут же пожалела об этом. Он был прав, она сейчас точно не вывернется спину себе намазать. Но как же не хочется выглядеть перед ним душой!

— Я справлюсь. Я сама!

Ледяной достал из седельной сумки баночку мази и протянул ей.

— Может, ты отвернешься? Я, конечно, понимаю, что моя жизнь теперь принадлежит тебе и все такое, — Лина болтала без умолку, главным образом, чтобы не пищать от боли. — Я, кстати, хотела спросить, что это... Ой...

Она занесла руку за спину, пытаясь подлезть под лиф, и чуть не упала от боли.

— Дай сюда, — Ледяной раздраженно выдернул у нее мазь. — Повернись.

— Я сама!

— Женщина! — ей показалось или он возмущен? — Я тоже когда-то учился сидеть в седле. Дай намажу!

После этих слов Лине только и оставалось, что подобрать широкие штанины и стоять смиренно, позволяя ему лазить под ее одеждой в самых сокровенных местах.

Он присел перед ней, засунув руку в широкую штанину юбки-брюк. Лина вздрогнула от неожиданности, от боли в мышцах, от того, что мазь была холодная. Он замер. Коснулся ее бедра еще раз, чуть нежнее, чем в первый. Ледяной не поднимал на нее глаз, но рука его двигалась по ее ноге мягко, даже нежно, а на коленке задержалась чуть дольше, чем было надо. Лина шумно выдохнула, наемник резко убрал руку и, так и не посмотрев ей в глаза, зашел за спину. Нужно было намазать поясницу.

— Пойдем, — он убрал мазь, взял своего коня за поводья и пошел вперед.

— Что?

— Мазь подействует через час, а может, и позже. Сидеть нельзя, лучше двигаться. Поэтому пойдем.

* * *

Горный луг только просыпался. Не так давно сошел снег, и камни, хоть и опутанные травой, похожей на земной бересклет, еще хорошо были видны в траве. Лина аккуратно переступала по кочкам, пытаясь не отставать от Ледяного. То тут, то там виднелись первоцветы. Что-то ярко-желтое, что чужемирка окрестила про себя крокусами, что-то беленькое, очень похожее на маргаритки. Чем ниже они спускались, тем больше цветов попадалось под ногами. Лина не удержалась и начала собирать букетик: желтенький цветочек, к нему синенький, беленький. Ледяной косился на нее с явным неодобрением, но замечания не делал.

— Ой, смотри какой красивый! — девушка, похоже, совсем забыла все свои горести и по-детски наслаждалась весной.

Наемник резко остановился:

— Мы тут не на прогулке!

— Да? Ой, — Лина растерянно посмотрела на цветы в своих руках, попыталась спрятать их в карман, обнаружила, что карманов у нее нет, и с абсолютно детским сожалением бросила цветы в траву. В глазах стояли слезы, чтобы не выдать их, Лина опустила взгляд и покорно пошла по дорожке.

— Что за напасть, демоны тебя побери, — чужемирка не гарантировала точность фразы.

Ледяной выругался сквозь зубы. Но имел в виду он явно что-то похожее.

Одним прыжком наемник заскочил на валун и сорвал растение, которое так впечатлило Лину. Ярко розовое зонтичное соцветие напоминало гроздь винограда или очень крупную

малину. Он подобрал брошенные цветы и закинул их под один из ремней седельной сумки. Лина наблюдала за ним с широко раскрытыми глазами. Она ожидала чего угодно, но не этого.

— Что опять не так? Не тот цветок? — наемник почему-то все сильнее злился.

— Тот, тот, — Лина утерла слезы. — Спасибо большое. Все так, — последнее она сказала почти шепотом.

— Ну раз все так, пошли, за пригорком уже город начинается. Надеюсь, торговцы еще не закрылись.

— Давай я попробую сесть верхом, — Лина по-своему истолковала его злость.

— Нет, не надо. Иначе завтра не сядешь.

Надо же, он о ней заботится. Лина отвела взгляд, возникла пауза, которую смертельно хотелось заполнить чем-то теплым, добрым, красивым. Взгляд сам собой упал на букет в седельной сумке.

— А как он называется? — Лина все любовалась крупным розовым соцветием.

— Кто? — наемник об этом, похоже, уже и забыл.

— Этот цветок.

— Не знаю, — сказал, как отрезал. Лина опять замолчала и сникла. Ледяной обернулся и чертыхнулся.

— Я правда не знаю!

— Я вовсе не... — Лина хотела сказать, что не настаивает, но он не дал ей.

— Вот эта трава, — он наклонился и сорвал что-то прямо из-под ног, — хорошо останавливает кровотечение. Неглубокое, конечно. Травники ее зовут литиль, в народе прелестник. Вот эта, — он сорвал какую-то ползучую нитку с придорожного камня, — спасет, если натер ногу или плечо под доспехом. Его все зовут одинаково, вейник. Отвар из тех цветов, — наемник указал на плотное пятно белых точек в низине, — обеззараживает рану. Травники называют их морилис, в деревнях говорят — жуйки. Как называются те цветы, что собрала ты — я не знаю, — Ледяной отвернулся.

Лина собрала все веточки, которые он ей показал, и добавила к своему букету. Какое-то время шли молча. Спустя пару минут Лина тихонько взяла его за руку. Он повернулся к ней.

— Чего?

— Спасибо, — Лина говорила тихо, почти шепотом. — За все, что ты делаешь для меня, спасибо.

Наемник остановился и посмотрел на нее долгим взглядом, каким смотрят на больного ребенка или на старую, но любимую собаку.

— Я забрал твою жизнь. Мне хочется, чтобы она была достойной, пока моя...

Наемник резко отвернулся и ускорил шаг. Ну вот! Такой хороший момент спросить, что все это значит, а он убегает. Лина аж подпрыгнула:

— Стой! Куда ты?

— Город начинается! Пошли быстрее, есть хочу.

У них, конечно, была с собой еда: сухари, вяленые фрукты, вареные яйца и вода во флягах. Но разве этим пообедаешь? И почему бы не поесть нормально в таверне, если есть такая возможность?

Вольхольм стоял на пересечении двух торговых путей и был намного крупнее Мельхорна. И симпатичнее. Он гораздо больше походил на городок. Здесь каменным был не только замок, стоящий, как водится, чуть в стороне, но и дома на центральных улицах.

Около фонтанной площади стояли три крупных здания: ратуша, молельный дом и обитель магов. Там же была крупная таверна, с полотняным скатертями на столах, и кадками с цветами повсюду. Лина даже готова была назвать это местечко рестораном. По своим, чужеземным меркам.

От площади под неправильными углами расходились улицы. Широкие, с каменными домами по обеим сторонам. Первые дома принадлежали, как и полагается, самым знатным жителям городка. Дальше же начинались магазины и мастерские, в которых нижний этаж был из камня и глины, а верх надстраивался из дерева. Улицы хаотично ветвились и заканчивались, как и полагается, низенькими одноэтажными домиками, в которых нищета была щедро прикрыта цветами в простых горшках и покрашена белилами.

Лина с Ледяным зашли с южной стороны города. Они так и шли пешком, ведя коней в поводу, и Лина порядком устала: спина и бедра не болели, но ступни в неудобных мужских ботинках уже просто горели.

Ледяной шел целенаправленно в кожевенный квартал. Некоторые лавки действительно уже закрывались — было ведь сильно за полдень. Обувь, сумки, сбруя, седла, ножны, кожевенные шлемы и нагрудники — чего здесь только не было! Лина, как самая правильная девочка, первым делом застряла у лавки с сумочками. Миниатюрные — явно не для похода на рынок — причудливой грушевидной формы, они были искусно отделаны тиснением, украшены самоцветами, плетением, а некоторые даже перьями. Красные, синие, коричневые...

Восхищенно распахнув глаза, Лина застыла у витрины. Ледяной остановился рядом. Он смотрел на это все богатство с таким видом, как будто лично у него сумочки вызывали зубную боль.

— Я просто посмотрю, хорошо? — Лина подняла умоляющий взгляд на наемника.

— Я буду напротив, — поморщившись, ответил Ледяной и шагнул в лавку на другой стороне улицы. Там, согласно тонкой задумке местных торговцев, был исключительно мужской товар.

Лина кивнула ему, а сама скривилась: чего только она от него не слышала. И в воде ледяной он бывал, и травами раны залечивал. Сейчас выяснится, что он в голодные годы питался сумочками, и именно поэтому вот эти с перьями вызывают у него изжогу.

Оставшись в одиночестве, чужеземка глубоко вдохнула тонкий аромат крашеной кожи и погрузилась в волшебный мир дамских штучек. Лина понимала, что сумочка ей совершенно точно не нужна в поездке. Она уже почти уговорила себя отойти и отвернуться — тоненький ремешок искусного плетения все не давал ей покоя — как резкий крик заставил ее обернуться. Тут же что-то врезалось ей в живот и прошмыгнуло за спину.

— Держи щенка! — торговец почти выскочил из-за прилавка, пытаясь поймать мальчишку лет семи, спрятавшегося за Лину.

Все женское, учительское и даже немного материнского проснулось в Лине в эту секунду. Мельком увиденные рыжие вихры ей о ком-то напомнили. «Не отдам!» — решила она. Она накинула полу плаща на мальчонку и выпятила довольно-таки скромную грудь:

— Как вы смеете поднимать руку на ребенка!

Яростный блеск в ее глазах на пару секунд задержал несущегося за мальчишкой мужика. Тот, надо отметить, был сильно крупнее Лины. Одет был в какое-то подобие формы: поверх полотняной рубахи накинута сюртук с вензелями, а через грудь, наподобие портупей, шел ремень со знаками на нем. Явно представитель закона. Или местного кнеста, что, в

принципе, одно и то же. Стражник быстро пришел в себя:

— Пошла вон, девка!

Над головой Лины свистнула плетка. Первое, что чужемирка подумала — ее тут всерьез еще не били.

В следующее мгновение она увидела перед собой широкие плечи, белые волосы и руку, на которую намотался предназначавшийся ей хлыст.

— Уважаемый керт, — Ледяной, казалось, и не почувствовал боли, стряхнул плеть с руки и вернул стражнику. — Сожалею, что моя спутница вызвала у вас недовольство, — сладкая речь сопровождалась прямым взглядом, опущенным подбородком и сжатыми кулаками. — Она чужемирка. Не успела выучить наши законы. Я как раз сопровождаю ее в храм. Прошу принять мои извинения, оставил без присмотра.

Ни у лавочника, ни у стражника не возникло сомнений, что будет, если извинения не примут.

Стражник покосился на рукоять длинного кинжала, бросил быстрый взгляд на ножи, которые Ледяной носил на поясе, и отступил.

— У вашей спутницы под юбкой сидит малолетний преступник. Выдайте его нам!

Плащ Лины слегка дрогнул и слился с юбкой почти вплотную. Ледяной чуть отступил и вытащил мальчишку из-за спины чужемирки. Тощий, рыжий, вихрастый, с темно-кариыми шаловливыми глазами и веснушками, щедро рассыпанными по немой мордашке, мальчишка явно был напуган. Цеплялся за Линину юбку и никак не хотел выходить.

— Как вы можете?! Он же...

Лина хотела сказать, что это всего лишь ребенок. Мальчонка так живо напомнил ей Кольку из третьего «Б». Умного живого шалопаю, с которым вечно были проблемы — то синяк однокласснику поставит, то в игре чью-нибудь куртку разорвет.

Ледяной одним взглядом, как умел только он, остановил Линыны излияния. Училка замолкла на полуслове.

— Что натворил малец? — наемник говорил тихо и спокойно. Это подействовало на стражника. Лицо у того уже не дергалось, он, напротив, расправил плечи, успокоился.

— Отдан он в услужение в обитель. Считал его тятка, что из него травник толковый выйдет. Так он мало того, что не учится — сбегает постоянно, так еще и по фермам лазит, над коровами колдует! У трех семей уж удои упали, а молоко сразу киснет!

— Так неужто благородные мужи из обители не разберутся с неумелой порчей этого оборванца?

Ледяной знал, что говорить. Вина мальчонки была мизерна.

— Да разобрались уже, но сколько ж можно этого вредителя ловить?

Так вот оно что: мальчонка не давал стражам покоя, как вошь в воротнике. Ледяной замолчал, что-то обдумывая, посмотрел на трясущегося парня, на Лину. Та рта не открывала, но взгляд ее был очень красноречив. Возмущение, сострадание, мольба — все в нем смешалось.

— Я увезу мальчишку, — даже Лина ахнула. Чувствовалось, что решение далось наемнику нелегко.

— А ущерб кто возмещать будет?

— Сколько?

— Дык порядком, десятка золотых уж набежало!

Ледяной молчал. Стражник ждал.

— Отдам пять. Ну или оставлю его здесь, и выколачивайте свои десять из него, как хотите.

— Пойдет пять, — стражник согласился подозрительно быстро.

— Дай нам кнестов ордер, чтобы мы спокойно уехали.

— Кнестова ордера нет. Даю тебе мое слово, что в течении часа вас никто не тронет, — стражник с довольным видом засовывал монеты себе в карман. — Время пошло.

Ледяной стиснул зубы, но деваться было некуда. Он бросил гневный взгляд в сторону Лины, прижимавшей к себе мальчика:

— Быстро. В обувную лавку.

Лина всегда старалась выбирать обувь с чувством, с толком, с расстановкой. Надеть обе туфли, ну или сапога. Постоять в них, походить. Так что в этот раз, можно сказать, и не выбирала. Ледяной с ходу что-то крикнул обувному мастеру. Тот вынес три пары сапог. Одни наемник сразу забраковал:

— Слишком жесткие, она себе все ноги сотрет.

Две остальных всучил Лине:

— Меряй, какие удобнее?

У одной пары была толстая и жесткая подошва. Лина подумала, что ей, наверное, придется много ходить. Да и выглядели она надежнее, чем вторые. Надела их. Сапоги сели на ногу почти идеально. Ну, точно лучше, чем те ботинки, в которых она была сейчас.

— Эти пойдут! — наемник окинул ее благодарным взглядом. Видимо, он был уверен, что придется примерить минимум пар пять.

— Берем, — она так в них и пошла. Старые ботинки свои оставила в обувной мастерской. Хотела забрать на всякий случай, мало ли как жизнь повернется, но Ледяной сказал — брось.

— Прости, ты из-за меня слишком потратился, — Лина те пять золотых почему-то отнесла на свой счет.

— С деньгами проблем у нас нет, есть со временем. Быстро в мясную лавку. Купим мяса и хлеба. Поесть придется за городом. Быстро, быстро, чего плететесь, как осенние мухи! У нас сорок минут!

Выезжали из города почти галопом. Лина тоскливо посмотрела на удаляющийся ресторанчик на красивой площади. И почему она вечно влипает во всякие истории! Сейчас бы сидели, как нормальные люди, обедали. Хотя! Рестораны никогда ей ничего хорошего не приносили — Лина встряхнулась — последний, в котором она была, так вообще взорвался. Так что все нормально. Поедим в дороге. Чужемирка посмотрела на мальчонку, который прижимался к наемнику — тот не доверял навыкам Лины и посадил неудачливого ученика мага с собой, — и улыбнулась. Зато они теперь троим! Веселее будет.

Вольхорм оставался позади.

Уехали недалеко. Все же наемник был голоден. На первой попавшейся поляне спешили, разложили костер. Едва соленая курица, жаренная на костре, и мягкий серый хлеб показались чуть ли не деликатесами. Мальчонка сказал, что его зовут Горсинт, коротко Синт. Поняв, что опасность миновала, он болтал без умолку.

— А куда вы едете? Впрочем, не важно куда, — это он встретил фирменный взгляд Ледяного, — отсюда все едут на Реату, а там видно будет, правда же? — на этой фразе Ледяной отвернулся. — А ты тоже травница? — он заметил букетик в седельной сумке Лины.

— Нет, просто, для красоты собрала, — пожала плечами молодая учительница.

— А... Я так и подумал. Нет, я сначала подумал, что ты собралась приворотное зелье варить, иначе зачем тебе и стролла, и смика, — наткнулся на ошарашенный взгляд Лины. — Ну да, ну потом я увидел, что тут и хостфот, и грулт. Я подумал, странненькое зелье получится. Да и зачем тебе приворотное зелье, если ты ему и так жизнь отдала, — тут уж он встретил по-настоящему зверский взгляд наемника. — А давайте я за хворостом сбегая?

— Сядь, — рявкнул Ледяной.

— Эй, потише, — Лина сама вздрогнула от этого окрика, но твердо была настроена никому не позволять так разговаривать с ребенком. — А то тут все сейчас сядут, включая лошадей. Что делать тогда будем?

Мальчонка захихикал в кулак, Ледяной посмотрел на Лину недоуменно, потом понял суть, раздраженно отвернулся.

— Расскажи лучше, — Лина подсовывала мальчишке куски курицы помягче, — откуда ты, и почему тебя стража ловила?

— Да, дело обычное, — Синт совершенно не стеснялся говорить с набитым ртом. — Сирота я. А когда в деревне был, бабка по отцу меня травам учила. Вроде я понимал, видел их. Знаешь, травка иногда светится, иногда теплая. Бывает, и названия не знаешь, а рукой потрогаешь, посмотришь, и понимаешь, поможет тебе или навредит.

— И тебя в травники отдали учиться, — это уже Ледяной подсел к костру.

— Ну да. Дядька отдал. То ли отдал, то ли продал, я так и не понял. Но домой мне не вернуться, — мальчонка совершенно искренне вздохнул. — Я пытался.

— А не рано ли отдали? Сколько лет тебе? — с сомнением спросила Лина.

— Мне почти десять весен! — гордо задрал нос ученик мага.

— Значит, только что девять исполнилось, — усмехнулся Ледяной.

— Ну, — слегка поник мальчонка, — да. Как раз на неделе весенних ветров я и родился, — он шмыгнул носом и вытер сопли тыльной стороной ладони. Лина не выдержала и потрепала его по рыжим вихрам.

— Вроде в учениках мага почетно быть. Зачем тебе домой? — Чужемирка протянула ему чашку взвара. Синт недоверчиво посмотрел на нее.

— А что там?

— Обычный взвар, на рынке купила. Пей!

— Пей, пей, — хмурясь, поддакнул Ледяной. — Она меня вечно чем-то поит, видишь, живой пока.

Лина вспыхнула, а мальчонка оценивающе посмотрел на Ледяного, но взвар все же отпил.

— Она может без умысла, а по незнанию, вон, — он кивнул на букет, собранный утром, — хостфота добавит, мучайся потом.

— Ты про букет? Да для красоты я его набрала! Я и не думала, что каждая травинка для чего-то используется! А что за хостфот?

— Ну, — мальчишка замялся, — его пьют, когда живот опорожнить долго не могут...

Тут Ледяной в голос захохотал:

— Хорошенькое приворотное зелье вышло бы! — Лина покраснела, но тоже засмеялась. Мальчонка отпил большой глоток взвара, спрятав нос в кружке.

— Видишь, как ты в травах разбираешься, — Лина отсмеялась первой. — Чего ж проказничал?

— Плохой я ученик. Видеть траву вижу, а запомнить все, как в книгах пишут, не могу. И людей так же вижу, как травы.

— Это поэтому ты увидел, что я ему жизнь отдала? — Лина не хотела уходить от этой темы.

— Ну да. Видно же, что он тебя ведет. Ты теплая и светлая. А он...

— Если людей видишь, то, стало быть, силовой или боевой ты, — наемник совершенно не хотел слушать, каким видел его несостоявшийся маг.

— Да в том то и дело, что нет, не могу я поток подхватить, только вижу. Вот. И тут вижу, и там.

— А на деле ни тут, ни там, — закончил за него Ледяной.

— Ну да, — горько вздохнул Синт. — Ни то, ни се. За то и получал.

— А что за история с коровами? Кому ты там молоко портил?

— Да ничего я не портил, — мальчишка аж подскочил со своего пенька, потом тихонько сел обратно. — Воровал немного. В обители я был в немилости, грязную работу на меня свалят, а кормят после всех.

Лина отвела вспыхнувший болью взгляд. Ледяной помолчал немного, потом встал и принялся распаковывать седельные сумки. Достал одеяла, охранный и согревающий кристаллы.

— Ладно. Завтра решим, как с тобой быть. Сейчас — спать.

Согревающих кристаллов было только два, — магические артефакты стоили дорого, про запас много не возьмешь. Один из кристаллов и одеяло Ледяной протянул мальчишке. Тот и не пытался возражать. У него глаза слипались после сытного ужина, так что он укутался и уснул первым. Второй кристалл Ледяной отдал Лине.

— А ты-то как? Тебе ж тоже спать надо.

— Выплюсь. Не впервой спать без кристалла.

Лина даже не сомневалась, что ему приходилось спать на голой земле. Но все же что-то мешало ей принять его предложение.

— Давай еще посидим. Я не устала, — соврала чужемирка.

Ледяной посмотрел на нее поверх огня. Помолчали. Это было то приятное молчание, которое не разделяет, а объединяет. Каждый думал о своем, и все же они были рядом.

— Знаешь, — Лина решила поделиться мыслями, — он когда стал рассказывать, что на

него свалили всю работу, я сразу таверну вспомнила. Давай возьмем его с собой? — она не знала, какие у наемника планы. Может, он сжалился и просто вывез мальчонку из города. А куда его дальше девать и думать не хочет. — Нельзя же оставлять его одного? В город ему не вернуться. Не бросать же ребенка в лесу.

Ледяной смотрел на Лину, которая совершенно искренне пыталась помочь незнакомому мальчику. Просто потому что он незащищен. Просто потому что нельзя бросать слабых в беде.

— Когда-то много лет назад я точно так же, как он, оказался в лесу.

— Один?

— Один.

— И никого не встретил? — в голосе чужемирки ясно слышалась тревога. За того мальчика, которым был когда-то этот страшный наемник.

— Встретил.

— И что они? Помогли?

— Можно и так сказать, — наемник задумался, помолчав, добавил: — Я остался жив.

Лина смотрела на него, ожидая продолжения, но он молчал. Чужемирка поняла, что больше он рассказывать не будет, а лезть в личное с расспросами не хотелось. Она встала, сходила в ближайшие кусты по нужде, вернулась и принялась расстилать одеяло.

— Слушай, если постелить мой плащ на землю, а укрыться одеялом, то можно спать вдвоем. Кристалла же хватит на двоих?

— Ты предлагаешь мне спать с тобой? — в его тоне было удивление, насмешка и что-то еще, но ей и без того стало стыдно — хорошо, что было темно, и он не увидел, как она покраснела.

— Я... — голос не слушался, она откашлялась. — Я просто... Мы же все равно не будем раздеваться. Можно положить что-то между нами, — внутри у нее что-то странно заворочалось. К смущению добавилось странное чувство — вроде как умиление или жалость. Лина совершенно не могла сама себя понять, отвела взгляд, прижала к себе одеяло, спрятав в него нос.

Ледяной встал, подошел к ней вплотную, повесил согревающий кристалл ей на шею и укутал, как ребенка:

— Спи, глупая, — он активировал охранный кристалл. — Я схожу за хворостом.

Развернулся и ушел в ночной лес. А Лине ничего не оставалось, как улечься рядом с Синтом.

* * *

Утро выдалось туманным. Земля уже начала прогреваться, но холодный воздух, спустившийся с гор, укутал весь пролесок мягким плотным облаком. Запахи земли и травы, усиленные влагой, казались почти вещественными. Голоса, отраженные от миллиардов капель воды, гулко раскатывались по округе. Лина с Синтом баловались, перекрикиваясь из-за деревьев. Ледяной, напротив, хмурился. Озирался по сторонам и, то и дело цыкая на них, к чему-то прислушивался.

Для утреннего костра хватило того хвороста, что наемник набрал ночью. Согрели взвар, доели мягкий хлеб и сыр. Лина достала из сумки фрукт, который про себя называла яблоком,

и бросила Синту. Ребенок с радостью вгрызся в сладкую мякоть. Чужемирка удовлетворенно улыбнулась и обернулась на наемника, но тот, напротив, смотрел на нее неодобрительно. Все ее хорошее настроение как рукой сняло. Ишь, яблока ему жалко ребенку.

— Синт, помоги мне оседлать лошадей.

Ледяной начал собираться в дорогу. Лина могла уложить по сумкам пледы и кристаллы, но лошадь оседлать, это — нет, увольте... Как-нибудь в другой раз.

Мальчонка без лишних слов подхватил потник и пошел к Рябушке. Ледяной одобрительно посматривал на действия ученика мага.

— Лошадей знаешь?

— А то! — Синт аж расцвел в детской щербатой улыбке. — Всегда любил!

— За стременем бегать умеешь?

— Конечно, керт!

— За моим побежишь, Гельт сильнее.

Лина не поняла, о чем они говорили, но мальчишка аж светился от удовольствия. Оседлав ее кобылку, он приблизился к жеребцу наемника. Изабелловый, совсем не коренастый, а, напротив, изящный, жилистый, с крепкой шеей и удивительным разрезом голубых глаз, конь неодобрительно посматривал на крутившегося рядом ребенка. Синт обошел его, присматриваясь. Скакун нервно перебирал копытами и шумно втягивал розовыми ноздрями воздух. Мальчонка попробовал приблизиться. Конь предостерегающе мотнул головой и клацнул зубами.

— Ишь ты, а вез же меня вчера! — ученик мага уважительно и восхищенно смотрел на зверя, но боялся подходить.

— Вчера ты был со мной, — Ледяной перепроверял подпругу Линоного седла.

— Это теки?

— Полукровка.

— Ну да, настоящий теки уже убил бы.

Наемник улыбнулся и кивнул:

— Этот тоже не промах. Просто я рядом.

Синт посмотрел на Ледяного. В глазах у мальчонки блеснул огонь. Он что-то придумал.

— Я сейчас, — мальчишка рванул в туман.

— Стой! Куда?

— Сейчас, я ему кое-что прине-е... — голос Синта растаял в тумане, как если бы он упал и покатился.

— Демон тебя заberi! — наёмник бросил подпругу и рванул было за мальчишкой. Тут же остановился, обернулся к Лине: — Достань охранный кристалл!

Чужемирка послушно полезла в сумку, но тут же возмутилась:

— Я тут одна не останусь! — ей вдруг стало очень страшно. Чужой лес, туман и Синт пропал.

— Еще как останешься! За лошадьми присмотришь! — Ледяной уже вешал ей на шек артефакт.

— Нет, ну пожалуйста, — слезы выступили у нее на глазах. — Мне страшно!

— Я тут! Я вернулся!

Пока двое взрослых препирались, Синт вынырнул из тумана. Куртенка его была испачкана, будто он и в самом деле упал, в руке он сжимал пучок какой-то травы. Наемник облегченно выдохнул, Лина бросилась проверять его руку и колено — не расшиб ли.

Ледяной посмотрел на мальчишку, потом на чужемирку.

— Так, слушаем меня внимательно. Не расходимся. Никуда! Без моего согласия вообще от меня не отходим! Оба! Поняли? — девушка и мальчик молча кивнули. Спорить с наемником сейчас не хотелось. — Трогаемся! — Он был зол, очень зол.

Мальчишка подошел к Гельту и протянул ему пучок травы.

— Что это? — Ледяной нахмурился.

— Журавье перо. Я все забываю, как оно в книгах называется.

Конь потянулся носом к пучку, чихнул, довольно фыркнул. Лина кобылка тоже попробовала понюхать соблазнительную травку, но тут же получила удар мордой от жеребца. Изабелловый собрал губами предложенное лакомство и, гордо выгнув мощную шею, сделал вид, что не замечает мальчишку рядом. Синт улыбнулся.

— Все лошади его любят, — погладил бок жеребца. — Подружился.

Ледяной одобрительно посмотрел на ученика мага, но промолчал. Подошел к Лине, помог ей сесть в седло.

— В путь.

Дорогие читатели, если вы подпишетесь на автора и добавите книгу в библиотеку, то сайт вам сообщит, когда появятся обновления. Мне кажется, это удобно)

Из лесу выезжали пешком, так что Лина не удивилась, что Синт просто шел. На ровной дороге бывшая москвичка попробовала перейти на галоп и так радовалась своим успехам в верховой езде, что даже не заметила, что Синт не в седле у Ледяного, а бежит сбоку от лошади. Мальчишка подтягивался на стремени, толкаясь от земли в одном ритме с животным. Что-то вроде масленичной карусельки — пронеслось в голове у девушки. Детский аттракцион. Она осадилась свою лошадь так резко, что чуть не вылетела из седла.

— Что случилось? — наемник сбавил скорость гораздо плавнее. Из-за мальчишки, надо думать.

— Что случилось? Это я хочу знать, что случилось?

Лицо у Лины пошло багровыми пятнами, глаза загорелись яростью, губы приоткрылись — она задыхалась от возмущения. Ледяной совершенно ее не понимал. Он нахмурился, огляделся по сторонам. Нет. Не понимал.

— Почему мальчик бежит за лошастью? — снизошла Лина до пояснения.

— А что тут такого?

— Вчера же ты его вез!

— Вчера нам надо было быстро уехать из города. А сейчас не надо. Ты все равно в галопе долго не продержишься. Он бегать за стремянем умеет. В чем проблема? — Ледяной искренне не понимал причин возмущения.

— В том, что он — ребенок! — Лина произнесла это таким тоном, будто доказывала прописную истину, но и наемник, и мальчик смотрели на нее с недоумением.

— Почему не бережешь его? Он же маленький, беззащитный. Он слабый! Слабее тебя!

— Ну так и пусть закаляется. Авось толковым вырастет.

— Что с него вырастет, если его все вокруг бьют, унижают, продают и меньше лошади ценят? Ты понимаешь, что ты делаешь? Это же человек! Он сейчас учится к людям, к миру относиться! А ты ему показываешь, что он — дешевле коня! Каким он вырастет? Что он в этот мир принесёт? Как он жить будет? — Лину трясло.

— Кресса, да что вы, — мальчишка попробовал оправдать наемника, скакун которого ему так нравился. Не все из сказанного было понятно, но кажется, от лошади его сейчас отлучат. — Это ж честь за таким конем бежать!

Лина посмотрела на него и расплакалась. Просто навзрыд, не стесняясь всхлипов и слез. Неопытная наездница не могла в таком состоянии сидеть верхом и неуклюже спешила. Чуть не подвернула ногу, но соскочивший с коня наемник поддержал ее. Он молчал, но, кажется, не злился. Ждал, думал, терпел, но не злился.

— Прости, — Лина уткнулась лбом в его грудь. — Я никогда не привыкну к этому миру. Ну как же вы так живете? Ну нельзя же так! Зря ты удержал меня там, на берегу...

Ледяной прикрыл глаза и положил ладонь ей на волосы.

— Лина, — чужемирка аж вздрогнула, он первый раз назвал ее по имени. Перестала реветь и расширенными от удивления глазами посмотрела на наемника так, будто видела его первый раз. — Садись верхом. У нас впереди долгая дорога.

Он не стал ей помогать. Заскочил в седло, наклонился, за ворот, словно щенка, поднял мальчонку и усадил перед собой. Изабелловый жеребец пошел быстрым шагом. Лина стряхнула с себя оторопь и поспешила сесть на свою Рябу. Остаться одной на чужой

дороге ей совсем не хотелось.

* * *

Ледяной был прав — долго держать галоп Лина не смогла. Не спешили, не останавливались, но даже рысь все чаще переходила в шаг. Синт то и дело слезал с коня и рыскал по лугу в поисках интересных трав. Когда мальчишка отходил слишком далеко, наемник возвращал его коротким окриком.

Ледяному было неуютно. Он то и дело озирался по сторонам, прислушивался к чему-то. Лина ясно чувствовала его беспокойство. «Это из-за погоды», — уговаривала она себя. Туман так до конца и не рассеялся. Облачное небо не пропускало солнечных лучей, поэтому, несмотря на то, что был почти полдень, казалось, что на дворе сумерки.

Лошади уже какое-то время просто шли. Синт, насобиравший целую кучу цветов, крутился рядом с Линой и на ходу плел ей венок.

— Вот это болиглав, — он гордо показывал фиолетовое соцветие, напоминающее Лине сирень. — В учебниках — силет синий. Он головную боль лечит. Даже сильную, если отвар.

Лина улыбалась и внимательно слушала мальчонку. Он так мило и по-детски хотел сделать ей приятно.

— Это вот трава страшная, — Синт немного смущенно показал Лине очень красивую ветку с мелкими желтоватыми цветами. — Но красивая, правда? Это китиль. В деревнях его зовут то сон-травой, то упокойником. Очень сильное снотворное. Если переборщить, так и вечно спать можно. Но в венке от него никакого вреда не будет! Честно!

Лина ободряюще улыбнулась начинающему травнику. Конечно, малыш. Знал бы ты, что еще три дня назад она сама собиралась упокоиться, не смущался бы так.

— А это — литиль, — он показал почти такую же, но лиловую ветвь. — Совершенно бесполезная. Но красивая, — Синт широко улыбнулся и протянул Лине готовый венок. — А дай еще хлеба? Можно? — мальчонка явно проголодался.

— Ты руки сполосни, — назидательно проговорила Лина, протягивая ему сперва флягу. — А то возился в своих травах. Будет потом что-нибудь болеть!

— Или уже совсем ничем не болеть, — Ледяной, оказывается, слышал весь их разговор. — Мы до Реаты все равно только к ночи доберемся. Тут деревенька в стороне есть. Даже хутор. На три дома. Давайте заедем, хоть горячий обед попросим.

* * *

До деревушки добрались быстро — по тропе через луг, да немного через лес, чтобы крюк не делать. Серые приземистые дома встретили их тишиной. «Что за день, — пронеслось в голове у Лины, и тут же эхом отдались вроде как не ее слова: — Мерзкий туман».

— Тут туман, кажется, еще плотнее, — Синт вслух проговорил то, о чем Лина подумала.

— Тишина какая, — Лине было жутко.

— На работах, наверное, все, — наемнику тоже что-то не нравилось. Он спешил, но подходить к домам не торопился.

В ответ на его слова дверь крайней избышки распахнулась, и на пороге показалась сморщенная старушка в неопределенного цвета одежде.

— День добрый, гости дорогие! — из-за ее спины выглянула женщина помоложе. — Проходите, коли с добром пришли.

— С добром, уважаемая кресса, — Ледяной все так же не отходил от лошадей, но говорил приветливо. — В пути мы. Ищем обеда горячего. У вас такого нет?

— Не сильно богат наш дом, но тарелка супа хорошим людям найдется, — старуха отступила вглубь дома, приглашая внутрь.

— Жуткая она какая-то, — прошептала Лина.

— Как ведьма старая! — Синт был менее деликатен.

— Цыц ты, еще услышит, — наемнику самому все не нравилось, но и уходить повода не было. — Мы с кнестом в прошлом году тут бывали. На охоте. Деревня как деревня. Лесом живут, в Воленхольме и в Реате торгуют.

Путники медленно зашли в дом. Старуха хлопотала у котелков, молодая женщина накрывала на стол.

— Где тут у вас освежиться с дороги? — наемник озирался в избышке, стараясь заглянуть в каждый угол.

— Да вон, пройдите, — старуха махнула рукой в угол кухни. — Марша, подай воды керту и его жене.

Лина даже спорить не стала. Жена, так жена. Ухватила Синта за руку и прижала его к себе. И сын.

— Рядом быть. Не расходимся, — сквозь зубы проговорил Ледяной, пока они поливали другу другу водой руки.

— Нас тут не отравят? — Лине упорно не нравилось это место.

— А охранный амулет на что?

Только сейчас Лина заметила, что наемник достал из седельной сумки один из амулетов и повесил себе на пояс.

Старуха подала жиденький овощной суп и горячий взвар. Это были отнюдь не кулинарные шедевры, но еда была теплая, сытная. Что еще уставшим в дороге людям надо?

— Спасибо за еду, уважаемая кресса, — Ледяной достал из кошелька золотой и положил на стол. — Нам пора возвращаться на дорогу.

— Ох, уважаемый путник, ты очень щедр к нам, но позволь попросить у тебя не деньги, а помощь, — старуха мяла в руках полотенце, переступала с ноги на ногу, чувствовалось, что она не хочет никого обременять, но обращаться ей больше не к кому. — Уж третий день, как сын мой в лес ушел. И до сих пор не вернулся. Я так думаю, что идти домой ему не с чем — весна нонче на дары не богатая, вот он в охотничьем домишке и застрял. Попросила бы местных, но соседи как раз на ярмарку уехали, а невестку боюсь отпускать. Стара я уже одна надолго оставаться.

Говорила старуха гладко, но что-то во всей этой картине не клеилось. Не уходят хуторские мужчины все одновременно. Если один в лесу, то и на ярмарку поедет один. А то и не поедет. Как же хутор без мужика. Старуха не выглядела беспомощной. У жаровни возилась она, все по кухне делала она. А эта невестка молчит, как воды в рот набрала. И расстроенной не выглядит. Скорее пристыженной. Все глаза прячет, из-за старухиной спины не выходит.

— Уважаемая кресса, ты же видишь, что я с женой и с ребенком. Тяжело им будет по

лесу идти. Верхом не пройдешь, пешком идти долго. А мы рассчитывали ночевать уже в Реате.

— Не оставь в беде старуху, сынок, — глаза у хозяйки избы заблестели, будто от слез, — некого мне больше просить. Времена беспокойные, страшно нам. И тут оставаться страшно, и идти в лес страшно. Тут же не долго. До излучины реки. Можешь свою женушку с сыном тут оставить. Без них быстрее пройдешь, а они пока отдохнут.

Ледяной смотрел на плачущую старушку. Не он ли только что говорил, что деревня как деревня.

— Хорошо, только мы возвращаться не будем. Если никого в вашей избушке не встретим, не обессудьте, поедем дальше.

— Хоть мальчонку тут оставьте, — впервые подала голос молодая женщина. Старуха тут же на нее зыркнула, невестка пристыженно отвернулась и ушла в дальний угол дома, за прялку.

Ледяной и Лина вышли на крыльцо. Сразу после обеда садиться верхом не хотелось, решили пройтись немного пешком, ведя лошадей в поводу. Туманный лес выглядел пугающе. Лина поежилась и тихонько спросила у Ледяного:

— Ты же хороший боец, если что, да?

— Если что, я — да. А ты?

Лина перехватила его взгляд, и приготовленная колкость так и застряла в горле. В глазах Ледяного не было насмешки. Только волнение.

Старуха дошла до изгороди, провожая их взглядом. Невестка выходить не стала. Стояла на пороге и с горечью смотрела им вслед.

Когда они отошли настолько, что их не было ни видно, ни слышно, наемник подозвал к себе мальчишку:

— Синт, пользоваться ножом умеешь?

— Ну, так... Хлеб резать, овощи чистить.

— Синт, я сейчас не об овощах!

Мальчонка шумно сглотнул:

— Не знаю, кур на деревне резали, но то ж курица, а то...

— Если ты думаешь, что все так плохо, — вмешалась Лина, — давай не пойдем! Вернемся на дорогу!

— Все может быть хуже, чем ты думаешь, — наемник остановился и осмотрелся, — в избе у бабки нет ни одной мужской вещи. Ни сюртука, ни тапка, ни сапога. Ничего. Топор на колоде стоит маленький, как для женщины. Ножи все легкие. В той избе мужик либо не жил никогда, либо давно не живет.

— Так за кем же она нас тогда послала? — Лина недоуменно оглянулась в сторону деревни. — Тем более! Что за ерунда! Пошли вернемся на дорогу!

— Ч-ш-ш... — он перехватил ее под руку. — Не спеши. Во-первых, вернуться нам придется мимо той же избы. Сомневаюсь я, что нас там радушно встретят так быстро.

— Их же всего двое!

— Не двое, а семеро, как минимум. Ты на другие избы не смотрела? — Лина сама себе призналась, что не смотрела. — Лошадей быстро не пошлем — лес. Я, положим, со всеми управлюсь, а вы? Вас либо ранят, либо придется оставить без присмотра...

— Но так-то мы точно едем в ловушку!

— Да кто тебе сказал, что мы туда едем? Бабка сказала, что избушка на излучине реки.

Мы не пойдём к реке. Они думают, что мы пойдём по тропе мимо речки и постараемся как можно быстрее выйти на столбовую дорогу. Скорее всего, там нас и ждут. Попробуем их обойти.

— Как?

— Зайдем чуть глубже в чащу. Там тоже есть тропа, которая уходит в леса Берьяты. На самом деле, можно через Берьяту и уйти. Там из сложного только болото.

— А это то самое болото, из которого никто живым не выходил? — Синт очень вовремя встрял в разговор. По взгляду Ледяного было ясно, что ему очень хочется отвесить мальчишке подзатыльник, но тот уже спрятался за Линой.

— Я выходил. Я знаю те болота, — на это ни у ученика мага, ни у чужемирки возражений не нашлось. В любом случае, выбора у них нет. Только его слушаться.

Ледяной снял с пояса нож и отдал Синту.

— Тебе не даю, — прямо в глаза Лине он не смотрел. — Он хоть кур резал, а ты и курицу зарезать не смогла. Тебе от ножа больше вреда будет. Держись ближе ко мне.

— Если дойдет до драки, — это он уже учил мальчишку, — ты не режь, не хлеб к обеду подаешь. Ножом колоть надо. Чем чаще, тем лучше. Не проворачивай. Ты слабый. Ударил, сильно, как смог, и вытаскивай. Не можешь вытащить — беги. Лучше всего человека бить справа под ребра. Выше у тебя не получится, а тут печенка. Это серьезная рана.

Уважаемые читатели, буду очень рада вашим комментариям!

Лина старалась не слушать эту жестокую лекцию. Чем дальше они заходили в лес, тем больше мурашек бежало у нее по спине. Толстые стволы деревьев, больше одного обхвата, стояли плотной, непроходимой стеной. Мощные ветви в кронах сплетались между собой, не пропуская солнца. Кое-где еще лежал снег. Земля под ногами пружинила, чавкала. В воздухе пахло прелой хвоей и болотом. С тропы они ушли, и теперь приходилось обходить валежник, поросший мхом. То тут, то там виднелись следы животных, но они почему-то совсем не пугали чужемирку. То ли дело деревья, пронизывающие туман своими черными ветками. Они складывались в неясные силуэты, вырисовывались в жуткие фигуры. И эта совершенно неправильная тишина. Так не должно быть. Где птицы? Белки? Ну кто еще днем в лесу виден? Не было никого.

В привычные лесные ароматы вплеся странный тошнотворный запах. То ли прелых стволов, то ли падали. Лошади фыркали, особенно пегая, но шли за поводьями. Лина хотела заговорить, но наемник поднес палец к губам: молчи. Синт старался идти между ними, шаг в шаг повторяя движения Ледяного. Мальчонка жался к наемнику и озирался по сторонам.

Где-то сбоку послышался шум реки. Лина поняла, что они как раз обходят ту излучину, куда должны были идти. Место стало ровнее, деревья немного расступились. Чужемирке показалось, что у них почти получилось, что самое страшное позади, когда Ледяной замер и оглянулся.

Наемник чуть присел на ногах, вытаскивая из-за ножен пристегнутый у седла меч. Перекинул поводья Лине. Та изо всех сил вглядывалась в чащу леса.

— Что случилось? Я никого не вижу! — она шептала, хотя хотелось кричать.

— За нами идут. Шагают с нами в такт, один раз промахнулись.

И тут мальчишка закричал. Ледяной оттолкнул Лину локтем, а сам прыгнул вперед, занося меч. Из леса, громко ревя, выбежал огромный детина. Серый, грязный, в рваной

одежде. Он был совершенно безоружен и несся на наемника, высоко задрав руки. Ледяной замахнулся и, повернувшись в смертельном танце, одним ударом снес обе руки — одну от плеча, другую у локтя. Дитина покачнулся и... снова пошел на наемника.

— Крови нет, — заверещал Синт. — Это нежить! Крови нет!

Если вам нравится эта история — подписывайтесь на автора и добавляйте книгу в библиотеку. Это поможет вам сразу узнавать об обновлениях.

Ошеломленная Лина смотрела на шагающее безрукое чудище. Двигался он на удивление быстро, но выглядел неважно. У него один глаз вытек, волосы были выдраны клоками. Где-то на голове была голая кожа, а где-то проглядывал череп.

Слева раздался треск. На поляну выходил еще один беспокойник.

— Верхом! — Ледяной размахивал мечом, пытаясь снять голову с первого упыря, но второй уже был слишком близко к лошадям. — На Гельта, оба!

Рябушка шарахнулась в сторону, а скакун наемника встал на дыбы, чуть не скинув мальчишку с Линой, и замолотил перед собой копытами. Подойти к нему было сложно. Мертвяк задержался. Минутное замешательство стоило ему головы — меч ледяного просвистел у него над плечами.

— Сзади! — Лина догадалась, что оставшийся без рук мертвец вознамерился укунить Ледяного. Разинув рот, он с невероятной скоростью неся к наемнику. Она сорвала с себя плащ и бросила в ходячий труп. Тот замер, ослепленный тканью, в эту же секунду Ледяной с разворота рубанул по его голове.

Он поднял на Лину еще горящий боем взгляд:

— Уходим, быстро, — сам вскочил на пегую, Лина с Синтом так и остались на Гельте.

Скакали вдоль реки во весь опор. Теперь уже не думали о тропе, нужно было уйти как можно дальше от мертвецов. Лошади, напуганные не меньше людей, неслись почти без принуждения. За очередным изгибом русла появилась избушка.

— Вот. Куда заманивали, туда и приехали, — обескураженно выдохнула Лина.

— Получается так. Но сейчас выбор не велик, — Ледяной не слезал с лошади, разглядывал избушку издали. Она выглядела пустой.

— Я про нежить только в старых книгах читал, — Синт говорил монотонно, слегка похныкивая. Смотрел при этом в одну точку. — Нас в обители старшие мальчишки так пугали. Ночью. Достанут и ну читать. Как учебник. Говорят, вам обязательно встретится. А я не верил. А вот, встретила...

— Чушь, я за всю свою жизнь нежити не встречал, а я много где был, — Ледяной был поражен не меньше ученика мага.

— Я правильно понимаю, это вовсе не норма в ваших краях? — Лина было подумала, что это оборотная сторона магии этого мира.

Ледяной с Синтом ошарашенно посмотрели на нее. Они были в шоке не меньше, чем она.

— Уезжать отсюда надо. До темноты, — Ледяной повернул лошадей к дороге, но за спиной раздался утробный вой.

— Скажите мне, что это зверь! — Лина пообещала себе, что если останется жива, то обязательно поплачет. Потом. Сейчас не время.

— К избе, быстро, — Ледяной снова достал меч.

Избушка действительно была пустой. Давно потухший очаг, закопченный, но пустой котел рядом, упавший на бок табурет, крепкий нетесанный стол в углу, давным-давно залитый какой-то едой, да так и не протертый. Паутина по углам, пыль на окнах, грязь на полу. Отнюдь не милый лесной домик.

— Сидите тут, — наемник суетился, подбирая по избе оружие.

Подхватил легкий топор, пылившийся в углу, запихнул за пояс, взял кочергу. Обернулся, посмотрел внимательно на дверь.

— Надо лошадей спрятать. Если увидите, что меня укусят или расцарапают, меня к себе не пускайте! — он бросил им амулеты и пошел на улицу, за лошадьми. — Если останетесь одни... Не знаю, что вам делать, если останетесь одни, — кажется, он был растерян. — Пробуйте отбиться огнем.

Ледяной завел в сени Гельта с пегой, захопнул за собой дверь и вышел на улицу. Со стороны леса опять послышался вой. Лина с Синтом стояли посреди избы, словно оглушенные.

— Лина, — позвал ее мальчик почему-то шепотом, — я против них зелье знаю. Нам мальчишки читали....

— Что ж ты сразу не сказал, — Лина аж подпрыгнула. — Что в том зелье? Мы сможем собрать?

— А мы уже собрали. Все в твоём венке есть. И в букете. Стрелла нужна. Ты ж букет не выбросила?

Лина рванула к седельным сумкам. Цветы, которые сначала разозлили, потом повеселили наемника, сейчас могли их спасти. Букет так и остался где-то там. Ярко-розовый цветок смялся и сжался. Лина бережно достала его и протянула ученику мага:

— Вот, так пойдет?

— Не знаю, я ж не варил никогда. Только слушал. Да и слушал-то не очень хорошо, — мальчонка шмыгнул носом. — Страшно было.

— Синт, — Лина присела перед ним и посмотрела ему прямо в глаза. — Не попробуем — не узнаем. Да?

Мальчишка молча кивнул.

* * *

Ледяной стаскивал в кучу весь подножный хворост. Поленица за домом была пуста, но магический кристалл, если использовать разом весь его заряд, зажжет даже сырое дерево. Наемнику очень хотелось верить, что огонь отпугнет нежить.

В их мире не встречалось раньше беспокойников. Считалось, что дар короля противодействует оборотной стороне колдовства. Ледяной не знал, как убить уже мертвых. Были бы воины — пусть пять, пусть даже семь. А простых деревенских мужиков можно и десяток. Не нервничал бы ни грамма. А что же с этими делать?

В избе тоже разводили огонь. Лина поставила котелок, налила туда воды из фляги. Нашла в избе какой-то ковш, тоже поставила рядом с очагом. Пригодится. Молча смотрела на мальчонку. А у Синта тряслись руки. Вода в котле почти закипела, он раскладывал перед собой травы.

— Вот нужен китель, а с ним прелестник. Цветок смики и цветок строллы. Вот. Кажется так, — мальчонка подумал с минуту. — Или литиль...

— Ты же говорил, что литиль бессмысленный.

— Это он в медицине бессмысленный.

— А если мы оба положим?

— А они одного вида. Могут друг друга нейтрализовать, — Синт шмыгнул, еле выговорив длинное слово, и утер нос тыльной стороной ладони.

— Так, — Лина попробовала вспомнить все, чему ее учили на лекциях по педагогике, — ты, главное, успокойся. Закрой глаза, успокойся. Представь, что ты в обители. Сейчас вечер. Наставники ушли. А мальчишки взяли книгу и читают. Что ты слышишь?

— Восставшие трупы, они же оживленные мертвецы, — начал монотонным голосом Синт, — упокоиться могут только лишь эликсиром, который варят на крови живого человека

со стролой, прелестником и литилем. Литилем! — мальчишка радостный подпрыгнул. — Точно литилем!

— Ну вот и молодец, — сдавленно прошептала Лина, — а что значит «на крови живого человека»?

— А, ну это значит, надо живой крови в воду добавить. Не бойся, немного. Травник обычно себе чуть-чуть ладонь режет.

— Вот еще, будешь ты себе ладонь резать. Давай я.

Лина взяла нож, что оставил им Ледяной, и поднесла его к ладони. За стеной что-то ухнуло.

* * *

Они двигались быстро, поразительно быстро. Движения грубые, какие-то медвежьи, но и сила такая же. Из лесу вышло трое. Все мужики хутора, что ли? Или уже успели путников подловить? Такие же серые, воющие, и очень опасные.

Тот, что был ближе всех, оскалившись, побежал на Ледяного, совершенно не таясь. Наемник прыгнул вперед, присел и подставил под него меч, как пику. Поддел тяжелое, воняющее тело, скинул его в бок, тут же обернулся — сработало какое-то шестое чувство — со спины к нему подбирался еще один. Тихий, зараза. Увидев, что его заметили, мертвец рванул вперед, вытянув руки. У него почти получилось схватить Ледяного, но наемник крутанулся, отрубив ему руку, и заодно что-то еще у первого — огромная дыра в груди была тому вовсе не помехой, мертвец продолжал наступать.

Ледяной выпрыгнул из этих ужасающих тисков и рубанул по голове того, которому отрубил руку. Мертвец уклонился, меч ушел по касательной и застрял в грудной клетке. Боковым зрением наемник увидел несущегося к нему на четвереньках третьего упыря. Отскочил на пару метров назад, вытащил из-за пояса топор и метнул в приближающегося нелюдя. Тот затормозил, но не остановился. Ледяной подскочил к тому мертвяку, в котором торчал его меч, схватился за рукоятку, крутанул со всей силы и, толкнув ногой мертвеца, вырвал оружие. Из лесу, шатаясь и спотыкаясь, выходил еще один. Без головы.

Холодный пот тонкой струйкой потек по спине наемника. Чем же вас остановить, сволочи? Хищно урча, нежить окружала Ледяного, оттесняя его от избы.

Тут дверь распахнулась, и Ледяной увидел Синта на своем боевом коне. Мальчишка, прижавшись к шее скакуна, неся прямо к мертвецам. В руке у него был дымящийся котелок.

— Отойди! — закричала Лина с порога. — В сторону!

Наемник отпрыгнул, прямо через пламя костра. Мальчишка подъехал к нежити так близко, как смог, и перевернул свой котел, стараясь обрызгать всех сразу. Котелок выскользнул у него из рук, но Синт уже развернулся и понесся назад к избышке. Гельт фыркал в запале битвы. Круг, который он мог сделать по поляне, был совсем небольшим — он в два прыжка вернулся к порогу, на котором стояла Лина, чужемирка подала Синту флягу из-под воды...

Нежить заорала, но это был не тот утробный рык, который Ледяной слышал в лесу. Нет. Это был визг умирающего зверя. Тот, на которого попало больше всего из котла, сразу упал, корчась в конвульсиях. Наемник подскочил к нему и одним махом отрубил голову.

Второй мертвец крутился и извивался, размахивая руками, как сумасшедшая мельница.

Он бесцельно бежал по поляне, натыкаясь на пеньки, деревья, падая и снова поднимаясь. Наемник подскочил к этому мертвецу, воткнул в него меч и потянул его за собой. Отступив в последний момент, столкнул нежить в огонь. Мертвец завизжал еще сильнее, извиваясь и падая, но из костра уже не вышел.

Тем временем Синт зашел на новый круг. Из фляги досталось безголовому. Тот получил столько зелья, что просто упал там, где стоял. Мальчик поскакал еще на один круг, но последний мертвец с дырой в груди был слишком близко к Ледяному. Он рванулся вперед и сам себя насадил на меч. Клацающая зубами, нежить изо всех сил пыталась дотянуться до наемника. Сзади был костер. Ледяной выпустил рукоять меча, собираясь отпрыгнуть, но тут мертвяк взревел и свалился перед Ледяным. Сзади стояла Лина с ковшом в руках.

Наемник подскочил к нежити, выдернул меч и толкнул тело в огонь. Только после этого посмотрел на Лину.

— Спасибо, — голос не слушался его. Это был скорее хрип.

— Ага, — у Лины голоса вообще не было. Еле кивнула. — Это не я. Это — Синт, — девушка выпустила ковш из рук. Тот гулко ударился о пенек. Изабелловый медленно подошел к хозяину. Синт так и сидел на нем, вцепившись в гриву.

— Эй, малец, — наемник протянул к нему руки, попробовал снять с коня. — Ты в порядке?

— Я? Да... Я в порядке. А что? Сработало? — мальчишка плавно соскользнул в руки наемника.

Наемник оглядел поляну. Два тела горели, издавая жуткое зловоние, еще два мертвеца не шевелясь лежали на поляне.

— Сработало, Синт, — Ледяной улыбнулся. — Не такой уж ты и непутевый, оказывается.

— Да что значит непутевый? — Лина будто проснулась. — Он молодчина! Самый крутой маг, которого я знаю! И вообще, — голос у нее сорвался на писк, — можно я поплачу?

Она смотрела на Ледяного, как будто и правда ждала разрешения. Наемник сгреб ее в охапку, прижал к груди.

— Можно, плачь.

Лина с облегчением разрыдалась в голос.

— Она на самом деле смелая! — Синт тоже прижался к Лине. — Ты знаешь, на ее крови зелье сварили!

— На ее крови? — наемник отстранился и удивленно посмотрел на ревущую Лину. — Получается, я тебе жизнью обязан.

— Ну, — Лина размазывала слезы по щекам, — ты мне — я тебе.

— Не все так просто, чужемирка, — Ледяной улыбался, почему-то грустно.

— А эти, — Синт посмотрел на двух лежавших на траве мертвяков, — эти не встанут?

— Не знаю, — Ледяной отошел от Лины. — Давай-ка я их в костер оттащу.

— Поедем отсюда быстрее, здесь жутко воняет, — Лину тошнило, то ли от запаха, то ли от переживаний.

Наемник колебался:

— А мы можем еще зелья сварить?

— Строллы больше нет, — Синт покачал головой.

— Чего?

— Тот розовый цветок, за которым ты на скалу лазил. Стролла.

— Вы что, букет сварили? — несмотря на пережитое, Ледяному вдруг стало смешно.

— Ага, и немного венков.

— Женщина, — Ледяной засмеялся в голос, — клянусь тебе, пока ты жива, я буду собирать тебе цветы!

— Да ну тебя к черту! — Лина не умела ругаться именами местных демонов. — У тебя истерика!

— У меня? — наемник засмеялся еще громче. Вслед за ним захохотал и Синт. — Может быть. Давайте убираться отсюда. Надо выехать на столбовую дорогу.

Глава 3***

В Реату въехали уже глубокой ночью. После пережитого гнали без остановки. Где могли — галопом. Где нет — рысью. Когда Синт уснул, пошли шагом, но ни в каких деревушках останавливаться не рисковали. Даже наоборот — объезжали их стороной.

Крупный торговый город, стоящий на пересечении двух рек, кажется, никогда не спал. Ледяной уверенно свернул в один из переулков, проехал мимо шумных освещенных таверн и остановился около серого, наглухо закрытого дома. Аккуратно спешился, придерживая на руках мальчишку, постучал.

— Закрыто! Ночью не селим! — привратник был на страже, но отворять отказывался.

— Со мной женщина и ребенок! — по мнению Ледяного, это должно было все объяснить тому, кто стоял за дверью.

— Да хоть сам Величайший! Мы ночью не селим!

— Плачу двойную цену!

— Сейчас стражей вызову! — видимо, репутация спокойного постоялого двора была хозяевам дороже денег.

— Ах ты! — Ледяной перехватил Синта одной рукой и второй схватился за меч у седла. Лина почти повисла у него на руке.

— Подожди, подожди. Ну что ты, с дверью, что ли, драться будешь? Уважаемый, — обратилась она к привратнику, — у меня сегодня был такой тяжелый день, мы проехали весь путь почти без остановок. Я первый раз в жизни была в седле с обеда и до ночи. Я клянусь вам, мы даже мыться сегодня не будем. Нам бы просто поспать. Мальчик вот уже спит. Пожалуйста. Мы честные люди, мы так намучились...

Ледяной поморщился. Ему казалось, что она унижается. Он уже готов был схватить ее за руку, чтобы увести к другому постоялому двору, но замок тихо щелкнул.

— Двойную цену, говорите? — в двери распахнулось маленькое оконце, в котором показался любопытный, но очень недоверчивый глаз. Лина оттолкнула наемника и стала напротив.

— Двойную, уважаемый. И до завтрака будем только спать, — сейчас она была само смирение.

Окошко закрылось, но сразу же открылась дверь.

— Поднимайтесь на второй этаж. Тихо, очень тихо. На лестнице третья и шестая ступенька скрипят, переступите.

— Лошади, — Ледяной волновался за скакунов.

— Ребенка в комнату отнесете и спуститесь к лошадям. Сейчас все работники спят. Сами их в конюшню определите.

Привратник со светящимся кристаллом проводил их до комнаты.

— Деньги вперед, — обернулся он к Ледяному, прежде чем открыть. Наемник молча достал горсть монет. Привратник удовлетворенно крикнул:

— Завтрак считайте оплаченным, — открыл комнату, передал им кристалл и ушел.

Комнатенка была маленькой, но чистой. Две кровати вдоль стен, между ними, под единственным окном, — тумбочка с тазом и кувшином.

— О! Даже удобства в номере! — восхищенно прошептала Лина.

Ледяной положил Синта на кровать.

— Удобства в коридоре. Из комнаты — направо. В самом конце — торцевая дверь. Там туалет. Умыться можно здесь, да, — он разул мальчика и направился к двери. — Пойду лошадей расседлаю.

Лина с грустью смотрела ему вслед. Как ни крути, наемнику сегодня досталось больше всего. Нет, страшно было всем. Но защищал их, пока зелье варилось, именно он. Чужемирка вздохнула и пошла в туалет.

Если честно, единственное, чего хотелось, — это спать. Но она была категорически против того, чтобы спать грязной. Несмотря на обещание, данное привратнику, Лина решила хоть с лица пыль смыть. Скинула платье, нагрела немного воды. Открылась дверь. Наемник застал Лину склонившейся над тазом. Распушенные каштановые волосы ее рассыпались по плечам, от природы светлая кожа в свете кристалла казалась почти фарфоровой. Исподняя рубаша скорее подчеркивала, чем скрывала изгибы ее тела. Грубая ткань совсем не просвечивала, но очень четко обрисовывала мягкую округлость бедер, плавный изгиб спины. Капельки воды мелким жемчугом рассыпались по шее. Волосы, скинутые на одну сторону, открыли маленькую, но яркую родинку там, где шея плавно перетекает в плечо. Наемник почему-то сейчас не мог отвести взгляда от этого пятнышка. И как это он эту родинку раньше не заметил, видел же чужемирку раздетой. Ему очень хотелось аккуратно пальцами отвести ткань и прикоснуться к этой отметинке. Может быть даже губами.

Лина, почувствовав его взгляд, обернулась. Сначала замерла в нерешительности. Потом подтянула ворот рубашки выше, будто вытираясь, да так и осталась стоять, плотно запахнувшись, сжав руки на груди.

— Я воду нагрела. Умоешься с дороги?

Ледяной молча кивнул.

— Полить тебе?

На этот раз он отрицательно мотнул головой, все также не отводя от нее взгляда.

— Ну, я спать, — девушка опустила глаза. — Спокойной ночи.

Ледяной опять промолчал.

Лина, стараясь не тревожить Синта, улеглась в одну с ним кровать. Наемник погасил кристалл, но его очертания были немного видны благодаря тусклому свету с улицы. Лина видела, как он скинул куртку, склонился над тазом с кувшином руках. Сполоснул лицо, шею. Скупой свет из окна отражался в тазу ртутными пятнами. Она рассматривала очертания его фигуры, наблюдала за точными, уверенными движениями. Ей очень хотелось смыть с его шеи дорожную пыль, подать полотенце, запустить пальцы в его белые волосы. Что-то жаркое и коварное заполнило ее грудь, и мягкий, едва ощутимый укол сожаления все же прорвался сквозь накрывающий ее сон. Лине было очень жаль, что он отказался от ее помощи.

* * *

Синт уже проснулся и будил чужемирку:

— Эй, а мы можем тут позавтракать? — мальчишка нетерпеливо ерзал на кровати. Лина отчетливо слышала урчание у него в животе. Или у себя? Сложно было сказать.

— Да, малыш. Вроде как уже даже оплатили еду, — она пыталась разлепить глаза. Спалось хорошо, но мало. Вот бы еще часик.

Ученик мага сидел на кровати и по-кошачьи принюхивался к запахам, идущим с кухни. Ледяного в комнате уже не было. Лина потянулась в постели, стряхивая с себя остатки сна.

— Ты уже умылся?

Синт поморщился, будто его попросили о чем-то неприличном. Лина уже встала и критично оглядела юного мага.

— Быстро мыться! Уши проверю! — голос у девушки звучал бодро. Так вожатые поднимают детей в летнем лагере на построение. — Давай быстрее, я сейчас готова быка съесть!

— Что, серьезно? Здесь можно заказать быка? — Синт шутки не понял и выглядел удивленным.

— Не знаю, но я попробую это сделать!

Мальчонка побрызгал на себя воды из тазика, выскочил из комнаты и убежал по коридору в сторону туалета. Лина проводила его взглядом до нужной двери. Сама пошла к кувшину. Вода в нем была теплая. А на тумбочке лежал маленький букетик первоцветов. Лина ахнула.

— Я обещал тебе цветы.

Чужемирка вздрогнула. Она не слышала, как наемник вошел.

— Доброе утро, — она приветливо улыбнулась ему, прижимая к груди букет. — Ты завтракал?

— Лошадей кормил, — Ледяной отвел взгляд. Он вообще был неприветлив с утра. Голодный, наверное, подумалось Лине. — Спускайтесь быстрее, они через полчаса закрывают кухню.

Лина кивнула, и он вышел.

* * *

Завтракали в почти пустом зале. Беленые стены, цветы на окнах. Крашенные чистые столы и камин, согревающий помещение. На стенах висели грубо расписанные тарелки, на каминной полке стояло какое-то блюдо. Уютная, почти домашняя столовая.

Синт уплетал кашу за обе щеки и только просил передать ему то хлеб, то молоко. Лина попросила себе омлет с овощами, но аппетита не было. При взгляде на огонь вспомнились вчерашние мертвецы в костре, а в чашке отвара ей мерещились лепестки строллы. Оставив жалкие попытки поесть, чужемирка отодвинула от себя тарелку. Ледяной удивленно

посмотрел на нее.

— Я наелась, — ответила она на его незаданный вопрос.

— Наелась? Больше не будешь? Можно я доем? — детская простота. Синт был только рад почти полной тарелке омлета.

— Без еды долго не протянешь, — наемник склонился над своей тарелкой. У него тоже была каша, только не с молоком, а с зажаркой на сале.

Лина снова взяла в руки вилку и глубоко вздохнула:

— Вчера на хуторе. Что это было?

— Это я и сам хотел бы знать.

— Если это не нормально для вашего мира, значит, что-то происходит. Что-то плохое.

Наемник молчал. Жевал и смотрел на нее. Впрочем, внимательно смотрел.

— Ну ты же не оставишь это просто так! — Лина обязательно хотела что-то сделать. — Может, надо сообщить куда-то. Поехать снова в тот лес. Там эти женщины остались.

— Женщины, скорее всего, в курсе, — Ледяной не был так воодушевлен, как чужемирка. — Они за забор не выходили. Видимо, защита какая-то стоит.

— Может, это они сами и сделали?

— Может, — невозмутимым эхом отозвался наемник. Лина же напротив распалась:

— Разве это возможно? Превратить в такое своих мужей, сыновей, — щеки ее уже покрывал румянец, впрочем, говорила она тихо.

Ледяной отложил ложку, сцепил руки в замок, уперся в них подбородком и смотрел на молодую чужемирку. Та, поймав его взгляд, замолчала на полуслове.

— Ну что не так? Что я говорю не так?

— Все.

Лина фыркнула и откинулась на спинку стула.

— Сегодня останемся в Реате. Синт, — наемник повернулся к мальчишке и протянул ему лист с карандашом, — напиши, какие травы тебе нужны для зелий. Как обычных, так и... необычных. Схожу, куплю, — наемник доел кашу и повернулся к Лине: — Вы подниметесь в комнату. Без надобности не выходить, никому не открывать. К обеду я вернусь.

Лина кивнула, а мальчишка принялся старательно выводить на бумаге неведомые девушке закорючки.

— Лина, — наемник отвлек ее от созерцания местной письменности, — поешь все-таки.

Чужемирка улыбнулась одними уголками губ. Ледяной подвинул к ней тарелку. — Это не так вкусно, как то, что готовишь ты, но вполне съедобно.

Вот же подлиза! Лина не выдержала и усмехнулась. Он улыбнулся ей в ответ и протянул вилку.

— Спасибо, — она посмотрела на него с благодарностью. Он не отводил взгляд. В его голубых глазах горели искорки озорства и чего-то еще. Чего-то, что заставило его закусить губу и отвернуться.

— Мне пора, — он резко встал из-за стола, забрал список Синта и вышел, не оглядываясь. А Лине снова расхотелось есть.

Дорогие друзья,

Пожалуйста, подписывайтесь на автора и приходите в комментарии. Я там пытаюсь

Ледяной уверенным, быстрым шагом шел в направлении квартала магов и травников. Профессия была уважаемая, товар всегда был востребован: располагались их лавки почти в центре.

Тук-тук-тук... То ли сапоги стучали по камням, то ли сердце в его груди. Он вспоминал взгляд чужемирки, прижимающей к себе букет. Ее глаза. Восторженные, ласковые, счастливые... Тук-тук-тук... Изгибы ее тела вчера вечером, волосы, крупными волнами рассыпавшиеся по плечам. Тук-тук-тук...

Зашел в торговые кварталы и остановился около витрины с женскими сумками. Вспомнил, с каким восторгом она их разглядывала в Воленхольме. Задержался на секунду, может, даже на несколько. Когда понял, где стоит и на что смотрит, с силой тряхнул головой. Демоны тебя побери, чужемирка! Что ты со мной сделала?! Чтобы я на женские сумки с идиотской улыбкой пялился! Разозлился на сумки, на Лину и, конечно же, на себя. Стиснув зубы и глухо рыча, ушел вверх по кварталу. На перекрестке у фонтана надо свернуть направо, там начинаются лавки травников.

В Реате наемник бывал нечасто: слишком крупный город, слишком много людей, слишком близко к его дому. Кварталы травников он нашел без труда, но к кому лучше идти — не знал. Посмотрел на других покупателей. Вот в эту лавку идут охотно, толпа у прилавка стоит. Товар, наверное, хороший, но ему туда точно не надо. Вот в этой лавке пусто. Слякки со снадобьями красиво расставлены по витрине, украшены искусственными цветами с позолоченными листьями. Этот сдерет втридорога просто за красоту. Ледяной шел по кварталу, присматриваясь и к лавкам, и к людям. Остановился около неизвестно как очутившегося в торговом квартале глухого переулка. Вдруг в самом конце этого тупика звякнул колокольчик и открылась дверь. Надо же! Там лавка. Вот уж точно, хозяин за прибылью не гонится — в таком не ходовом месте торговать. Мимо наемника, пряча мешки с травами в кожаный карман, прошел мужчина с очень серьезным лицом. Спустя, может, минуту другой прохожий свернул в этот же тупик. Да они не наобум идут. Четко знают, куда им надо! Зайду-ка и я туда. Наемник проследовал за шедшим в странную лавку горожанином.

Дневного света в переулке было мало. Неудивительно, что, чтобы рассеять полумрак, хозяин даже днем зажег световые кристаллы. Пожалуй, помещение было немного пыльным. В остальном же это была классическая лавка травника: полки вдоль стен, уставленные стеклянными и железными банками. В центре комнаты — прилавок с раскрытыми мешками.

Ледяной раньше не бывал в таких местах. Ему казалось, что тут должно пахнуть, как на лугу после покоса. Однако он не почувствовал ни теплого удушливого запаха разнотравья, ни аромата цветов. Только пыль, щекочущая ноздри.

— День добрый, уважаемый керт, — продавец освободился и повернулся к Ледяному.

Наемник дождался, пока выйдет предыдущий покупатель. Достал список Синта и протянул травнику. Тот внимательно посмотрел на закорючки мальчишки. Даже приподнял

очки, вглядываясь.

— Кхм, очень необычный список. Разносторонний, я бы сказал, — продавец улыбался, но что-то его очень смущало. Наемник неопределенно пожал плечами.

— Деревенский травник писал.

— Ах вот оно что! — ответ, казалось, удовлетворил продавца. — Снадобья на все случаи жизни, так сказать, — травник хитро улыбнулся. — А почему тогда так помалу?

— Деревня маленькая.

Прямой взгляд бывалого воина выдержит не каждый травник. Этот был не исключением, откашлялся и скрылся за прилавком. Вышел с кипой бумажных пакетиков и, сверяясь со списком, начал набирать из мешка сушеных листьев и цветков.

— Вот это, позвольте уточнить, жуйки? Или журки? — продавец, будто извиняясь, посмотрел на Ледяного. — Ваш травник не книжные названия написал. Деревенские. Да и почерк у него не очень.

— Положите и того, и того. Пригодится.

— Угу, — травник кивнул и продолжил поход вдоль полок с банками.

Ледяной от нечего делать, обошел прилавок, рассматривая товар и читая надписи. В углу, на настенной полке, он заметил несколько книг. Рецепты отваров и снадобий, надо думать. Одна, маленькая, потасканная, привлекла его внимание. Он взял ее с полки, раскрыл наугад. «Восставшие трупы, они же оживленные мертвецы, упокоиться могут только лишь эликсиром, который варят на крови живого человека ...» Мерзкий холодок пробежал по спине наемника.

— А сколько... — в горле стал ком, мешавший говорить, Ледяной откашлялся, — сколько стоит эта книжица?

— Да это не на продажу. Так, иногда с покупателями рецепты уточняем, — травник подошел и посмотрел, что конкретно держит в руках наемник. Взгляд его переменялся. Из услужливого стал твердым и цепким. — Да и книжка эта бесполезная. Нет в наших местах нечисти уж многие века.

— У нас кнест старые книги любит, — Ледяной тоже изменил тон, давая понять, что книгу из рук не выпустит. — Для него прошу.

— Старые книги обычно в книжной лавке ищут. А из каких вы мест, говорите?

Ледяной подумал пару секунд:

— Вчера выехали из Воленхольма, — он смотрел на травника прямо, чуть прищурясь. Ждал.

Травник глубоко вдохнул и будто забыл выдохнуть. Глаза его расширились, рот приоткрылся:

— Значит, правда?

— Значит, правда, — эхом отозвался наемник, точно понимая, на какой вопрос отвечает.

Продавец прижал к себе заполненный мешок с белыми соцветиями и медленно осел на лавку для сумок, стоявшую вдоль стены. Пару минут думал, потом подскочил.

— Я вам другую книгу дам. У меня есть более старая, — забежал в подсобку. — Вот, — всучил Ледяному истертый пожелтевший томик, легко помещающийся в кармане. — Давайте еще добавлю к вашему списку кое-что, — он опять убежал в подсобку и вынес оттуда наемнику три пакетика. Закрытых, но подписанных. Один из них был слегка влажным. В нем явно были не сушеные травы.

— Травнику своему передайте. Он разберется, — наемник благодарно поклонился.

— Уважаемый керт, у нас травник... молодой. Неопытный. Может, есть книга для таких? Кто только недавно учился?

— Недавно учился? — продавец засомневался. — Или еще учиться?

— Нет, уже не учиться, — Ледяной не врал ни капли. Синт действительно уже не учиться.

— А он траву-то видит?

— Видит. И траву, и людей. Одаренный, но неопытный.

— И траву, и людей видит? — продавец был поражен. — Какой самородок! Ему бы в столице учиться. Он же боевой зельевар!

— Как вы сказали? Боевой кто?

— Вашего травника в столицу надо! В тамошней обители его бы научили. Понимаете, мы, травники, мы же только траву видим. Приходит ко мне человек и говорит: «У меня живот болит» или «Не сплю уже неделю», и я ему делаю снадобье. От живота или от бессонницы. А тот, кто может видеть человека, без всяких просьб знает, чем человеку помочь. Или навредить. Сильный дар дан вашему лекарю. Скажите кнесту, пусть в столицу его пошлет.

— В столицу вряд ли, — Ледяной замешкался. — Может, в Берьяту?

— В Берьяту... — травник подумал пару минут. — Дам я вам адрес одного тамошнего мага. По молодости он был боевым. В старости — учил других. Сейчас, если еще жив, подскажет вам, что делать. Обязательно к нему зайдите. Обязательно. И... — продавец утер выступившую на лбу испарину, — берегите вашего травника. Похоже, такие скоро будут очень нужны.

Ледяной кивнул лавочнику и, собрав в заплечный рюкзак покупки, вышел. Теперь надо было зарядить кристаллы.

Синт, несмотря на свою уникальность, прыгал на кровати как самый обычный мальчишка. Лина увела его в комнату после завтрака, как и приказал Ледяной, но сидеть без движения паренек не мог.

— Раз, два, три, четыре, пять. Будем в магов мы играть, — мальчишка отталкивался от тугого матраса и крутился вокруг своей оси. — Первый будет боевой, он взорвется сам собой, — Лина слушала эту дурацкую считалочку вполуха, дети во всех мирах — дети. — Второй будет бытовой, с ним подрался домовый, третья ведьма, потом книжник, провалились ночью в нужник!

Нет, слушать это выше ее сил.

— Да прекрати ты уже прыгать, как кролик-переросток! — Лина сидела на другой кровати, подобрав под себя ноги, и рассматривала книжку с картинками, которую ей подарил Ледяной. — Если все маги провалятся, то кто останется?

— Останутся травники! Это ж ясно, — Синт, похоже, очень гордился принадлежностью именно к этому виду магов. Лина не сдержала улыбки.

— Скажи мне лучше, о всемогущий маг, это что за буква?

— Ты что, читать не умеешь? — Синт собрался посмеяться над незадачливой чужемиркой.

— Не умею! И что тут такого? Стыдно не не уметь, а не учиться! — учительница, она и в Реате учительница. Ей бы еще очки на нос, для полноты образа.

— А зачем тебе учиться? — Синт откинулся на спину и болтал ногами в воздухе. — Тебе все равно твоя жизнь не принадлежит.

Лина тут же захлопнула книгу.

— Синт, — она даже перебралась на его кровать, — а что это значит?

— Вот ты чудачка! Жизнь отдала, а что это значит — не спросила, — Синту уже не дергал ногами, но все еще потешался над Линой.

— Синт, ну мне тогда не до того было...

— Ну да, я понимаю, — мальчишка все же посерьезнел. — Жизнь-то обычно отдают тому, кто ее спас. В благодарность. Ну или за долг, который ничем другим отдать не могут.

— Ну... Примерно так и было, — чужемирке не хотелось вспоминать подробности. — Так что это значит?

— Вот ты глупая. То и значит, что твоя жизнь ему принадлежит. Что он хочет, то с ней и сделает.

— А что обычно делают?

— Ну, вот смотри, есть у тебя... — Синт подумал с минутку, — сюртук! А тут подходят тебе и говорят — вот еще один сюртук, бери. Что ты с ним делать будешь?

— Носить... Наверное... — Лина еще не понимала.

— Ну... вот и с жизнью так...

— Что? Носить?

— Ага... Свой сюртук жалко. Можно сначала чужой поносить.

— Как так? — Лина опешила.

— Чей сюртук вы собрались носить? — ни Синт, ни Лина не слышали, как отворилась дверь. Девушка от неожиданности аж подпрыгнула на кровати.

— Ой, это ты?

— А вы ждали кого-то другого? — наемник спустил с плеча объемный заплечный мешок.

— Нет, просто... — Лина не знала, что сказать.

— Ух ты, а чего ты там понакупил? — Синт подскочил к мешку и начал его развязывать.

— Эй-эй, поспокойней! — Ледяной вроде одернул мальчишку, но сам улыбнулся. — Ну ладно, развязывай. Там почти все тебе.

Сверху в мешке лежали заряженные амулеты, а под ними сплошные травы. Синт принялся их доставать и выкладывать на тумбочку, потом на кровать, когда кончилось место.

— Ух ты, — приговаривал он, разглядывая пакеты, — вот это да... Вот это добыча! Не может быть! Лапка тритона! — это он дошел до чуть влажного пакетика от травника. — Где ты ее достал? Это же, — у мальчонки перехватило дыхание от восторга, — это же!!!

— Редкость, да? — Лина пыталась разделить его восхищение.

— Не то слово! — Синт наконец-то выдохнул.

— А зачем она?

— А я не знаю, — это ничуть не обескуражило мальчика. Он все так же восхищенно рассматривал отрезанную конечность земноводного.

— Может, тут найдешь ответ, — Ледяной подал ему затертую и пожелтевшую книгу, которую подарил ему травник.

Благоговение и восхищение сошли с мальчишеской мордашки, уступив место сосредоточенному интересу. Наморщив лоб, Синт принялся листать книгу, проговаривая про себя отдельные рецепты. Он водил пальцем по строчкам, периодически ежился, как от страха, или усмехался, пряча озорные искорки в глазах. Лина с любопытством наблюдала за ним, улыбаясь переменчивости мальчишеского лица. А Ледяной наблюдал за ней. За ее улыбкой, за тем, как она сидит на кровати, сложив руки на коленях. За тем, как она заправляет за ухо выпавшую прядь волос.

— Пойдемте в город? — Лина аж вздрогнула от вопроса наемника.

— В город?

— Ну да, там праздник будет. День первоцветов.

— Ух ты! Пойдем, пойдем, пойдем! — Синт тут же бросил книгу и скакал теперь вокруг Ледяного. — А ты мне купишь яблоко в карамели? Пожаааалуйста.

— Куплю, — Ледяной улыбнулся. — Там на площади карусель ставят.

— Карусель! Настоящую! — Синт уже почти кричал. — Пойдем быстрее, — мальчишка пулей выскочил в коридор.

— Накинь плащ, — наемник обернулся к Лине. — Там сегодня ветрено. И, наверное, действительно надо купить ему сюртук, — он посмотрел на Синта. — А то не довезем нашего ценного мага до Берьяты.

Лина понятия не имела, почему он так назвал Синта, но упоминание сюртука заставило ее вспомнить их с мальчишкой разговор. Она нахмурилась:

— Слушай, а куда мы, собственно, едем?

Ледяной посмотрел на нее так, будто она спросила что-то неуместное. Но Лина не собиралась отступить:

— Не в храм же?

— Не в храм, — нехотя ответил он, развернулся и пошел прочь из комнаты.

— А куда? — она шла шаг в шаг рядом с ним, намереваясь получить ответ на свой вопрос.

— Отсюда поедем в Берьяту, — он вышел в коридор и повернулся к ней спиной, закрывая дверь.

— А потом?

Он развернулся, и они оказались лицом друг к другу. Между ними было меньше полуметра. Наемник шагнул вперед и оказался почти вплотную к Лине. В который раз. Он смотрел ей в глаза. Чужемирка просто утонула в этой голубизне зимнего морозного неба. В этом холодном море спокойствия. Смотрела на него, как кролик на удава, боясь шелохнуться.

— Потом, — произнес он тихим вкрадчивым голосом, — мы поедем ко мне домой.

Еще мгновенье он смотрел на нее, желая убедиться, что вопросы закончились. А Лина попросту потеряла дар речи. От этих глаз. От этого голоса. Он забрал ее жизнь, и они едут к нему домой? Зачем? Ну ясно же, зачем! Что-то в районе желудка бывшей учительницы радостно затрепетало. Бабочки? Не, не они. Крупновато для бабочек.

Ледяной обогнул застывшую от восторга чужемирку и ушел по коридору в сторону обеденного зала. Лина выдохнула. Только сейчас она поняла, что последнюю минуту не дышала. К нему домой. Развернулась, запахнула плащ и поспешила за своими спутниками, уже ушедшими на улицу. Чужемирка прятала в ворот дурацкую улыбку, но сердце ее пело: они едут к нему домой!

Дорогие читатели,

Пожалуйста, не забывайте подписываться на автора и ставить лайки)

Буду рада вашему мнению в комментариях.

* * *

Ледяной, пожалуй, и сам себе не смог бы объяснить, почему он решил пойти на праздник. Он шел по городу и смотрел на суетливых веселых горожан. Они совершенно непривычно его раздражали. Он всегда был терпелив к людским глупостям и редко отвлекался на странное поведение окружающих, но не сейчас. Этот хохот, радостные возгласы, крики приветствия через всю улицу.

Наемник стиснул зубы и поспешил прочь. Ругаясь, свернул в переулок и наткнулся на семью — муж с женой и мальчонка лет пяти. Ребенок шел между отцом и матерью, держа их за руки, и качался, поджимая ноги. А его родители болтали между собой, совершенно не глядя по сторонам. Оттого и чуть не столкнулись с Ледяным. Женщина ахнула, покраснела, подтянула к себе ребенка. Мужчина чуть отступил, учтиво кивнул, обогнул стоявшего столбом наемника и, подхватив жену под руку, продолжил путь. И ровно в эту секунду Ледяной понял, что попросту им завидует, что он хотел бы вот так же идти по городу с...

Линой? и Синтом? Да какая разница! Ему в кои-то веки захотелось стать частью этой веселой толпы. Вот просто захотелось!

Он смотрел на улицы, украшенные цветами, и вспоминал Лину, собиравшую букет в предместьях Мельхорма. Ему снова хотелось увидеть этот восторг и нежность в ее глазах. Смотрел на карусель, и вспоминал мальчишку, которого совершенно точно никто не водил на городские праздники. Ему хотелось порадовать их! Ну, и немного себя.

Окончательно его соблазнили запахи уличных жаровен. Целые поросята, куры, говяжьи голени крутились на вертелах, щедро поливаемые скисшим вином. Сказав самому себе, что поесть в городе будет точно вкуснее, чем в таверне, наемник решил провести остаток дня на празднике.

Синт продолжал прыгать, теперь уже по улице. Он, кажется, уже даже о карамельном яблоке забыл, все его мысли были на карусели.

— А она большая? — он не умолкал ни на секунду. — А там качели есть? Или только карусель? А столб не ставили? Я могу на столб залезть! Я знаешь, как хорошо лазаю? Я всех быстрее на столб залазил в своей деревне!

— Синт, да успокойся ты, — Лина не выдержала такого потока восторга. — Давай дойдем до площади, и все увидишь.

А наемник просто улыбался. Шел, смотрел на мальчишку, на идущую рядом Лину, восхищенно разглядывающую украшенный цветами город, и улыбался.

Реата была крупнее Вольхольма. Улиц, переулков и улочек в ней было не счесть. И все разные, непохожие друг на друга. В квартале кузнецов каждое крыльцо и каждое окно было отделано кованым орнаментом. Где проще, где сложнее. Кузнецы соревновались в мастерстве, вывешивая на свои двери железные молотки в виде голов зверей или причудливо сплетенных канатов. Портняжные кварталы отличались флагами у дверей и разряженными в пух и прах манекенами в больших окнах. Пекарни можно было найти по запаху. Разглядывать их было совсем не обязательно.

Центральные улицы были вымощены странным зеленоватым камнем. Существовала легенда, что главный маг этого города очень любил луга. Но так как разнотравью в центре города не место, то он обратил траву в камень. Для удобства горожан. Ледяной не знал, правда это или нет, но выглядели дороги действительно, как застывшая трава. Именно весной это казалось особенно красивым. Развешенные повсюду гирлянды цветов только усиливали ощущение большого луга. Дома и торговые лавки, скрытые под праздничными декорациями, почти не выбивались из общей картины цветущего поля.

Отовсюду звучала музыка, шумели дети, галдели торговцы. Манящий аромат теплой выпечки смешивался с резким и ярким ароматом жареного мяса. Толпа людей увлекала за собой в поток и заражала весельем.

Лина, раскрыв рот, разглядывала чудеса большого и богатого города: витиеватую роспись стен, резные двери, башни, венчающие почти каждый крупный дом, заборы, сплошь увитые вечнозеленым плющом. Синт, получивший, наконец, свое яблоко, тянул всех в сторону площади.

Несколько кварталов сходились в одной точке, создавая стройную картину: небольшой пяточок пространства с одной стороны был обрамлен торговыми лавками — самыми лучшими, самыми красивыми и, конечно, самыми дорогими — с другой стороны гордо и чопорно стояло то, что в родном мире Лины назвали бы мэрией, а тут звалось — дом главы города и обитель магов. В центре площади была сооружена деревянная карусель, рядом

стоял силомер с огромным молотком и очень высокой шкалой, мишень для метания ножей. Ближе к краю стояли лошадки-качалки, на которых, однако, не просто было удержаться и взрослому. Никакого крепления или опоры не было. Более того, кажется, деревянная спина этой лошади была щедро вымазана салом, так что удержаться на ней мог либо везунчик, либо очень опытный наездник. Горожан, считающих себя таковыми, хватало. Но все они быстро или очень быстро сваливались, под дружный хохот толпы. Ну и, конечно, стоял столб с подарками наверху. Кажется, пока что сняли только одну пару сапог.

— Можно на столб? — Синт нетерпеливо приплясывал на одной ноге, держась рукой за край Линового плаща. — На столб, потом на карусель! Да? Можно? Я со столба тебе сумочку сниму, — его взгляд блуждал по сторонам. Там, наверху, кажется, действительно висела женская сумка с причудливым украшением из кожаных ремешков.

— Не надо мне сумочки! — у Лины аж голова закружилась. Этот столб в высоту был метров десять, не меньше. Она и думать не хотела, что ребенок туда ползет. — Мне в ней носить нечего! Пойдем лучше на карусель?

— Пойдем! А потом на столб! — мальчишка был на все согласен. — А потом силу измерим. Да? — это он обернулся к Ледяному. Тот с насмешкой в глазах поглядывал на мальчика.

— Ты же пойдешь на силомер? — Синт решил заручиться поддержкой наемника.

— Не-а, — Ледяной отрицательно мотнул головой. — Можно ножи пометать, если хочешь, — он оглядел площадь в поисках подходящих развлечений. — А Лине можно на лошадке покачаться. Она сможет.

Мальчик и мужчина одновременно засмеялись, а Лина обиженно поджала губы. Вот нахал!

— Я бы на тебя посмотрела, если б ты попал в мой мир, — выпалила она обиженным голосом. — И попробовал бы на метро прокатиться!

— А что такое метро? — они медленно продирались сквозь толпу, поближе к карусели.

— Это такая железная ... повозка с крышей. Большая. Ты заходишь внутрь, и она несется под землей с огромной скоростью. В три, нет, в четыре раза быстрее лошади. Иногда эта повозка останавливается, ты выходишь, поднимаешься наверх и идешь по своим делам. А когда тебе надо вернуться, то ты снова спускаешься под землю.

— Боги, что же за мир у вас такой, что вы добровольно под землю спускаетесь! — Ледяной, кажется, был по-настоящему поражен.

— Это не страшно! Это как в подвал. Или в пещеру, — Лине это объяснение казалось разумным.

— В пещеру? — они добрались, наконец-то, до карусели. — Ты не боишься уходить далеко в пещеру?

— Я же тебе говорю — это не страшно, — москвичку переполняла гордость от осознания собственной просвещенности, смелости и решительности.

— Это хорошо, — наемник коротко кивнул и повернулся к кассиру.

И все? Вот это и все? Она им тут про чудеса цивилизации, а он ей — хорошо, что пещер не боишься. Лина решила, что не очень-то ей и надо смотреть на эту дурацкую карусель! И вообще. Тут столько интересного. Вон хоть лавки с лентами. Чужемирка развернулась и медленно отошла от наемника.

Прилавок был завален разноцветными бантами, рюшами и заколками. Причудливо заплетенные косы из атласных лент, которые крепились вдоль лифа платья, или заколка

специально для рукава. Вот тугая мелкая розочка из шнурков, которую закрепляли на волосах. Лина видела такие на местных девушках. Смотрелось очень красиво.

— Девушка, у вас такие необычные каштановые волосы, — к ней обратилась какая-то дама, стоящая подле прилавка. — В них так и просится вот эта золотистая краль, — женщина подала ей изысканный золотистый цветок с зелеными лепестками. — Примерьте.

Лина, улыбаясь, отрицательно покачала головой. Нет, ей не нужно.

— У вас такие волосы. В наших местах не бывает таких волос, — женщина, которую Лина приняла за торговку, аккуратно тронула ее локоны. — Вы же не местная?

— Нет, — Лина качнула головой. Работали продавцы слаженно, но они не уговорят ее купить эту безделушку. Не на ту попали. — Не местная. Совсем. Я из чужого мира.

— Ах, ну примерьте же! — рядом с женщиной появился молодой мужчина, он перехватил у женщины украшение и приколот его к Лининым волосам. — Вам очень идет! Так блистать эта краль больше нигде бы не смогла! Примите ее! Наш мир очень гостеприимен! Вы еще увидите. Пусть это будет вам добрым знаком, — продавец держал ее за руку, не давая снять цветок с волос, — чтобы вы помнили о радушии нашего мира!

Надо же! Гостеприимный мир, говорите? Издевательства в таверне, нежить в Вольхольме. Ну, может, хоть тут действительно нормальные люди. Лина улыбнулась, кивнула. Постояла у прилавка еще с полминуты и направилась дальше по ряду.

Но стоило ей отойти буквально на пару метров, как сзади противно заверещали:

— Держите воровку! — та самая женщина, что подала ей украшение. — Золотую краль стащила! В волосах спрятала!

Лина удивленно подняла руку к той самой крالي, которую она и не думала прятать, а напротив, выставила на всеобщее обозрение. Открыла было рот, чтобы сказать: вы же это мне подарили! Но тут сбоку появился тот самый мужичок, который уговаривал ее принять подарок, и схватил за руки.

— Держу, держу, зовите стражей! — толпа зевак слегка расступилась, начала оглядываться на виновницу происшествия.

Мужчина, схвативший Лину за руки, тащил ее в лавку, направляясь к внутренней двери, приговаривая что-то вроде «Будешь знать, как воровать!»

Лина упиралась, пыталась оправдаться, но все происходило так стремительно. Ее почти втащили в скрытые помещения, но кто-то обхватил ее за талию и потянул назад. Ошарашенная москвичка оглянулась и увидела Ледяного. Тот прижал ее к себе, вытянул из лавки и шагнул вперед так, что Лина оказалась аккурат у него за спиной. Продавец побледнел, замешкался, но Лининой руки все еще не выпускал.

— Зачем вам моя жизнь, уважаемый? — наемник говорил тихо, но жулик из лавки отчего-то покрылся испариной и выпустил руку чужемирки.

— Она... воровка, — мужчина звучал уже отнюдь не так уверенно, как на улице. Даже заикаться начал. — Краль, — он поднял руку, показывая на цветок в Лининых волосах, — своровала.

— Она сама ее надела? — Ледяной смотрел на мужчину, слегка приподняв бровь.

— Она с ней ушла, не заплатив! — выпалил подготовленный текст продавец.

— Она сама ее надела? — наемник умел быть настойчивым. И убедительным. А продавец как будто даже стал меньше ростом.

Ледяной развернулся, осмотрел Лину.

— Действительно, красивая краль. Очень подходит к твоим волосам, — он слегка

прищурился и будто действительно любовался чуть не плачущей Линой. — Вы же подарили ее? Правда? Вы сами ее посадили в волосы девушке? — это он обращался уже к продавцу.

— Э-э, — тот кивнул, потом резко замотал головой. Ледяной прищурился еще сильнее, продавец не выдержал и все же кивнул: — Да. Подарок. В знак гостеприимства, — дрожащим голосом подтвердил жулик.

— Спасибо, уважаемый. Я, пожалуй, все же оплачу украшение, чтобы не вводить вас в растраты. И чтобы избежать вопросов стражей, — наемник оставил один золотой, убедившись, что его видят покупатели лавки. — Мы пойдем. Нас ждут.

Он взял Лину под руку и вывел на улицу. Около дверей их ждал Синт.

— Сработало? — мальчишка почти не нервничал, скорее проявлял любопытство.

Наемник кивнул мальчику, подхватил Лину под локоть, Синта взял за руку и быстро ушел с площади. Они отошли, наверное, с полквартала, и Ледяной остановился.

— Я ничего не крада, — Лина спешила оправдаться. — Клянусь, ничего не брала, они сами.

— Я знаю, — наемник был спокоен, и, кажется, даже не слушал ее.

— Зачем им это было нужно?

— По тебе видно, что ты чужая здесь. Хотели обязать тебя выплатить долг. Вещь дорогая. Намного дороже, чем может себе позволить женщина в таком платье. Если платить нечем, пришлось бы работать. Рабство, — Ледяной пожал плечами, как будто говорил о вещах простых и обыденных.

— В рабство из-за этого? — Лина с силой рванула цветок из волос. — Он вообще мне не понравился, — Ледяной перехватил ее руку.

— Оставь. Если краль побывала в твоих волосах, она теперь только твоя, — наемник слегка улыбнулся. — К тому же, украшение действительно тебе идет, — наемник поднял руку и с мечтательным взглядом провел пальцами по цветку, по Лениным волосам. Лина замерла, задержала дыхание.

— Как это только моя? — спросила чужемирка, хотя цветок в волосах ее сейчас совсем не волновал.

— Она магическая, — теперь Ледяной смотрел прямо Лине в глаза. — Простое украшение, но магическое. Для одной хозяйки, другая его не сможет надеть, — рука его опустилась и провела по Лениной щеке, подбородку. Чуть задержалась. Лина затаила дыхание, приоткрыла губы.

— Его поэтому часто на помолвку жених невесте дарит, — раздался голос откуда-то снизу.

Ледяной и Лина разом вздрогнули. Наемник отступил от Лины на полшага и внимательно посмотрел на Синта.

— Ну, в нашей деревне, — Синт, совершенно не стесняясь, разглядывал их. — Не такие дорогие, конечно. Но у нас краль жених невесте дарит.

Лина вспыхнула и опять дернулась снять цветок.

— Ну что ж, — наемник опять остановил ее и хитро улыбнулся. — Будем считать, что я подарил его тебе. Больше не убегай.

— Я не... Я не хотела... Это... Это все... — Лина пыталась подобрать слова, чтобы оправдаться.

Ледяной положил указательный палец ей на губы, призывая молчать.

— Ты ни в чем не виновата. Но не убегай. Хорошо, что у Синта нашелся подходящий заговор правды. Мошенники — профессионалы. Один бы я их так легко на чистую воду не вывел, — Ледяной подмигнул мальчишке. Ну вот, опять их спас Синт.

— Чего застыли, — мальчишка нетерпеливо переминался с ноги на ногу. — Пойдемте! Тут еще столько интересного!

— Тебе понравилось на карусели? — Лина пыталась отвлечься от истории с лавочником.

— Да! Она, когда вниз идет, в животе так щекочет, что аж писать хочется!

Наемник остановился и засмеялся в голос.

— Чего смешного? — мальчишка искренне не понял.

— Писать — вот там, — Ледяной указал рукой на узенькую лавку без окон, зажатую между двух портняжных витрин. — Тебе не надо? — он вопросительно посмотрел на Лину. Та отрицательно помотала головой.

— Давай, беги быстрее, — наемник протянул мальчишке монетку, — и пойдем поедим.

* * *

Укутываясь сумерками, город становился наряднее, красочнее. Разноцветье гирлянд уже не бросалось в глаза, но зажглись магические фонари и живые огни. На одной из площадей полураздетые мужчины жонглировали горящими факелами, чуть не опаливая ими лица зевак и симпатичных горожаночек. Алые огни метались в руках, замирали в воздухе, выписывали круги и рассыпались послушными искрами.

Жонглеров сменили танцоры со световыми шестами, крутящиеся в замысловатом и причудливом танце, в котором им одинаково мог составить компанию и боевой меч, и прекрасная дама.

Переполненные впечатлениями и уставшие от зрелищ спутники сидели на красивой дубовой лавке и жевали жареное мясо. Скатертью им служила бумажная салфетка, а столовыми приборами — хлеб и нож Ледяного. Он ловко выхватывал аккуратные куски и подавал их Синту и Лине. Они купили бутылку теплого взвара, пили прямо из горла и были абсолютно довольны собой, ужином и праздником в целом.

Синту купили сюртук, но выигранная на ярмарке безделушка занимала его куда больше. Он крутил ее в руках и рассказывал какую-то ерунду из своей деревенской жизни, Лина его внимательно слушала, а наемник просто отдыхал и любовался тем, как красиво переливается ее краль в свете фонарей.

— Ой, что это? — Лина удивленно смотрела куда-то за спину Ледяному. Тот обернулся.

По улице шла толпа людей. Хотя нет, скорее, колонна. Мужчины и женщины, взявшись за руки, двигались, переступая ритмичным приставным шагом. На каждую восьмую долю мужчины подхватывали женщин под талию и перекидывали перед собой по полукругу. Колонну сопровождали факелы, откуда-то звучала музыка, правда, музыкантов Лина не видела.

— Что это? — повторила свой вопрос чужемирка, поднявшись с лавки.

— Весеннее шествие.

К ним подбежала женщина, смеясь, потянула Лину и Ледяного в колонну:

— Что сидите, айда весну встречать! Пойдемте, пойдемте, — и сама поспешила вернуться к танцующим.

— Пойдем, — Лина запрыгала перед Ледяным на одной ножке. — Ну, пожалуйста, пойдем! Я так люблю танцевать!

— Ты с ума сошла! Это заканчивается за городом, на лугу. Они там потом всю ночь... — наемник красноречиво махнул рукой, но Лина и без того поняла, что они делают. Очень было похоже на праздник Ивана Купалы.

— А мы не пойдем на луг, мы только тут, чуть-чуть, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Наемник вздохнул, обернулся к Синту:

— Сиди здесь, никуда не уходи! — мальчишка как раз отхватил себе большой кусок мяса и сидел с набитым ртом, поэтому смог только энергично кивнуть. Ледяной взял Лину под руку: — Я не умею танцевать, — строго предупредил он чужемирку.

— Я тоже, — она уже увлекала его в толпу.

Главным было, конечно, попасть в ритм. Они подсматривали шаги у соседей, сбивались, начинали не с той ноги и оба хохотали над своими ошибками. К третьему туру наконец запомнили последовательность: подскок, приставной, шаг вперед, подскок, мужчина подхватывает свою партнёршу и по полукругу проносит перед собой. Его руки у нее на талии, ее — у него на плечах. Он ставил ее на землю бережно, словно фарфоровую куклу. Ему хотелось остановиться и полюбоваться чужемркой с горящими глазами, покрытыми задорным румянцем щеками и переливающейся кталью в шоколадных волосах, но танец уносил дальше: подскок, приставной...

Они снова сбились, остановились, смеясь. Держались друг за друга и хохотали. Колонна уже прошла почти квартал:

— Давай дальше не пойдем, — Лина встала на цыпочки и высматривала лавку, на которой они оставили Синта. — Я волнуюсь за мальчика.

— Да, — Ледяной так и держал ее за талию, прижимая к себе. — К тому же я хотел уехать завтра на рассвете. Пора возвращаться.

Чужемирка подняла на него сияющие, счастливые глаза, кивнула, соглашаясь с его решением, и, приподнявшись на носочках, поцеловала в щеку:

— Спасибо за праздник! — она выпуталась из его рук и пошла к Синту.

А колонна так и шла мимо, отбивая стройный ритм: бум-три-та-та-бум, звучало у наемника в ушах. Или это не барабаны, а его сердце?

Уезжали еще до восхода. Легко позавтракали, взяли с собой припасы для первого привала. Из города выходили шагом, оставляя за собой безлюдные мостовые, усыпанные оборванными гирляндами, гуляк, спящих на лавках или прямо на земле, и луг, с которого в сторону города, обнявшись, брели парочки.

Сонный Синт чуть не свалился с лошади. Ледяной укутал его в свой плащ, обернул поверху ремень, и мальчишка досыпал уже в седле, прижатый к наемнику. Лина же, напротив, сидела в седле уверенно. У нее ничего не болело, и чужемирка быстро поймала ритм рыси. Ледяной даже любовался своей спутницей, довольный ее успехами.

Тяжелое солнце плавно поднималось справа от них, окрашивая причудливыми оттенками светлеющее небо. Розовый, зеленый, желтый, оранжевый... Разноцветные всполохи поднимались от земли ввысь и цветными перьями укладывались вдоль горизонта. Лина остановилась, вытянулась в стремянах, любуясь. Ледяной поехал дальше:

— Не отставай, — крикнул он ей и перевел Гельта на шаг.

— Ты же не сможешь уже, да? — это неожиданно проснулся Синт.

— Что не смогу? — наемник посмотрел себе на грудь, туда, откуда из-под плаща торчали глаза и нос мальчишки. Ученик мага смотрел на него и молчал. Ледяной выругался, стиснул зубы.

— Ты очень теплый рядом с ней, — продолжал мальчишка. — Без нее твердый, скользкий, холодный. И правда Ледяной. А с ней сильный и теплый. И очень светлый, как твои волосы.

— Слышь ты, хватит чушь нести, спи, пока дают!

— И вовсе не чушь, говорю, что вижу! — Синт обиделся и нырнул глубже в плащ.

— Вот уж! Маг недоучка! — Ледяной произнес еще что-то, стараясь, чтобы мальчишка его не услышал.

— Сам такой! — донеслось из-под плаща.

— Что? — оговариваться мальчишке наемник не позволит, сейчас уши-то надерет!

— Сам маг-недоучка! — а, ну это можно простить.

— Я? Я — не маг, я — воин.

— В тебе магии на три десятка боевых хватит! — Синт опять высунул нос. — Только она закрыта в тебе.

— Что? Как?

— Откуда я знаю, — нос опять спрятался где-то в районе подмышки наемника. — Сам же сказал, меня не доучили.

Лина поравнялась с Ледяным:

— Мы не спешим? Пойдем шагом?

— Нет, лучше рысью, — озадаченный словами мальчишки Ледяной пришпорил коня и сам не заметил, как перешёл на галоп. Ряба, перешедшая на иноходь, качала Лину где-то сзади.

Глава 4***

Столбовая дорога была на редкость пустынна. Лишь один экипаж проехал мимо, обогнув странников по большой дуге. Карета, или скорее, тарантас, показалась Лине почти убогой: крестьянская повозка с крышей, даже без окон — только крохотная зашторенная отдушина в задней стенке. Ледяной, заметив, как Лина скривилась, усмехнулся:

— Это общественная повозка. Там каждый желающий покупает место.

— А, поняла. Автобус, — Лина живо представила себе лавки вдоль бортов, крышу из

плотной ткани. Нет, скорее не автобус, а грузовик для перевозки людей.

— Что? — наемник не понял чужеземного названия.

— Так назывались большие повозки в моем мире, — про грузовики для перевозки людей Лина решила все же не объяснять. — Только они были все же симпатичнее.

— Ну, — пожал плечами Ледяной, — ближе к столице они лучше. Удобнее. А частные экипажи вообще можно назвать красивыми. Особенно у богатых.

— Но Реата же тоже богатый город, — Лина пыталась понять, почему не видно карет или просто путников.

— Для карет еще рановато, — успокаивающе ответил наемник, но Лина не сводила с него вопрошающего взгляда.

— Ладно, признаю, — сдался Ледяной, — на дорогах пусто. Но ты же уже понимаешь, почему!

— Значит, и здесь тоже, — Лина побледнела и поежилась.

— Не обязательно нечисть... — наемник оглядел бегущее вдоль дороги поле. Пахотная земля только-только освободилась из под снега. Тут под зиму посеяно не было, и лишь крупные птицы подбирали прошлогодние семена да ростки в черных влажных кочках. — Ты должна была слышать разговоры в таверне. Непокойно нынче.

— Я слышала, маги уходят, а Величайший вроде как войска собирает, — Лина говорила громко, не таясь. Ледяной, слушая ее, нахмурился и недовольно сжал губы.

— Болтала б ты меньше, — он отвернулся, и, не заботясь о дремлющем Синте, пустил коня в галоп. Лине ничего не оставалось, как молча последовать за ним.

* * *

Обедали на обочине холодным мясом, сыром, хлебом. Устраиваться на полноценный привал и разжигать костер не хотелось. Лина разложила салфетку на поваленном дереве. Так и не выспавшийся Синт сидел рядом, кутаясь в плащ наемника. Сам Ледяной стоял к ним вполоборота и вглядывался в даль. Метрах в ста от них на дороге показались всадники, и это наемнику не понравилось.

— Лина, достань-ка охранный кристалл, — приказал он, не отрывая взгляда от подъезжающих мужчин.

Чужеземка молча выполнила указание и подседа поближе к дремлющему мальчишке.

— Доброй дороги и мягкого хлеба, путники, — зычным голосом поприветствовал их один из подъезжающих солдат удачи.

В том, что это были они, не осталось никаких сомнений. Мужчины были увешаны оружием, как цыганки бусами. За спиной вожака переглядывались двое головорезов. Еще один остался на дороге. Вожак спешил, сделал шаг по направлению к стоянке и уперся в защитное поле кристалла.

— И вам хорошего дня, добрые путники, — спокойно произнес Ледяной.

— Что ж это вы днем кристаллом закрываетесь? — бандит недовольно крикнул.

Его спутники отошли по сторонам, став треугольником по границам защитного поля.

— Времена беспокойные, — все таким же ровным голосом ответил наемник. — А меч у нас всего один, — он выхватил из ножен оружие и поставил его перед собой острием в землю, сложив обе руки на рукоятке.

Еще на хуторе чужемирка обратила внимание, что оружие у Ледяного необычное. Полотно его по краям было не ровное, а волнистое. Искривленное лезвие причудливо отражало свет. Чуть покачивающийся меч мерцал, как огромный язык пламени. Серебристо-белого, ледяного пламени.

Лина ничего не понимала в холодном оружии, но ясно увидела, как вожак побледнел, глядя на меч, и один из «углов треугольника» нервно задержался.

— Тут вы, конечно, — головорез нервно кашлянул, — конечно правы. Когда один меч на троих, с кристаллами лучше, — он дернул головой, давая спутникам знак отходить.

Этот приказ, кажется, им понравился. Они очень резко вернулись к своим коням, даже не попрощавшись. Хотя нет, вожак все же кивнул и пробормотал что-то вроде «легкой дороги», хотя Лина не поручилась бы за точность фразы. Уж очень быстро он ее сказал. Ледяной усмехнулся, глядя на них, и вернул меч в ножны, притороченные на боку у Гельта.

— А что такого в твоём мече?

Лина была по-настоящему удивлена реакцией наемников. Четверо против одного — и быстренько ретировались! Ледяной посмотрел на нее молча, вскинув бровь. Даже Синт подарил ей слегка высокомерный взгляд.

— А у него, наверное, и имя есть? — это мальчишка обратился уже к наемнику.

— Есть, — улыбнулся Ледяной одними уголками губ.

Ишь какие! Лина насупилась и плотнее укуталась в свой плащ. Подумаешь, имена у них мечам раздают. Ну ладно, читали, помним... Раз имя у меча есть, значит, за его владельцем стелется определенная слава. Но можно же и не строить такие умные лица! Подумаешь!

Синт, глядя на нее, рассмеялся.

— Да не дуйся ты! Такое оружие — это же редкость. Не всякий может такой меч иметь, — мальчонка задыхался от восторга.

— Не иметь, а уметь им пользоваться, — поправил Ледяной.

— Ага, — маленький травник широко открыл рот от восторга. — Научишь?

— Рано тебе еще, — Ледяной потрепал мальчишку по рыжим волосам. — Да и другое у тебя оружие. Не менее страшное.

Маг-недоучка, надувшийся было при первых словах, засиял, услышав окончание фразы.

— Ты, кстати, не знаешь ли какого охранного зелья? — поинтересовался наемник как бы между прочим. — Не от человека?

— Хм, — Синт нахмурился, — так чтобы знать — не знаю, но почитать могу.

— Почитай, пока стоим, — кивнул Ледяной. — Ночью пригодится, — наемник жевал мясо с хлебом как ни в чем ни бывало, а Лине вдруг кусок поперек горла стал.

* * *

Они проезжали мимо деревушек и хуторов, но не заезжали в них. Не обсуждая и не договариваясь, решили, что в чистом поле спокойнее. Синт долго возился с каким-то зельем, в котором участвовали те самые лапки тритона и что-то еще из пакетов, купленных в лавке травника. Он читал заклинание над варевом, сбивался, выливал все, начинал варить снова, забывал заговор, морщился, тер лоб, повторял все еще раз. В конце концов признался, что не уверен, что из этого что-то выйдет, но все, что мог, он сделал.

Лина и Синт, как и на первой ночевке, улеглись под одеяла с согревающим кристаллом.

Ледяной остался у костра, несмотря на то, что охранный кристалл был активирован, да и еще один согревающий в Реате купили.

Дорога вымотала мальчишку. Да и вообще, у него был талант спать в любом месте при любых обстоятельствах. Отключился он мгновенно. Лине же не спалось. Было еще не поздно, хоть уже и сгустились сумерки. Она встала и уселась поближе к костру. Достала свою детскую книжку. Наемник молча рассматривал ее.

— Мне Синт буквы показал, — похвасталась она ему. — Вот смотри, — она принялась водить пальцем по строкам: — День, Ве-ра, — она перевернула страницу, — по-ро... — Лина запнулась, — нет... стоп, не порог — пирог.

Он приподнялся и посмотрел на страницу.

— Перо! — Ледяной засмеялся. — Здесь написано «перо». Вот же ж! Неуч неуча учит!

Лина разозлилась:

— Знаешь, что?! — кажется, ее красные от гнева щеки было видно даже в сумерках. — Как может, так и учит! И я, — она гордо выпрямилась, отстранившись от наемника, — как могу, так и учусь.

— Да ладно тебе, — примирительно проговорил наемник. — Не злись. Смешно просто получилось. А вообще ты молодец.

Лина сконфуженно засопела.

— На самом деле мне стыдно, что я, взрослая, а читать не умею.

— А по-твоему, все взрослые умеют читать? — Ледяной был действительно удивлен.

— А что, нет?

Наемник не ответил. Оценивающе посмотрел на чужемирку, поднялся и сел рядом с ней.

— Вот, смотри, — он ткнул пальцем в книгу, — видишь, эта буква двойная?

— Ну да, это же «о».

— «О» если одна, а если рядом с эти значком, то читается, как «е».

— А отдельно букву «е» нельзя было придумать? — Лина ошарашенно смотрела в книжку.

— Я в детстве тоже об этом часто думал, — Ледяной снова засмеялся, только теперь без издевки. Лина тоже улыбнулась.

— Так, значит это «е»... А что еще у вас хитрого?

— Вот эта «о» в паре все буквы меняет. Если она стоит после «г», то будет читаться «ж», если после «с», то будешь читать, как «з»...

— Блин! — Лина захлопнула книгу.

— Да ладно! Привыкнешь. Ты же говоришь. Будешь догадываться, — Ледяной чуть приобнял Лину, снова открывая учебник. — Вот смотри. Тут же легко догадаться, что написано?

— Ма-ма, — послушно читала Лина, — вс... взяла к...хлеб. Мама взяла хлеб! — восторгу чужемирки не было предела.

— Ну да, — наемник тоже был доволен, — так и написано. Разберешься.

Лина повернулась и посмотрела на него благодарным взглядом. Он сидел очень близко к ней. Слишком близко. Возникла неловкая пауза. Ледяной отстранился и резко встал:

— Сейчас лучше спать ложись. Темно для чтения. Да и вставать завтра рано.

Утро было пасмурным, серым, неприветливым. Лина разлепила глаза, и первое, что увидела — Ледяного, стоящего у края их охранного круга.

— Что? — чужемирка приподнялась на локте, вглядываясь вдаль вместе с ним.

— Ничего, — обернулся наемник.

Взгляд его был тревожным, губы сжаты в плотную полоску, движения резкие.

— Пора вставать. Светает.

Лина выбралась из-под одеяла. Спать на земле было жестко и неудобно. Спина ныла, шея затекла, и, кажется, несмотря на кристалл, она замерзла. Уж лучше завтрак приготовить.

Наемник молча кивнул и вернулся к костру. Убрал кинжал в ножны, присаживаясь. Вот, значит, как. Вот какое «ничего», что против него надо держать оружие наготове. Лина покосилась на кинжал, но промолчала. Ледяной перехватил ее взгляд, и, кажется, был благодарен за отсутствие вопросов.

Чужемирка поставила котелок на огонь, разложила хлеб, сыр, подумала, что можно было бы сварить кашу. Хотя потом котелок мыть. Нет. Плохая идея. Ледяной сидел у костра и смотрел в одну точку. Лина присмотрелась: одеяло так и лежало в седельной сумке, а сам наемник был слишком измотан.

— Ты всю ночь не спал? — Лина подала ему сыр с теплым взваром.

Наемник не ответил. Чужемирка посмотрела на границы их охранного контура. Трава была вытоптана, как будто кто-то всю ночь ходил кругами. Мурашки пошли у нее по спине. Она подняла испуганный взгляд на наемника. Тот ответил ей плотно сжатыми губами.

— У нас хороший зельевар, да? — спросила чужемирка дрожащим голосом.

Ледяной молча кивнул.

Синт, проснувшись, долго ходил по кругу. Охал, восторженно ахал, присвистывал, почесывал затылок.

— Я тут троих насчитал, — в конце концов выдал он, возвращаясь к костру. — Три следа.

— Пять, — коротко отозвался наемник.

— Пять? — Синт ужаснулся и обрадовался одновременно. — Пять упырей? И не прошли?

Наемник посмотрел на него исподлобья, но промолчал. Лина шумно сглотнула.

— Пора в дорогу, — Ледяной резко поднялся и направился к лошадям.

Было самое раннее утро, едва начало светать. Чужемирка молчала и всматривалась в серое, холодное, колючее небо, а Синт увлеченно ходил по защитному кругу, разглядывая одному ему ведомые следы и срывая какие-то травы.

Дорогие читатели. Я буду очень рада лайкам и подпискам. Это покажет мне, что я пишу не зря). А еще, обратите внимание, с сегодняшнего дня у меня появилась кнопка "Награды". Это если вам особенно понравилось).

Ну и, конечно же, всегда с нетерпением жду ваши комментарии.

Лине, конечно, далеко было до хорошей наездницы, но рысь она держала уверенно. Галопом ее Ряба долго идти не могла — наездник, никак не попадающий в ритм, очень мешал лошади, но обученная иноходи пегая то и дело меняла аллюр и, в общем и целом, ритм скачки был достаточно быстрый. Однако остановиться им пришлось гораздо раньше, чем хотелось бы. Буквально через пару часов Синт, призывно поглядывая на Лину, начал канючить:

— Давайте остановимся? Пожалуйста. Мне б отлить. Вот Лине, наверное, тоже надо — она две чашки чая выпила!

— Терпи, малой, а то всю оставшуюся дорогу за стремением бежать будешь!

Лина укоризненно зыркнула на Ледяного:

— Так, мне тоже в туалет надо. Давайте остановимся.

Наемник выругался, но выбрал какие-то достаточно безопасные кусты. Вдалеке виднелась маленькая деревушка, окруженная лиственным лесом. Ледяной активировал кристалл и разбрызгал отвар. Синт тут же полетел в кусты, наемник тоже куда-то отошел, а Лина просто ждала их около лошадей.

Солнце еще не поднялось, но заря розовой полосой уже очертила горизонт. Небо светлело, вокруг стояла тишина и веяло спокойствием. Лина что-то напевала себе под нос и даже не испугалась, когда откуда-то со стороны деревни появилась девочка. Маленькая, в длинной светлой рубашонке и тонкими косичками, раскинутыми по плечам.

— Привет, — чужемирка начала разговор первой. — Как тебя зовут?

Девочка склонила голову к плечу, разглядывая Лину, потом медленно протянула руку и проговорила голосом, лишенным эмоций:

— Тетя, дай хлеба.

Лина достала из седельной сумки ломоть, а потом спохватилась: что это она, надо накормить ребенка. Что ж она ей только хлеба... Чужемирка уже открыла рот, чтобы позвать девчушку, но не успела.

— Молчи!

Лина обернулась и увидела Ледяного. Со звоном вылетел из седельных ножен меч. Чуть позади ошарашенный Синт уже листал свой талмуд в поисках нужного заклятья.

— Не зови ее внутрь! Она не может зайти в охранный круг, пока ты не пригласишь, — объяснил наемник.

На Лину он уже не смотрел: подняв меч, шел по контуру, отделяющему его от пришедшей девчушки. Та, увидев даже не меч, а Синта, шепчущего заговор, резко переменялась. Кротость сошла с ее лица, она оскалилась, из горла ее вырвалось не то шипенье, не то хрип. Только тут Лина обратила внимание на ее необычайную бледность, на круги у нее под глазами. И платье. Как же она сразу не подумала. На дворе ранняя весна. Они-то в плотные плащи кутаются. А девочка в тонком платье.

Шипя и плюясь, девочка оббежала по контуру защиты, неестественно выгибаясь, царапая одной ей невидимые стены, пытаясь укусить воздух перед собой, но все же сдалась и, пятясь, ушла в сторону деревни. Ледяной так и стоял, занеся меч для удара, а Синт метнулся к Лине. Он вцепился в ее руку, и Лина почувствовала, как он дрожит.

— Дыма нет, — голос у Ледяного был хриплым. — Над домами дыма нет. Нигде.

Продолжать было не надо. Живых в деревне не было.

— Давайте-ка больше без остановок. Нужно засветло доехать до города.

Лина еле села в седло: ноги не гнулись, руки тряслись, ком стал в горле, но на слезы и даже на страх времени не было. Надо было как можно быстрее доехать до Берьяты. Если, конечно, еще была Берьята.

* * *

Когда они, измотанные скачкой, добрались до городских стен, солнце уже садилось. Ворота были закрыты, стражи, закованные в железную броню, нервничали. Путники, толпившиеся у ворот, тревожно оглядывались на заходящее солнце и пытались без очереди проскочить в город. Стражники поминутно то окриком, то плетью успокаивали суесящихся людей и заставляли всех пройти через магический круг. Лина почувствовала странное покалывание в груди, в животе. Обернулась к Ледяному.

— Защита, — ответил он на незаданный вопрос. — Проверяют, живые ли мы.

— В Реате такого не помню. Так во всех городах?

— Наверное, во всех, вокруг которых бродит нечисть, — наемник поморщился, оглядываясь назад, за городские ворота. — Похоже, чем дальше от столицы, тем хуже.

Лина поежилась:

— Ну хоть тут мы будем в безопасности...

— Надеюсь.

* * *

Ледяной редко бывал в Берьяте. Да ему и сейчас, собственно, туда не надо было. Письмо от кнессы да адрес мага, что дал ему травник в лавке, вот что заставило наемника свернуть с дороги. И желание отдохнуть без упырей под боком, конечно. Уставший, прошедший почти двое суток без сна Ледяной хотел сейчас только спать.

Путники отправились искать постоянный двор, но так как города никто из них троих не знал, они совершенно случайно заехали в квартал магов. Наемник достал бумажку, вложенную в сборник зельевара, сверился с названием улицы, и, тихонько выругавшись, направился в начало квартала.

— Ну что ж, пусть так, — он обернулся к своим спутникам. — Травник в Реате посоветовал одного мага, который мог бы хорошо обучить Синта.

Лина встрепенулась. Она как-то совершенно не думала о том, что ей так скоро придется расстаться с мальчиком. Если честно, она не думала о том, что ей вообще придется с ним расставаться. Синт встревоженно поерзал в седле, но выбора-то у него не было.

У одной из дверей Ледяной спешил, привязал коня. Лина с тревогой разглядывала домишко, казавшийся совсем запущенным. Облезлая краска на двери, грязные окна, паутина между стекол. Кажется, владелец либо не замечал этого, либо не мог навести порядок.

Наемник помедлил у дверей, разглядывая фасад, но, в конце концов, стиснул зубы и постучал.

Дверь отворилась сама по себе. Хотя в квартале магов этого и следовало ожидать.

Путники медленно вошли в дом. Тусклый свет в коридоре не давал рассмотреть подробности интерьера, но поднимавшаяся от движений пыль щипала нос. Синт не выдержал и чихнул. Наемник оглянулся на него, призывая строгим взглядом к порядку.

— Кто здесь?

Где-то в глубине коридора послышались шаркающие шаги. Навстречу им выплывали световые шары. Лина никогда такого прежде не видела: не кристалл, не факел. Просто свет, который, приближаясь, распугивал витающую в воздухе пыль. Та, словно облачко мошкары, разлеталась прочь от желтых лучей, но стоило шару пролететь мимо, все тут же возвращалось на свои места.

Шаги приближались. Уже даже было слышно скрип половиц. Шаров становилось больше, и они выхватывали из мрака теперь не только пыль, но и лохмотья паутины, и трещины в стенах.

Лина, поморщившись, повернулась к наемнику:

— И это тут мы собираемся оставить мальчика? — спросила она с вызовом.

Тот посмотрел на нее чуть высокомерно, но видно было, что и ему не нравится эта идея. Переступил с ноги на ногу, огляделся:

— Ты права, ерунда какая-то. Пошли отсюда.

Ледяной сделал шаг назад, собрались уйти, как вдруг входная дверь уползла куда-то вдаль, сливаясь со стеной, а совсем рядом с ними раздался недружелюбный скрипучий голос:

— Кто пожаловал?

Из полутьмы выступил седой сгорбленный старикан, должно быть, хозяин дома. Он неуверенно держался за стену и подслеповато шурился, пытаясь рассмотреть гостей.

— Керт Парт? Мне дал ваш адрес, — Ледяной опустил взгляд в записку, — Эрмарк-травник из Реаты...

— Что? — голос старика взволнованно задрожал.

— Эрмарк-травник, — повторил наемник, не понимая волнения старого мага.

— К черту травника.

Старик подковылял к Ледяному так близко, как только позволяла стена, и добавил света настолько, что можно было, наверное, читать. Он стоял и вглядывался в лицо наемника, подбородок его дрожал, трясущиеся руки нащупывали опору...

— Мы ищем Амара Парта, — наемник начал терять терпение, но предпринял еще одну попытку. — Травник из Реаты дал нам...

— Я — Амар Парт, — перебил старик Ледяного. Он определенно ничего не хотел слышать о травнике из Реаты.

Наемник не знал, как быть. Прием казался странным, но в то же время уходить не было повода. Пока. Он оглянулся на Лину, на Синта, вздохнул и снова повернулся к старику.

— Нам на пути встретился вот этот мальчик, — он положил руку на плечо Синту, но старик не удостоил того даже взглядом. Он все продолжал вглядываться в лицо наемника. — Травник из Реаты сказал, что у мальчика необычный дар, и вы бы могли его выучить. Или посоветовать нам...

Он уже не знал, что еще сказать. Проклинал себя за то, что поехал сюда, а не нашел для начала таверну, уже собрался извиниться и уйти, как старик заговорил.

— Значит, вы пришли в мой дом? — кажется, его подбородок стал дрожать еще сильнее.

— Ну да. Нам надо определить мальчика. Может, мы зайдем завтра? Уже поздно. Нам самим еще надо найти ночлег, — наемник снова оглянулся на дверь.

— Зачем же? Для меня будет честью предложить вам свой кров, кнест Левиан.

Ледяной отшатнулся.

— Вы меня с кем-то путаете, — голос его звучал глухо, кулаки сжались до хруста в костяшках.

— Я могу забыть, что ел на завтрак, — старик протянул к Ледяному трясущуюся руку, — и ел ли сегодня вообще. Но я отлично помню все, что происходило десять, двадцать и даже тридцать лет назад, — маг гордо задрал трясущийся подбородок. — Я могу попутать ваше имя. Предполагаю, что Ским, но может быть и Рорк. Но точно Левиан.

Ледяной сморщился, как от зловонья, стиснул челюсти, только что не зарычал. Желваки заиграли на его искаженном злобой лице, рот искривился в яростной гримасе. Он шагнул назад, но коридор свернулся лентой, не оставив путей к отступлению. Лина во все глаза уставилась на того, кого привыкла называть прозвищем. Что же значило для него его имя? Его ли?

Наемник молчал.

— Так Ским? Или все же Рорк? — голос старика дрожал все сильнее, не только от груза прожитых лет, но и от сильнейшего волнения. Глаза блестели, как от слез. Рука все настойчивее тянулась к Ледяному. — Кнест Левиан?

— Вы ошиблись! — выплюнул наемник, отмахнувшись от протянутой руки старого мага, как от назойливой мухи.

Маг отшатнулся, чуть не упал. Лина вовремя подставила руку. Ошарашенно посмотрела на Ледяного. Тот скривился, как от зубной боли, отвернулся.

Молчание, повисшее в коридоре, казалось, можно было потрогать руками. Отпирающийся наемник и уверенный в своей правоте маг. Слезы текли по щекам старика, но он не отрывал взгляда от лица Ледяного. Всмотривался в него и молча ждал ответа на свой вопрос. Наемник не выдержал. Выругался, шумно выдохнул, закрыл глаза, как будто что-то вспоминая, тряхнул головой и снова посмотрел на мага. Все молчали. Кажется, никто даже не дышал, и только слезы текли из подслеповатых глаз старика, поблескивая в желтом свете летающих шаров.

— Ским, — ответил Ледяной после долгой паузы.

— Я так и думал, — старик беззубо улыбнулся. — Я так и думал! Дожил. Все же дожил.

Старый маг сползал вниз. У Лины не хватало сил удержать его. Она умоляюще оглянулась на наемника. Тот помедлил, но все же подошел к старому магу, подхватил его.

— Куда вас отвести? — Лина очень переживала, что пожилому человеку плохо.

— Дай просто побыть немного рядом с Источником, — старик отстранил Лину и ухватился за плечо Ледяного. — Думаю, его силы хватит на то, чтобы я сам дошел не только до кресла, но и до столицы, — он хрипло смеялся сквозь слезы.

— Вы ошибаетесь. Я не Источник, — наемник возражал, но все же подставил руку старику.

— Это вы ошибаетесь, молодой кнест, — маг уже не падал. Даже напротив, выпрямился, уверенно развернул плечи и, кажется, стал чуть выше ростом. — Или просто не хотите признавать очевидного.

Они сидели в просторной столовой, непонятно как умещающийся в этом доме. Старик — хотя называть его так уже не было повода: он выпрямился, дрожь ушла из его движений, развернулись плечи, и, кажется, даже волосы стали темнее, — суетился и накрывал на стол. Нет, он вовсе не бегал между кухней и комнатой. Он сидел в кресле и потирал лоб, вспоминая нужное заклинание, потом хлопал в ладоши или делал витиеватый пасс руками. И в столовой загорались приятным светом кристаллы, на стол постелилась красивая скатерть, одно за другим появлялись блюда, уместные для ужина: теплый густой суп, тушеное мясо, запеченные овощи, ароматный взвар...

Синт, не смущаясь ни капли, уплетал за обе щеки, Лина налила себе супа. Есть хотелось, но ее очень сильно беспокоил Ледяной. Тот сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел в одну точку, где-то на скатерти. Чужемирка, как ни старалась, не могла поймать его взгляд. В конце концов она положила ладонь на его руку. Наемник вздрогнул и обернулся к ней. Резко обернулся, гораздо резче, чем надо было. Лина испугалась и чуть отпрянула. В глазах его была бездна. Он был сейчас не здесь. Он был где-то там, где его звали по имени.

Лина пересилила свой страх и взяла его за руку:

— Поешь? — она подвинула ему миску супа.

— Не хочу — еле слышно проговорил он, отвернулся от чужемирки, но положил свою ладонь поверх ее руки. — Я устал. Хочу спать, а не есть.

Маг услышал наемника:

— Я уже подготовил постели, кнест Левиан. Комната на двоих вам и вашей рабе и комната чуть дальше мальчику.

Ледяной сжал зубы и зло посмотрел на хозяина. Похоже, он и правда устал, Лина никогда не видела таких открытых эмоций на его лице:

— Давайте наоборот. Чужемирка будет спать с мальчиком, а я — один.

— Как скажете, — маг примирительно развел руками.

Ледяной кивнул и вышел из-за стола. Около него тут же загорелся огонек.

— Свет проводит вас, — огонек призывно качнулся в сторону коридора.

Наемник выпрямился, почтительно кивнул хозяину дома, после улыбнулся Лине и ушел из комнаты. Лине в этот момент больше всего хотелось уйти с ним. Нет, не спать, просто держать за руку, быть рядом. Слушать, если он захочет говорить. Или молчать, если он будет молчать. Она даже чуть двинулась, но ... Кажется, ему сейчас больше хотелось остаться одному.

Маг внимательно наблюдал за ней. Озорство и любопытство сменяли друг друга в его глазах. Он был оживлен и даже возбужден. Кажется, он снова почувствовал вкус к жизни и радовался любой эмоции, которую ему удавалось испытывать.

— Почему вы назвали его Источником? — Лина обернулась к хозяину дома.

— Хм, а что ты знаешь о нашем мире, отданная душа? — маг удивленно вскинул брови и откинулся на спинку стула.

— Немного, — Лина потупила взгляд. — До храма я так и не доехала.

— Понятно, — маг кивнул. — Ну что ж. Думаю, если вы все же решите поесть, то я успею немного рассказать.

— Мир наш, — певучим, уже не старческим голосом начал маг, — как когда-то и ваш, держится на магии.

— И наш?

— Не перебивайте меня. Ешьте свой суп, — чуть раздраженно махнул рукой хозяин дома.

Лина опустила глаза в тарелку. Не пристыженно, нет. Скорее, чтобы скрыть раздражение.

— Ну, так вот, магическая искра, даже если она дана человеку, не наберет силы без Источника. Вот взять просто ум, — он подался вперед, азартно рассуждая. — Даже если он дан Богами и родителями, если не читать книг и не размышлять над прочитанным, то ум так и останется не более чем способностью молчать, когда надо.

Лина взглянула на него исподлобья. Она совсем не была уверена, что такая способность у нее есть.

— В вашем мире, — продолжал маг, — Источники давно утрачены. И поэтому даже то магическое, что еще появляется у вас, больше похоже на шарлатанство.

— Что такое Источник?

— Не что, а кто. Источник — это проводник. Тот, кто может питать других магией бесконечно. Эту магию он берет из других миров, с которыми он связан, из эфира, — маг всплеснул руками, — из воздуха, если хотите! Он сам не маг, но он отдает магию другим!

— Как Ледяной, — еле шевеля языком, пробурчал Синт.

Маг удивленно посмотрел на него. Кажется, он и забыл о его существовании.

— Вы правы, юный невежа. Как молодой кнест Левиан.

— А ты знал? — теперь Лина удивилась.

— Что он Источник? Не-а, — мальчишка мотнул головой. — Но что в нем магии много, это видно. Я еще удивлялся, почему он сам не маг.

— Такова их природа. Они как ручьи, что дают нам утолить собою жажду, но сами лишены способности пить. Они — Источники. Без них устои этого мира рухнут.

— То есть, — Лина сделала над собой усилие, пытаясь произнести имя Ледяного, — кнест Ским Левиан дает вам магические силы.

— Питает их. Даны они нам Богами и Мирозданием. Но без него я буду слаб. Дряхлый старик, помнящий былое величие, не более.

Лина откинулась на спинку стула и посмотрела на мага, который сейчас был похож скорее на зрелого мужчину, чем на старика.

— А что эти Источники должны делать? Служить в каком-то храме? Или в обители? Что?

— Кхм, — маг хитро прищурился, — обычно они нами правят.

* * *

У Лины возникло слишком много вопросов, которые она никак не могла сформулировать. Как же тот, кому, по сути, дана безграничная власть над магами, вместо того, чтобы править, вдруг стал безвестным наемником. А Источников бывает несколько? А если нет, то кто же тогда сейчас в этой земле Источник? А это поэтому нечисть вдруг стала появляться на дорогах? Лина почти собралась все это спросить, как резкий звук отвлек ее — это Синт соскользнул с подставленной под голову руки и чуть не шлепнулся носом в тарелку.

— Кажется, нам тоже пора спать, — извиняясь проговорила она.

— Ну что ж, продолжим наш разговор завтра, — маг понимающе улыбнулся.

Огненный шарик, мерцая, вытянулся в ленту, уводя их в коридор и дальше в комнату. Лина, как замороженная, смотрела на ленту света, зовущую за собой, закручивающуюся спиралью в шарик, и думала, как много она еще не знает об этом мире. Да и о своем тоже.

Постель была мягкая и нежная, Лина провалилась в объятия перина, но долго не могла уснуть. Так и лежала, слушая сопение мальчика у себя под боком и раздумывая о природе миров и о Ледяном, который вдруг оказался таким важным Источником.

* * *

Чужемирка проснулась первой. Неяркий круглый светоч, проводивший их вчера до комнаты, висел в воздухе, призывно покачиваясь.

— Туалет? — не особо надеясь, спросила Лина.

Однако шарик качнулся в сторону коридора и замер, ожидая, когда она последует за ним. Удобный навигатор, хмыкнула чужемирка и послушно вышла в коридор.

Днем дом ей показался чистым, добротным, даже богато отделанным, и вполне уютным. Световой шар привел ее в светлую комнату, где Лина увидела стульчак и большую каменную лохань с краном над ней — подумать только, самая настоящая ванная!!!

В порыве восторга девушка разделась, поискала глазами согревающие амулеты, активировала их и залезла в теплую воду. Блаженству не было предела! Как мало человеку нужно для счастья. Всего лишь теплая вода и немного мыльной пены! Чужемирка рассматривала себя, оттирая дорожную грязь. Да уж, здоровое питание и активный образ жизни явно пошли ей на пользу. Мягкое, излишне округлое тело теперь стало стройным, с крепкими мышцами на животе и бедрах. От той расплывшейся барышни, которой она была еще пару месяцев назад, почти ничего не осталось. Волосы чуть отросли и стали гуще. Когда-то полноватое лицо сильно изменилось: скулы стали суше, подчеркивая большие карие глаза, на щеках заиграл румянец. Кажется, этот мир ей пошел на пользу.

Вдоволь наплескавшись, Лина активировала очищающий кристалл, на который упорно указывал ей световой шарик, привела в порядок платье, расчесала волосы и вышла в общую комнату.

Синт и Ледяной уже были там. Все сидели за столом, накрытым к завтраку. Хозяин дома встретил ее улыбкой. Наемник внимательно на нее посмотрел и чуть приподнял бровь. Кажется, ему понравилось то, что он увидел. Синт на Лину не смотрел, он жевал булку и шумно отхлебывал горячий взвар из большой чашки. Лина вздохнула и потрепала его по волосам. Да уж, мальчонку еще учить и учить.

— Окажите честь позавтракать с нами, — маг шутливо повел рукой, приглашая Лину сесть.

Черты лица его остались прежними, но сейчас он выглядел как мужчина в расцвете лет. Или может, это освещение сегодня хорошее.

Освещение.

Лина обернулась к окну. К чистому, сияющему, большому окну, драпированному красивыми, тяжелыми шторами. В недоумении она крутила головой, разглядывая то искусную мозаику над камином в углу столовой, то резной буфет у противоположной стены. Поклясться могла бы, что вчера этого ничего не было. Маг увидел ее растерянный взгляд и довольно усмехнулся.

— Это все... — Лина была по-настоящему растеряна, — это вот все магия?

— Да нет, конечно! Тут все настоящее. Но то, в каком оно состоянии — да, — хозяин дома любовно провел рукой по крепкой дубовой столешнице, — это магия.

— И все стало лучше благодаря... — Лина перевела взгляд на Ледяного.

Тот чуть поморщился и отвернулся.

— Да, моя дорогая. Близость к Источнику творит чудеса.

— Послушайте, керт Парт, — наемник был раздражен. — Я совсем не уверен, что я Источник.

— А я уверен. И мой дом. И ваш юный травник, кажется, тоже, — Синт поднял на него глаза и так и застыл с плюшкой во рту. — Дайте угадаю, сильным зельеваром он стал именно в вашей компании? А до того, вероятно, считался обычным шалопаем, а может, даже и разгильдяем.

Синт положил на тарелку надкусанную булку и опустил глаза:

— Я плохо названия трав запоминал. Чему бабка учила, хорошо помнил, а в обители никак не мог... — мальчишка шмыгнул носом.

— Хм, а как с этим дела обстоят сейчас?

— А я их просто знаю! — Синт, кажется, сам был удивлен своему признанию. — Нет, не названия. Травы! Читаю заклятье и понимаю, что туда надо положить для нужного действия. Я же вижу траву! В руках держу и вижу, на что она способна, и с чем ее смешать надо, и отварить там или высушить... Ну и иду, и срываю. Или вот, керт Ледяной купил много.

Маг, внимательно слушавший его, серьезно покивал.

— Вы хотите сказать, что у него не было никакого особого дара? — Лина возмутилась. Ей мальчонка нравился, она не хотела преуменьшать его заслуги.

— Да ну что вы! Конечно, дар у него был! Причем действительно необычный. Видеть одновременно и траву, и людей. Это же... — маг не закончил. — Для меня будет честью учить его. Спасибо тому лавочнику, который вас ко мне направил. Но без Источника эта искра не разгорелась бы. А сейчас я в мальчике вижу хорошее яркое пламя! Талантливый мальчик. Очень. И в правильной компании оказался.

Ледяной фыркнул. У Лины в животе что-то неприятно скрутилось. Она успела

привязаться к мальчику. А теперь придется с ним расстаться. Но разве не этого они хотели? Найти ему хороший дом. В носу защипало. Чужемирка скривилась, потеряла переносицу и для продолжения разговора спросила:

— А то, что я рядом с тобой чувствую себя спокойно и, — она пожала плечами, — и хорошо. Это тоже потому что ты — Источник?

— Ты из другого мира, — наемник смотрел на нее, не отводя глаз, и улыбался одними уголками губ. — На тебя это не должно действовать.

— Думаю, — хозяин дома лукаво улыбнулся, — это немного другая магия.

Лина покраснела до корней волос и опустила глаза. На что это он намекает!

Ледяной подался вперед и накрыл ее руку своей. Лина подняла на него взгляд. Он улыбался. Нежно. Без насмешки, без лукавства. Рука его чуть сжала ее пальцы. Губы шевельнулись. Наверное, он хотел сказать что-то ободряющее. Лина улыбнулась в ответ. Все же, это действительно магия. Та, что существует только между ними. Успокоившись, чужемирка снова обернулась к хозяину дома:

— Но вы вчера сказали, что Источники обычно правят, — при этих словах наемник с укором посмотрел на мага, а она продолжала: — Как же так вышло, что он не в столице, а здесь, на краю Рузгарда?

— Вот я и сам хотел бы это знать. Почему нам, магам, питаться уже долгие годы не от кого, а тот, кто мог бы все спасти, скрывает имя свое.

Наемник резко встал из-за стола, чуть не уронив стул, и отошел к окну, но маг безжалостно продолжал:

— Вы же понимаете, отчего город окружен магическим кольцом? Шесть сотен лет его не ставили! А тут нечисть полезла изо всех щелей. Мелкие деревушки уничтожены, сколько людей погибло.

— Причем тут я? — Ледяной почти кричал, обернувшись. — Источник в столице долгие годы питал землю.

— Нет, не питал, — маг покачал головой. — Мне ли не знать, насколько слаб тот, в чьих руках ключ. Мы расходовали свое пламя, и негде было нам питаться. Маги гибли, старели. Новые не могли разгореться. Стали даже уходить в другие земли, чтобы приникнуть к другому Источнику.

— И из-за этого объявили войну, — глухо сказал наемник. — Или вот-вот объявят. Вроде как соседние Хранители переманивают наших магов.

— А дело просто в том, что ключ не в тех руках...

— Похоже, нет там ключа, — еле слышно проговорил Ледяной.

— Что? — маг даже привстал.

— Ключ был у моей матери. Она была источником, — наемник вернулся, оперся локтями о стол, уткнулся лбом в сжатые кулаки. — Видимо, когда ее убили, никто не смог вынести ключ. Иначе зачем бы им ставить защиту на наши земли? Ключ должен быть сейчас в склепе, на ее теле.

— Потому что ключом может владеть только Источник, а его больше не было. Но почему же? — глаза мага широко распахнулись. Он вглядывался в Ледяного, в блюда на столе, в стену, пытаясь хоть где-нибудь найти ответ на свой вопрос. — Но как так? Ведь источником была Еверна?

— Обе, — наемник убрал руки от лица и посмотрел на мага. — Они близнецы.

Маг, открыв рот, встал из-за стола, будто собираясь куда-то бежать. Даже развернулся,

потом снова вернулся к столу, хотя больше не сел.

— Дочери короля — сестры-близнецы? Они обе были Источниками?

Ледяной кивнул.

— Я был ребенком, — он свел брови в одну линию, трогательная складка пролегла между ними. Молчал очень долго. Откашлялся, прежде чем снова заговорить. — С нами тогда это все не обсуждали. Что-то мы знали по обрывкам разговоров взрослых, но немного. Похоже, сила была распределена неравномерно. Астрель была сильнее, но... — он запнулся и закрыл глаза, — но она очень любила моего отца.

— Не династический брак, — маг снова сел на место.

Ледяной кивнул.

— Я не знаю, как они договорились, но Еверна осталась в столице, вышла замуж так, как того пожелал мой дед, их отец, а мать с отцом уехали сюда, в глушь, в Северные горы.

— Полагаю, они были довольны таким решением.

— Насколько я помню, они были счастливы, — наемник грустно улыбнулся. — До тех пор, пока у тети не родился сын.

— Она долго не могла иметь детей. Родила, в конце концов, но в тот же год умер Величайший. Ей предстояло взойти на трон, — маг будто вспоминал события давно минувших дней.

— Родив сына, она утратила дар Источника. Она больше не могла держать ключ. Сначала решили, что Источником стал Белерт, ее сын.

— Но в нем магии не было...

— Не было. Тогда его отцу кто-то нашептал, что если убрать всех, в ком течет кровь Величайших, то Источнику некуда будет деваться, и он проснется в его сыне.

В столовой повисло молчание. Даже Синт перестал чавкать.

— Вы же были совсем дети, — маг, древний маг, который, казалось бы, должен был быть циничным и жестоким, говорил сдавленным от ужаса голосом. А наемник отвечал подчеркнуто скучающим тоном:

— Мне было одиннадцать, Рорку — тринадцать, — Ледяной помолчал, — Марике — четыре...

У Лины по щекам текли слезы. Много лет назад кто-то вырезал целую семью. Счастливую семью. Просто потому что в них мог проснуться этот дурацкий Источник.

— А твои родители? — всхлипывая, спросила Лина.

Ледяной повернулся к ней. Поднял руку, коснулся ее щеки. Вытер слезы, улыбнулся чужемирке.

— Что ж ты за всех так переживаешь? — он снова опустил глаза в стол. — Труп матери я видел. Она пыталась прикрыть собой Марику. Отец... Он вытолкнул меня в один из потайных ходов, ведущих за пределы замка. Я не видел его убитым, но судя по всему, он пожертвовал жизнью, чтобы дать мне уйти как можно дальше.

Маг коротко кивнул:

— Их тела нашли. Говорили, что и дети все упокоены, но ходили слухи... Ходили слухи, что один из гробов опустили в склеп пустым.

— Ским Левиан похоронен, — наемник повысил голос и с вызовом посмотрел на хозяина дома. — Меня зовут по-другому.

— Вы обязаны вернуть себе имя! — с жаром прокричал Амар Парт. — Обязаны, иначе мир рухнет!

Дорогие друзья,

С сегодняшнего дня я меняю порядок выкладки романа.

Вы увидите его быстрее, но я буду вам очень благодарна, если в качестве благодарности вы подпишитесь на автора и добавите произведение в библиотеку. Мне это очень важно.

Разговор был не окончен, но прерван. Эмоции переполняли всех настолько, что никто, кроме Синта, так и не поел. Хозяин дома извинился и ушел в кабинет. Лине показалось, что у него вдруг появилось много дел. После того, как его силы получили подпитку, ему понадобилось восстановить многое из того, что успело рухнуть.

Синт сбежал в библиотеку и изучал какие-то сборники заветов, которые теперь казались ему потрясающе интересными.

Ледяной с Линой так и остались в столовой. Он стоял у окна и смотрел вдаль невидящим взглядом. Лина сидела за столом и сжимала в руках чашку теплого отвара. Она не знала, как себя вести теперь. Он жестокий наемник? Бывший принц? Источник магии и основа этого мира? Или ее надежный друг и... и что-то больше?

Вздыхнула, расправила плечи, поставила чашку и пошла к Ледяному. Стала между окном и наемником. Тот опустил взгляд и посмотрел ей в глаза.

— Ским? Тебя можно так называть?

Он усмехнулся, задумался.

— Только если мы наедине. Ладно?

Лина кивнула.

— Ты же хотел вернуться домой? Ты мне говорил, что мы едем к тебе домой.

Наемник сжал челюсти, желваки заиграли на его щеках. Кивнул:

— Да. Я хотел вернуться домой.

— Но не затем, чтобы вернуть себе имя?

— Сейчас это уже не важно. Это была глупая детская мечта. Никто не даст мне просто жить дома, меня узнают, — он покачал головой. — Похоже, никто и нигде не даст мне просто жить.

Лина подняла руку и коснулась пальцами его виска. Провела по скулам. Он поймал ее ладонь и прижал к лицу:

— Прости меня, моя чужемирка. Прости.

— Ты ни в чем не виноват. Даже наоборот, — Лина улыбнулась. — Ведь мне правда хорошо рядом с тобой.

Она смотрела ему в глаза. Эмоции сменялись одна за другой в этом голубом озере. Боль, жалость, отчаяние, надежда. Лина, нырнувшая в этот калейдоскоп, поняла, что уже не в силах оторваться от взгляда наемника. Мужчины сильного, надежного, нежного, умного, одинокого... Она поднялась на цыпочки и слегка коснулась губами его губ. Он резко вздохнул, будто не ожидал. Она смутилась, попробовала отстраниться, но он обхватил ее рукой и прижал к себе. Его губы накрыли ее рот. Жадно, властно, сильно, решительно. Он обнимал ее, впивался в нее губами, снова, еще, так, будто это не он был Источник для всего мира, а она была его источником силы, нежности, любви, и сейчас он пил и не мог напиться. Язык его властно прорвался в ее рот. Крепкие и сильные руки не давали ей ни малейшего шанса вырваться, а она и не пыталась. Ноги не держали ее, но это не имело никакого значения — ведь ее держал он. Да и вообще, сейчас ничего не имело значения.

Прошло, казалось, всего одно мгновение. Или вечность. Никто из них двоих не мог бы сейчас ответить на этот вопрос. Он оторвался от ее губ, но все еще сжимал в объятьях. Прижался лбом к ее лбу:

— Лина, — прошептал на выдохе, — чужемирка ты моя странная.

Лина просто качала головой, не слушая его шепота, поднималась на цыпочки и целовала, целовала. Его веки, виски, щеки, снова губы. Ей было безумно сладко в его объятьях. А он зарывался носом в ее волосы, скользил руками по ее телу, прижимал ее к себе сильно и страстно, целовал шею, вдыхал аромат ее кожи, перебирал пальцами складки ее одежды... Он просто наслаждался ею.

* * *

— Кхм, — у Скима за спиной раздалось деликатное покашливание.

Он нехотя, с усилием оторвался от Лины и обернулся. В дверях стояли Амар Парт и Синт. И если у мага лицо было демонстративно невозмутимое, то мальчишка стоял с открытым ртом и ошарашенно пялился на Ледяного и чужемирку.

— Вот это вы даете, — выдохнул мальчишка.

— Где ваше воспитание? — маг свысока глянул на мальчика. — Умейте принимать различные жизненные явления как должное, если хотите быть магом.

— Чего? — произнесенное было для Синта птичьим языком. Он даже нахмурился, пытаясь понять хозяина дома.

Лина попросту рассмеялась. Восторг переполнял ее, сейчас невежество мальчонки ее скорее умиляло. Впрочем, Ледяной тоже улыбнулся.

Амар Парт снисходительно провел рукой по волосам мальчишки:

— Кажется, мне придется вас учить не только магии, молодой человек. Собственно, я хотел сказать, что мне нужно выйти на несколько часов, — только сейчас Лина обратила внимание, что он одет в выходной сюртук. Старый маг выглядел отнюдь не старым. Сильный, зрелый, щеголеватый мужчина. Надо же — брови чужемирки сами собой поползли вверх — как он изменился. — Возможно, вам что-то нужно купить? — продолжал маг. — Или узнать?

— Пожалуй, нет. Мне надо будет самому выйти, — Ским обернулся и посмотрел на Лину. — У меня есть письмо к одной здешней даме, — Лина изогнула бровь в шутливом возмущении. Наемник улыбнулся и снова обернулся к магу. — Не знаете ли вы, где находится дом Главы купеческой гильдии? У меня письмо к его жене.

Амар Парт кивнул, сдерживая смехок:

— Если вы готовы выйти сейчас, то я даже провожу вас. Нам по пути.

Ским кивнул, поймал руку Лины, поцеловал кончики ее пальцев:

— Скоро вернусь, — и вышел вслед за магом, потрепав Синта по рыжим волосам.

— Это что, вы теперь того? — к мальчишке вернулась способность говорить, едва за мужчинами хлопнула дверь.

— Чего? — Лина уперла руки в боки и притворно возмутилась. — А ну выбирай выражения! А то я тебе дам «того»!

Синт противно захихикал, вместо того чтобы призваться к порядку, и, напевая под нос какую-то считалку в духе «жених и невеста тили-тили-тесто», ускакал вдаль по

извивающемся во всех направлениях коридору.

— Эй, стой, — Лине ориентироваться в доме было куда труднее. — Стой, я тебе говорю, куда поскакал? Возьми меня с собой!

— Я в библиотеке! — Синт выглянул откуда-то из-за поворота. — Ну чего стоишь, иди сюда.

— Куда «сюда»? Этот коридор ведет куда хочешь, только не «сюда»!

— Лина, ну что ты как маленькая. Стань спокойно и подумай «мне надо в библиотеку». Ну или «мне надо к Синту», и коридор тебя выведет.

— Блин, — Лина глубоко вздохнула, сосредоточилась. Коридор странным образом вывернулся и уперся в дверь, из которой выглядывал Синт. — Получилось.

— Это легко! Как с кристаллами.

— Это тебе легко! Ты в этом мире родился и вырос. А я тут только третий месяц. Даже читать толком не умею. Кстати!

— Чего?

— Раз мы в библиотеке, дай мне какую-нибудь простую книжонку, — Лина уселась на низкую лавочку около окна.

Синт с сомнением посмотрел на подборку книг керта Парта.

— А где твоя книжка?

— Где-то в комнате. Я не пойду туда сейчас!

— Ну и зря, — мальчишка, казалось, полностью освоился в доме и был абсолютно невозмутим. — Надо тренироваться.

— А тут что, книг мало?

— Ну-у... — Синт почесал в затылке, оглядывая стеллажи, вытянувшиеся вдоль стен, — даже и не знаю.

— Ай, брось выдываться, — Лина подошла к ближайшей полке и взяла первую попавшуюся книгу. — Вот в этой буквы покажи.

— Это книга о демонах, банши и злых духах. Точно по ней учиться будешь?

— Не, — Лина поежилась и поставила книгу на место. — А то вызовем еще кого не того. А эта? — она достала тонкую книгу в светло-желтой обложке с оранжевым орнаментом. Она показалась ей веселенькой.

— Эту можно. Это виды казней, способы рассечение тел и основы выращивания заклятой травы под трупом казненного.

— Блин, — Лина отшвырнула мерзкую книжонку. — А чего-то попроще тут нет? Ну, ботанической энциклопедии. Травки, цветочки, тычинки, пестики...

— Есть, — Синт как-то слишком тяжело вздохнул и достал огромный потертый фолиант, стоявший на нижней полке в одном ряду с еще десятком таких же. — На, держи. Том первый.

— Да елки-палки! — Лине хотелось выругаться крепче, но инстинкты учительницы сработали и тут. — Пошла я за своей книгой! Как, говоришь? Стать и подумать о своей комнате?

— Ну, как-то так, — Синт уже отвернулся и погрузился в книгу, лежавшую раскрытой на столе.

— Вот, — ворчала Лина себе под нос, — все меня бросили. Бедная я несчастная. Всего-то научиться читать хотела.

Она стояла в коридоре и вспоминала книгу, которую подарил ей Ледяной. В тот же

день, когда вернул расческу Дарны из таверны. Купил ей платье, научил сидеть верхом... Мысли сами собой унесли ее в события недельной давности. Она вспоминала его взгляд, его руки на своей спине, когда он растирал ее целебной мазью. Коридор странно извернулся, перетек справа налево, отразился сам в себе, и Лина вдруг обнаружила себя перед закрытой дверью. Она не помнила точно, ее ли это спальня, в доме же все двери одинаковы! Не попробуешь — не узнаешь. Чужемирка вздохнула и зашла. Внутри лежала знакомая седельная сумка, заплечный мешок, темный дорожный плащ. Это была спальня Скипа.

Берьята была богатым портовым городом. Но обилие торговцев, путешественников, наемников, матросов и просто всякого сброда всех сортов принесли в ее характер то неизменное, что можно встретить в любом балагане: шум, хаос, суету и путаницу. Да, центр был полон каменных домов. но едва ли хотя бы пара из них были выдержаны в одном стиле. Улица могла внезапно оборваться и снова начаться через пару кварталов. Прямых дорог в городе не было, а портовая часть была испещрена каналами так, что сразу становилось понятно: о кораблях здесь думают гораздо больше, чем о людях. Эта кутерьма настолько впиталась в характеры жителей города, что стала их изюминкой и отличительной чертой. Только тут можно было увидеть кирпичный дом, беленый с одной стороны и с деревянными резными окладами окон — с другой. Или северянина, одетого в восточные накидки, украшенные перьями южных птиц.

Яркие краски, несовместимые детали, причудливые украшения — все это слилось в единый, не лишенный шарма, стиль города. Гул толпы, сливающийся с шумом волн, слышимым даже у городских стен, окрики на всех языках мира, разные оттенки кожи, цвета волос — из всего этого получилось красивое и уютное лоскутное одеяло, из которого не хотелось убирать ни единого фрагмента.

Ским расстался с магом пару кварталов назад, но, кажется, уже потерял все ориентиры. Наемник то и дело искал глазами портовый маяк и пожарную колокольню. Когда он почти отчаялся найти нужный поворот, перед ним словно ниоткуда вырос громадный дом с крыльцом, украшенным якорем.

Демоны! Ледяной аж вздрогнул. Палата Гильдии. На верхних этажах живет глава. Наемник окинул взглядом несуразный, но не лишенный определенного шарма дом, и в сотый раз подумал, что в горных деревушках ему нравилось больше.

Дворецкий, одетый, несмотря на молочный оттенок кожи, в восточный тюрбан, почтительно склонившись, отворил дверь, но решительно преградил путь, не давая чужаку пройти дальше приемного покоя.

— О вас доложат секретарю, — с учтивой улыбкой и непроницаемым взглядом сообщил мажордом.

— Обо мне не надо секретарю, у меня личное поручение.

— Тогда о вас доложат личному секретарю, — слуга был непреклонен.

Ледяной стиснул зубы и уже собрался было уйти, но в нем проснулся какой-то почти боевой азарт. Он вытащил из глубин своей памяти все, что мог, о кодексах поведения в богатых домах, поднял подбородок, расправил плечи и снова заговорил с дворецким, слегка изменив тембр голоса:

— Мой друг и соратник, кнест Деймур, просил выполнить просьбу своей любимой супруги и передать ее сестре письмо. Конфиденциальное, — уточнил наемник, понизив голос. — Боюсь, кнест расстроится, если я не выполню его поручение. Так же, как и дражайшая сестра его супруги, не получив важной весточки с юга.

Мажордом нахмурился, поджал губы, и выпрямившись, словно аршин проглотил,

прошествовал вглубь здания. Почти сразу откуда-то из скрытых дверей появился неприметный мужчина в светло-сером, отлично сидевшем сюртуке и негромко попросил наемника следовать за ним.

Личный кабинет главы гильдии представлял собой просторную светлую комнату, обитую светло-зеленой тканью с бледным рисунком. Большой стол у окна был завален бумагами, книгами, какими-то коробками с клочками тканей и чем-то блестящим. Вокруг стола стояли несколько секретарей, с документами на подпись. Где-то за этими баррикадами, еле видный в массивном кресле, сидел маленький лысый мужичонка.

Мужчина в сером сюртуке подошел к нему и что-то прошептал на ухо. Сидящий в кресле оторвался от бумаг и поднял на наемника умные, внимательные глаза. Выпрямился, отложил перо. Видимо, это было негласным сигналом, потому что стоявшие вдоль стола секретари тут же гуськом вышли куда-то в боковую дверь.

— Кнест Гессман примет вас, — доложил наемнику сюртук и растворился где-то в стене.

— У вас послание к моей жене? — удивленно и вроде как с вызовом спросил купец — именно он сидел за столом, окруженный секретарями.

— От ее сестры, ваша Ясность, — Ским достал письмо и показал его купцу. — Кнесса Деймур, супруга моего друга и соратника, очень просила доставить это послание сестре. Лично в руки.

Глава Гильдии протянул руку. Ским, слегка помедлив, отдал письмо, но не ушел, давая понять, что не считает свое поручение выполненным.

Купец звякнул колокольчиком, и в кабинете снова появился «серый сюртук».

— Пригласи Вейла, — «сюртук» молча кивнул и снова бесшумно вышел.

Ледяной стоял, ожидая. Купец внимательно изучал его, не приглашая сесть. Из все той же боковой двери вышел толстенький мужичок лет пятидесяти с простыми чертами лица, открытой улыбкой и орденом мага высшей гильдии на груди.

— Мой помощник, мастер невидимых дел и лекарь, — представил купец вошедшего и протянул ему письмо.

Маг кивнул и принял конверт, но взгляд его был прикован к Ледянному. Брови сошлись в одну линию, улыбка растаяла, сменившись плотно сжатыми губами. Лицо мага побледнело, дыхание сбилось...

— Что-то не так? — купец заволновался.

— А? — маг вроде как и забыл, зачем пришел.

— С письмом что-то не так? — купец сверлил взглядом своего мага.

— А... Нет... обычное письмо. Никакой магии. Кровная печать и немного духов на бумаге. Можете отдавать, — также не глядя на бумагу, маг протянул конверт обратно купцу, а сам сделал несмелый шаг в сторону наемника.

Тот чуть склонил голову и взглянул исподлобья. Маг замер.

— Если позволите, ваша Ясность, — Ским понял, что пора уходить, — я бы хотел выполнить поручение: увидеть, как ваша супруга получила это письмо. И откланяться. У меня сегодня еще много дел.

По звонку колокольчика в кабинете снова появился «сюртук».

— Пригласите ее Ясность, — купец, увидев реакцию своего мага, откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и попросту сверлил взглядом своего странного гостя.

В комнате появилась женщина. Легкая, светлокожая, со взбитыми в высокую прическу

темными волосами и хитрым прищуром вечно смеющихся глаз. Ледяной поразился тому, как сестры похожи между собой. Он склонился в почтительном поклоне.

— Этот славный воин принес тебе письмо, — купец протянул конверт супруге.

Та подлетела к нему, порхая, поцеловала лысую макушку, приобняла супруга и уселась на подлокотник его кресла, рассматривая конверт.

— Ах, от сестры, — воскликнула она. — Давно ли вы ее видали?

— Неделю назад.

— Как она? Здорова ли?

— Вполне здорова, — Ским помолчал. — Планирует ремонт в главном зале замка.

Купчиха заливисто рассмеялась:

— Это так на нее похоже, — между тем, она вскрывала конверт.

«Ни в коем случае не отпускай гонца!» — гласила первая строка.

Ледяной, выполнив поручение, предпринял попытку уйти, сославшись на дела.

— Ах, подождите же! — кнесса Гессман взмахнула рукой, пытаясь удержать наемника, чем немало удивила и его, и родного мужа. — Подождите же! Я так соскучилась по сестре. Расскажите мне, как она. Позвольте предложить вам взвара? Пожалуйста, не откажите.

Бровь Ледяного поползла вверх. Купец, удивленный так же, как и он, но не показывающий этого, кряхтя, поднялся с кресла.

— Друзья кнессы Деймур — наши друзья, уделите нам хотя бы полчаса вашего драгоценного времени! — Главе Гильдии было непривычно произносить такие слова, но этот гонец был интересен ему. Странная реакция мага, не менее странное поведение жены... — Расскажите нам, что творится на южных дорогах? Сухопутные караваны рассказывают такие небылицы, что и не знаешь, то ли им верить, то ли требовать покрытия убытков. Вы же из Мельхорма?

Как-то незаметно открылась дверь, и купчиха утащила Скима в гостиную, подхватив его под локоть. Малый зал, обставленный изящной мебелью в восточном стиле и устланный коврами с затейливым рисунком, показался наемнику вычурным и излишне ярким. Его усадили на низкий диван, тут же появился столик со спиртным и ароматным взваром. Купец предложил ему вина, но наемник отрицательно покачал головой:

— У меня и правда еще много дел.

Купец удовлетворенно кивнул. Он тоже не любил пить по утрам. Теплый взвар был разлит по изящным тонким чашкам. Купчиха протянула руку и не глядя взяла чашку. Все ее внимание было приковано к письму.

«Ни в коем случае не отпускай гонца!

Дочитай до конца, потом что-то придумаешь. Это — лучший воин моего мужа. Верный и смелый, но наводящий ужас не только на врагов, но и на всю деревню.

Прости мне, сестрица, мое женское любопытство, но я все это затеяла только для того, чтобы выяснить, куда он отправится, и по возможности вернуть его. Грядет война. Матушка тебе должна была уже писать, раз уж и мне написала. Да и муж твой наверняка многое слышал. Говорят, что наши маги усомнились в нашем Источнике и ищут другой. Мыслимо ли, поставить под сомнение дар Величайшего?

Раз ты читаешь это письмо, значит Ледяной едет на север. Муж думает, что он оттуда родом, а мне кажется, что он чего-то ищет, ибо не зря он уехал именно сейчас, прихватив с собой чужемирку.

Он странный — хороший воин, лучший, кого встречал мой муж, но называется чужим

именем и сторонится богатых домов и магов. Ни разу не поднял руки на безоружного, но весь Мельхорм уверен, что сама смерть в нем поселилась. Живет отшельником в глуши, но его манеры не уступают столичным. Мне кажется, в ваших краях ходит множество легенд. Может, он попадет под описание хотя бы одной из них? Напиши мне. Или пришли весть через кристалл.

Мне было бы спокойнее, если бы на войну мой любимый кнест Деймур пошел рядом со своим наемником. Но если вернуть его не получится, то хоть узнай, куда он едет.

Знаю, что ты поймешь меня. Обнимаю, сестрица, и жду вестей».

— Ах, какие новости вы мне привезли! — купчиха аж подпрыгнула в кресле, увидев краем глаза, что наемник снова собрался удрать. — Скажите, не собираетесь ли вы возвращаться в ближайшее время? Я бы написала сестрице ответ!

— Боюсь, что нет, ваша Ясность. Не думаю, что вернусь на юг.

— Как жаль, как жаль. А не поедете ли вы случайно в Герхолд? Я бы передала послание для жены тамошнего старшего стража!

— Еще одна ваша сестра? — Ским не выдержал и чуть приподнял бровь.

— Ах, какой вы шутник, — купчиха красиво, но абсолютно наигранно рассмеялась. — Нет, конечно нет. Просто хорошая подруга.

— Прошу прощения, ваша Ясность. Боюсь, мои личные дела больше не позволяют мне выполнять поручения даже столь уважаемых мною лиц.

Купчиха разочарованно ахнула, а Глава Гильдии прищурился и еще внимательнее посмотрел на наемника.

— Позвольте все же откланяться. У меня назначена встреча.

— Ах, конечно, вы и так сделали мне громадное одолжение! — купчиха всплеснула руками и просяще посмотрела на мужа.

— Вы можете обращаться в наш дом, если вам понадобится какая-либо помощь или услуга, — проговорил Глава Гильдии... — Не спешите отказываться, — купец опередил открывшего было рот Ледяного. — Вы еще не знаете, что вас ждет на севере. А наша Гильдия сплочена и сильна.

Наемник закрыл рот и почтительно поклонился.

Как только за ним закрылась дверь, купчиха бросилась на грудь к своему супругу:

— Пожалуйста, установи слежку. Очень надо. Очень-очень-очень!

— Ах, не голоси, моя дорогая. Я уже отдал распоряжения. Его сопровождают, — Глава Гильдии бросил вопросительный взгляд на секретаря, слившегося со стеной у двери. Тот ответил хозяину кивком. — Что такого тебе написала сестра? — купец протянул руку.

— Ничего особенного, — она передала письмо мужу. — Но чутье ее никогда не обманывало. Если она говорит, что его не надо упускать из виду, значит его... А почему ты решил за ним следить? — очаровательная купчиха хитро прищурилась.

— Вейл очень обеспокоен, — купец быстро пробежал глазами по листку и убрал его в карман.

— Вейл? — вся наигранная хитрость и простота тут же слетели с лица молодой кнессы.

— Вейл... — купец понизил голос. — Он сказал, что в этом парне полно магии, но при этом он сам — не маг.

Услышав это, купчиха медленно осела на диван:

— Источник? — прошептала она.

— Чш-ш, — купец приложил палец к губам и осмотрелся — Не произноси этого вслух!

* * *

Лина сидела на кровати наемника, мечтательно закатив глаза. Все, что принадлежало Скиму, сейчас вызывало у нее восторг и умиление. Она проводила рукой по его дорожному плащу, брошенному на кровать. Плащ, который каждый день укутывал его. Рюкзак, в котором он носил свои вещи, книга, которую он вез с самого Мельхорма. Книга? В Лине проснулось любопытство. А что это за книга?

— Дэ... Де... Дема... мо ... Демоны и... Черт! — чужемирка выругалась. Подхвати книгу под мышку, она решительно вышла в коридор. — Если повезет, с первого раза попаду в библиотеку. Пусть Синт прочтет.

Коридор всего два раза вывернулся странной петлей и все же вытолкнул ее к библиотеке.

— Синт?

— А? — мальчишка сидел у окна, роясь сразу в трех книгах.

— Синт, смотри что я нашла!

— М... А где нашла? — без особого любопытства спросил ученик мага.

— Да, там лежала, — Лина неопределенно махнула рукой в сторону двери.

— Ну, по этой ты читать не научишься, — вынес вердикт Синт. — Придется все же в свою комнату идти.

— Почему? Обложка красивая, — Лина решила немного притвориться. — А что это за книга?

— Это демонология. Виды демонов и заговоры против них. Ее даже я читать не смогу, тут такие словечки каверзные... Да и неприятно ее читать.

— Почему неприятно?

— Демоны, они такие... Они человеческой крови все время ищут. Все обряды с жертвами. Причем там нужна чистая кровь. Невинная душа. Кто-то, кто никого никогда не убивал. Сама понимаешь, это обычно дети. — мальчишка поежился. — Жуть, в общем.

Лина ошарашенно смотрела на книгу. Какие еще сюрпризы таятся в ее наемнике? Она брезгливо отодвинула книгу, потом спохватилась, снова взяла.

— Да, ты прав, пойду свой альбомчик поищу, — Лина вынырнула в сумасшедший коридор. — Так, веди меня снова к Ледяному, — в ее голосе было столько решительности, что нужная дверь появилась строго напротив библиотеки. Лина положила книгу на место, еще раз расправила складки на плаще наемника и вышла.

* * *

Ским вернулся в дом мага незадолго до обеда.

— Ах, вот и вы, молодой кнест, — маг явно считал Ледяного своим почетным гостем. — Я как раз интересовался у ваших спутников, чего они желают к обеду. А чего пожелаете вы?

— Мне все равно, — Ским был чернее тучи. — Лина, ты готова уезжать?

Не ожидавшая такого вопроса чужемирка удивленно вскинула брови, но тут же кивнула.

Конечно, готова. В любой момент, хоть на край света!

— Позвольте, — маг встрепенулся, — куда вы собрались?

— Не важно, но надо уезжать из крупного города, — Ским развернулся и вышел из библиотеки.

— Хотя бы пообедайте! — крикнул вслед ему Амар Парт.

Ответа не было. Маг посмотрел на чужемирку и мальчика. Синт сидел с открытым ртом, ошарашенный и ничего не понимающий. А Лина, извиняясь, пожала плечами.

* * *

Обед начался в тишине. Ледяной нервничал, маг явно подбирал слова.

— Ваша Ясность, — решил он и тут же получил негодующий взгляд наемника. — И все же я настаиваю, — маг решил, что терять ему нечего, а значит можно идти ва-банк, — ваша Ясность, вы не можете просто взять и уехать!

— А кто мне запретит? — в голосе наемника явно слышался вызов.

— Совесть, я полагаю. И кровь. Что сказали бы вам отец и мать, зная, что вы прячетесь по горным деревушкам, как... преступник, — маг явно хотел использовать другое сравнение, но Ским как-то уж очень ловко перехватил в руке столовый нож.

— Моя жизнь — это мое дело. И мои отец и мать уже ничего никому не скажут!

— Ваша жизнь — это дело целого государства, — маг вскочил из-за стола и сам не заметил, как начал кричать. — Это дело сотен тысяч людей.

— А обо мне кто-то из этих тысяч подумал? — Ским тоже вскочил из-за стола. — Я всю жизнь просто хотел вернуться домой. И черт возьми, я даже этого не могу сделать! Я не могу даже по этому проклятому городу пройти спокойно!

— За вами слежка? — маг резко снизил тон и снова сел на свой стул. — Я видел магические следы.

— Да, похоже, из дома купца, хотя я не уверен.

— Ну что ж. Вы действительно вызываете интерес. Любой сильный маг понимает, кто перед ним.

— Почему? Почему сейчас? Раньше мне удавалось избегать внимания вашей братии, — Ским пренебрежительно махнул рукой.

— Вероятно, вы не сталкивались с действительно сильными. В вас чувствовали потенциал, но не понимали, что вы Источник. Вы же, — маг вопросительно посмотрел почему-то на Лину, — если я правильно понимаю, вы прятались по медвежьим углам. Где там сильные маги?

Ским молча отвел взгляд. Ничего объяснять ему не хотелось. Но, похоже, маг был прав. Он и у кнеста Деймура-то остался именно потому, что между битвами и выездами тот жил в непролазной глуши. В Мельхорме даже мага своего не было.

— Вам нужно всего лишь забрать ключ, — маг решительно гнул свою линию. — Я уверен, сейчас самое время.

— Я не могу просто пойти и забрать ключ, — Ским с вызовом посмотрел на мага. — Вы же в курсе, что они поставили охранное заклинание.

— Да, на склеп, — маг поморщился.

— Не на склеп, на всю землю. Я вообще не могу зайти в Герхолд! — Ледяной резко взмахнул рукой. — Вы знаете, кто такие Демоны крови?

— Ах, вот, значит, как? — маг обескураженно ахнул. Потом задумался, потер рукой подбородок. — Но есть же чистая душа, — он посмотрел на Лину.

— Нет! — тихо, но веско сказал Ским.

— Понимаю, — маг снова углубился в размышления, откинулся на спинку стула.

В гнетущей тишине было слышно тихое чавканье Синта. Лина сидела, оцепенев. Кусок не лез в горло. Она изо всех сил держалась, чтобы не разреветься. Ским тоже не ел. Он был зол, раздражен. Все это время он не обращал внимания ни на Лину, ни на Синта. И только сейчас посмотрел, наконец, на чужемирку. Та, бледная, сидела над тарелкой, сжав руки на коленях.

— Лина? — тихо позвал Ледяной.

Она подняла на него глаза. Испуганные и разочарованные одновременно. Губы дрожали, кажется, даже зубы стучали. Ским чуть нахмурился, Чужемирка не выдержала.

— Извините, — она вскочила из-за стола и пулей вылетела в коридор.

Ским тоже встал, но прежде чем выйти, вопросительно посмотрел на Синта. Тот перестал жевать.

— Так это она твою книгу сегодня нашла? — задумчиво, как ни в чем ни бывало, протянул мальчишка.

Наемник выругался, и, не извинившись, вышел из столовой.

* * *

Дверь сначала приотворилась, потом замерла, потом постучали.

— Лина?

Ским замер в дверях, ожидая разрешения войти. Она стояла посреди комнаты, обхватив себя руками. Так и не дождавшись ответа, он все же вошел. Прикрыл за собой дверь.

— Лина... — начал он и замолчал.

Чужемирка смотрела на него с яростью, отвращением и даже презрением.

— Ты хотел убить меня? — Ским молчал. — Просто зарезать, как того петуха? Да?

Наемник прикрыл глаза, облизнул пересохшие губы.

— Лина, пойми, тогда, на берегу...

— Я же та самая чистая душа? — она не хотела его слушать. — А ты всю жизнь просто мечтал вернуться домой! Как ловко у тебя все вышло!

— Лина, да послушай же!

— А знаешь, что? — Лина выпрямилась, задрала подбородок и шагнула навстречу Скиму. — А поехали! Ну, туда, куда ты собирался!

Ским непонимающе смотрел на нее.

— К чёрту этот ваш мерзкий мир! Не нужна мне такая жизнь! — она сделала еще шаг, оказавшись вплотную к нему, и произнесла почти шепотом, глядя прямо в глаза: — Хотел убить — убивай.

Ским скривился, будто ему стало больно, попятился к порогу и вышел, захлопнув дверь. Лина осела на пол, где стояла, и расплакалась.

* * *

Прошло много времени. За окном стемнело. Лина уже не плакала, она просто лежала, свернувшись калачиком, на полу и смотрела в одну точку. Москвичка перебирала в голове воспоминания, связанные с этим миром. Миром, в котором совершенно не ценили жизнь. Все сейчас казалось бессмысленным и напрасным.

Кто-то вошел в комнату, сел рядом с ней. Погладил ее по волосам.

— Он бы не смог, — Синт улегся на пол рядом с ней так, чтобы смотреть в глаза. — Он хотел, но он бы не смог. Еще в Реате, тогда у костра, я заметил, что рядом с тобой он меняется. Без тебя холодный и твердый. Словно камень. Или... — мальчишка помедлил, — или лед. А рядом с тобой теплый. Очень сильный, но очень теплый. Теплые не бывают злыми. Он бы не смог.

— А ты все знал, — Лина не спрашивала. Теперь она поняла, что мальчишка все понимал с самого начала. Иначе зачем бы он говорил, что ей незачем учиться читать. — С самого начала все знал.

— Да нет же! — Синт резко сел на полу. — Как я мог знать? Я попросту искал, за кем спрятаться. Навсей улице мастеров ты одна была теплая. Никто, кроме тебя, меня бы не

спрятал.

— Ну, конечно, тебе надо было спастись. Ты спасся.

Лиана тоже села на полу, но отвернулась от Синта. Лицо ее было бледным, голос безжизненным.

— Лиана! — мальчик толкнул ее кулаком в бок. — Не говори так, Лиана!

Он подполз к ней поближе, прижался носом к ее плечу:

— Лиана... Ты самая лучшая, — он потерся об ее руку лбом.

Молодая учительница не выдержала, обернулась и приобняла мальчика. Тот устроился у нее под мышкой и замер. Какое-то время они сидели в тишине. Но надолго Синта не хватило.

— Ну что ты елозишь! — она потрепала его по волосам. — Не сидится тебе на месте.

— Я волнуюсь, — Синт притворно вздохнул.

— Со мной все будет в порядке. — Лиана, кряхтя, начала подниматься. Ноги затекли, спина болела.

— С тобой-то да, — ученик мага вздохнул еще горше и замолчал.

— А с кем тогда? — Лиана уже понимала к чему он клонит, но все же ждала ответа.

— Ледяной неизвестно где, — Синт отвел глаза. — Как ушел днем, так и... А зол был, как... — мальчик взмахнул обеими руками, показывая что-то необъятное. — Мэтр даже попробовал снова дверь спрятать, но не тут-то было. Он дому в обход учителя скомандовал! Можешь себе представить? А еще отнекивался — не маг я, не Источник, — Синт передразнивал наемника, выпятив грудь, но Лиана его уже не слушала. Зажмурившись, она отвернулась, спрятала лицо в руках:

— Не хочу ничего слышать о нем. Он сможет за себя постоять!

— Лиана, — Синт перестал махать руками и заговорил почти шепотом, — ты же ему жизнь отдала. Ты что, не чувствуешь?

— Что я должна чувствовать? Что, кроме все высасывающей пустоты и боли я должна чувствовать?!

— Вот именно...

— Что ты хочешь сказать?

— Ты — его жизнь. Ты чувствуешь то же, что и он.

— Не говори глупостей! Вы же сами сказали, что я не из этого мира, мы с ним магически не связаны!

— Да не так, — Синт закричал. — Сказали, что это другая магия.

— Но... — Лиана покраснела.

— Ты думала, он про ваши шуры-муры? Ерунда какая! — Синт совершенно по-мальчишески скривился. — Ты ему жизнь отдала, ты принадлежишь ему. Хорошо ему, хорошо и тебе, — мальчишка потупил глаза. — Наоборот не работает. Только ты от него зависишь.

Лиана обескураженно села на край кровати:

— Ты хочешь сказать?..

— Что ему сейчас вот точно так, как тебе... — закончил за нее Синт. — С поправкой на расстояние.

— В смысле?

— Ну, — мальчик почесал в затылке, — скорее всего, он ушел далеко. Чем дальше, тем слабее связь.

— То есть?

— То есть, скорее всего, он сейчас испытывает все то же, что и ты, но намного сильнее.

Лина прислушалась к себе и ахнула:

— Получается, он сейчас жить не хочет. Совсем, — из ее глаз полились слезы.

— Похоже на то, — грустно произнес Синт.

— Ну и пусть, — Лина ударила по кровати сжатыми кулаками. — Даже если я умру вслед за ним, пусть!

— Умрешь, — Синт сник и шмыгнул носом. — Ты же ему жизнь отдала. Он умрет, и ты умрешь.

Мерзкие мурашки пробежали по спине у Лины. Но тут она вспомнила, что наемник говорил в Мельхорме на берегу реки. Никогда не пробовал убить себя.

— Он не убьет себя, не волнуйся, — она хотела придать своему голосу твердость и жестокость, но Синт только еще раз хлюпнул носом. — Тебе его жаль?

— Он меня на карусель отвел. Меня никто никогда на праздник не водил. Даже бабка, хотя она меня любила, — Синт помолчал. — И сюртук купил... Он защищал меня, — мальчик говорил еле слышно. Лина молчала. — И мир, опять-таки.

— Что мир?

— Мир без него рухнет.

Лина закатила глаза. Ну как же она не подумала. Ведь это маг подослал к ней Синта. Им, магам, нужен новый Источник.

— Не рухнет. В худшем случае станет похожим на мой.

Синт молча шмыгнул носом.

— Ладно, ладно... я все поняла. Я поговорю с ним, — Лина вытерла слезы и встала с кровати. — Где он?

— Да кто ж знает, — Синт сразу оживился. — Мэтр говорит, что еще в городе, но точнее сказать не может.

Лина укоризненно посмотрела на мальчишку и взяла с кресла плащ.

— Пошли искать?

— Только втроем, — в дверях стоял Амар Парт. Высокий, красивый, подтянутый мужчина в строгом сюртуке и черном плаще. Поймав взгляд Лины, он отвел глаза и сменил тон на извиняющийся: — Уже стемнело.

* * *

Маг искал его след, говорил, что его невозможно не заметить. Они бродили по городским окраинам, вслушиваясь в шум таверн и харчевен. Всмотривались в лица тех, кого задержали охранники, вслушивались в крики дерущихся.

— Нет. Так мы его не найдем, — Лина смотрела на окна шумного постоянного двора. — Он совершенно точно не здесь.

— Да, это мы уже поняли, — маг поморщился и поискал глазами другую цель.

— Нет, вы не поняли. Бессмысленно его искать в шумных местах.

— Лина права, — Синт, трущий глаза от недосыпа, кутался в сюртук и жался к чужемирке. — Он сейчас один. Там, где никто его не встретит. Он же грустит.

Лина шумно вздохнула. Ледяному плохо. Убийце, собиравшемуся пустить ее на корм

Демонам, плохо. И она ищет его, чтобы утешить. Почему-то злости уже не было. Она старалась. Очень старалась снова разозлиться, но чувствовала только боль и опустошение. И нежелание жить.

Маг подумал, поводит носом в воздухе, словно гончая, берущая след, подхватил Лину за руку и потянул куда-то к старой обители. Большой парк, разбитый вокруг старинного здания, был ограничен с северной стороны рекой с высокими берегами.

— Ну конечно же, он всегда любил смотреть на реку, — Лина опять вспомнила Мельхорм.

Странная троица продиралась сквозь запущенный сад. В какой-то момент маг остановился.

— Что такое?

Маг не выглядел испуганным, но дальше не шел.

— Он там. На берегу. Вы были правы.

— И почему вы стоите?

— Думаю, нам с мальчиком лучше пойти домой.

— Ах вот как?

— Наедине у вас больше шансов, — Амар Парт решительно развернулся и увел за собой сопротивляющегося Синта.

Лина фыркнула, и, демонстративно шумя, пошла к реке.

* * *

Блики луны плясали на темной, кажущейся маслянистой, глади. Тихое журчанье воды сопровождало этому нежному танцу света и увлекало за собой в ночную сказку. Ледяной сидел на земле, опершись спиной о ствол старого дерева, и смотрел вдаль. Он даже не обернулся, когда подошла Лина. Она молча села рядом. Обратила внимание на пару бутылей, валявшихся в траве. Еще одну он держал в руках. Оба молчали. Ледяной не выдержал первым:

— Зачем пришла? — несмотря на бутылки, голос звучал трезво.

— Маг волнуется за свой Источник, — тем же тоном ответила чужемирка.

— Че ж сам не подошел?

— Решил, что я справлюсь лучше.

Наемник усмехнулся и отпил из горла. Опять замолчали. Лина прислушивалась к своим ощущениям. Удивительно, но ей стало лучше. Внутри уже ничего не разрывало ее на части. Осталась только глухая горечь.

— Здесь красиво, — теперь разговор начала чужемирка.

— Ты всегда любила смотреть на воду.

— Ты тоже.

Ледяной фыркнул, помолчал, снова отпил своего пойла:

— Из нашей детской комнаты было видно реку. Всегда любил залезть на окно и смотреть. Вода даже зимой не замерзала. Только в очень сильные морозы замедлялась. Горная речка, как в Мельхорме.

— Там красиво?

— Где?

— У вас?

— Я там давно не был.

— Тебя вывезли? Те, кто встретил тебя в лесу? — Лина вспомнила их разговор в предместьях Реаты.

Ледяной зло засмеялся.

— Вывезли. Да, — он сделал большой глоток из бутылки и повторил глухим голосом: — Вывезли.

— Что произошло в ту ночь? — Лину насторожила злость и горечь в его словах.

— Убили мою семью, — ровным голосом ответил Ским.

— А потом?

— Потом? — он снова глотнул из бутылки и замолчал.

— Ты говорил, что встретил кого-то в лесу.

— Это было позже. Через трое суток.

Лина молча смотрела на него. Ждала. Он стал рассказывать.

— У нас были условленные места. У семьи. Места с тайниками. В которых держали запас еды, воды и денег. Нам с малолетства показывали их. В игре, конечно. Егерь забирал нас в лес, учил ориентирам, показывал схроны. Из потайного хода я ушел высоко в горы. Так меня учили. Если есть риск преследования, надо идти по воде и камню, — он снова отпил и замолчал.

— Ты ждал своих?

— Да. Очень надеялся, что отец или хотя бы кто-то из свиты придет. Скажет, что делать. Куда идти. Как дальше жить, — его голос сорвался, перешел почти в шепот.

— Никто не пришел?

— Нет. Я просидел, кажется, трое суток. Вода заканчивалась. Надо было спускаться к реке или в лес, к ручью. Я выбрал лес.

— И там встретил людей.

— Угу. Бродячие циркачи, — снова глоток и молчание.

— Они вывезли тебя?

— Они увидели мальчонку с кошельком и в дорогой одежде. Первым делом обобрали. У меня был с собой короткий меч. Серьезного вреда я им, конечно, нанести не мог, но позабавил знатно. Кажется, они даже думали сделать меня цирковым фехтовальщиком. Отвели к своему главному.

— А что он?

— А он сразу понял, кто я такой. Не дурак был. Не знаю, почему сразу не убил. Испугался, наверное. Одно дело, когда внука Величайшего убивает зять Величайшего. И другое дело, когда принца убивает простой циркач.

— Понял, кто ты, и пощадил?

— Угу.

— Оставил у себя?

— Нет, — глоток, молчание, еще один глоток. — Продал в рабство. Довез как раз до Берьяты, — Ледяной приподнял в торжественном тосте бутылку, усмехнулся, — и продал за море. Недорого взял, но поставил условие, чтобы я никогда больше не появлялся на этом берегу.

— Черт!

Лина выругалась, подвинулась ближе к наемнику, взяла бутылку из его рук и сделала большой глоток. Что-то огненное обожгло ее желудок, легкие да и вообще все внутренности. Она согнулась, закашлялась. Из глаз потекли слезы. Ским усмехнулся, забрал у нее бутылку, похлопал по спине. Она глубоко вдохнула.

— Это что, отличительная черта вашего мира? Всех, кто в сложную ситуацию попал, рабами делать?

— Да ладно. Жизнь как жизнь. Мне еще повезло. Могли бы мальчиком для утех сделать. Чистенький, светленький, — наемник презрительно сплюнул в сторону, — видно было, что не деревенский ребенок. Но им понравилось, как я оружию обучен. Оставили в воинах.

Лина уткнулась в его плечо. Слезы, то ли от слишком крепкого спиртного, то ли от услышанного, стояли в ее глазах. Ским подвинулся к ней ближе, приобнял. Все ее обиды в этот момент растаяли. Она залезла ему под мышку, уткнулась носом в грудь. А он зарылся в

ее волосы. Перебирал их пальцами, целовал пряди:

— Лина... Моя чужемирка, — шептал он. — Хорошая моя Лина. Прости меня. Я не знал, что все будет так.

— Да? Думал убьешь и все?

— Да... — он ответил так, как будто это было что-то само собой разумеющееся. — Я наемник, Лина. Я даже вспоминать не хочу, сколько человек от моего меча погибло. Большинство из них были полными скотами. Но... в какой-то момент совершенно перестаешь ценить жизнь. И свою, и чужую. Ребенка на алтарь не смог бы. А взрослого... — наемник презрительно фыркнул. — Но где ж его взять-то, взрослого с чистой душой? А тут ты подвернулась. Так удачно. Чужемирка, которая никогда никого не убивала, да еще и сама жить не хочет, — Ледяной замолчал и снова отпил из бутылки.

— А когда передумал? Или не передумал? — Лина отстранилась и с вызовом посмотрела на Скима.

— Сразу же в Реате и передумал. Когда посмотрел, как ты Синта защищаешь, — он допил свое пойло и отшвырнул пустую бутылку в кучу ей подобных. — Совершенно чужой тебе мальчишка, а ты из-за него под плеть подставляешься, со мной ругаться начала, чтобы я в седле его вез. Я вдруг понял, что ты первый человек на моем пути, который ценит жизнь. Жизнь саму по себе. Жизнь как факт, как что-то прекрасное, дарованное нам Богами.

— А разве это не само собой разумеется?

— Предыдущим человеком, который так считал, была моя мать. Больше мне таких не встречалось, — он вдруг встал на колени перед Линой и заговорил неожиданно страстно: — Понимаешь, меня всю жизнь окружала смерть. Мне говорили, что во мне самом живет смерть. И демоны меня разорви, бывали дни, когда я в это даже верил. А ты... Ты ценишь жизнь и борешься. Борешься за все живое, безо всякой выгоды для себя. Ну разве я мог...

Он замолчал, чуть отстранился, в темноте было плохо видно его лицо, но Лина чувствовала на себе его взгляд. Ждущий, надеющийся.

— Какой же ты дурак! — только и смогла сказать она и притянула его к себе.

Он сжимал ее в объятьях и целовал. Целовал волосы, глаза, щеки. Просто куда попадал, туда и прижимался губами.

— Лина, милая моя Лина. Не уходи от меня, пожалуйста, не оставляй меня, Лина.

— Как я могу от тебя уйти, — Лина со вздохом хохотнула, — я ж у тебя в рабстве.

— Глупая, — он нашел губами ее губы, впился, страстно. У Линой кружилась голова, сбивалось дыхание. Теплая волна, поднимавшаяся из низа живота, разлилась по всему телу, скрутилась в тугий жгут. Лина вспомнила слова Синта, чуть отстранилась.

— А ты сейчас чувствуешь то же самое? Да? — с каким-то даже вызовом спросила она.

— Они тебе рассказали, — Ским удовлетворено усмехнулся.

— То есть, обмануть меня не сможешь!

— Обмануть? Лина, что ты сейчас чувствуешь? — он снова придвинулся к ней вплотную.

— Жутко хочу тебя, — прошептала чужемирка.

— И что это значит? — он навалился на нее, прижимая своим телом к земле.

— Что ты жутко меня хочешь? — игриво ответила чужемирка.

— Правильно, моя хорошая, — его руки уже расстегивали лиф ее платья.

— Это платье долго снимать, — Лина ерзала, помогая ему растягивать шнуровку.

— Это же дорожное платье, — он уже запустил руки под лиф, его колено настойчиво

втиснулось между ее ног. — Его же можно и не снимать.

Лину как ушатом холодной воды обдало:

— Что?! — она резко вывернулась из-под Ледяного. — Каков знаток женской одежды!

— Лина, — ему явно не понравилось, то, что она вдруг оказалась не под ним.

— Нет, слушай, я понимаю, что я у тебя не первая. Ты у меня, кстати, тоже. Но можно же вот как-то... Не так!

Он замер, глядя на нее. Лина попробовала прислушаться к своим чувствам. Где-то в глубине еще жило возбуждение, но его уже накрывало недоумение и раздражение.

— Как не так?

— Ну, вот так. На земле, платья не снимая. Будто я придорожная девка, — Лина уперлась в землю пятками и отползла от наемника еще дальше.

Ским отвернулся, шумно выдохнул, выругался. Поднялся на ноги. Лина так и сидела перед ним, уперевшись руками в землю. Он протянул ей руку.

— Пойдем.

— Куда?

— Домой, конечно. К Парту. Он же тебя послал меня вернуть? — в его голосе звучала досада и плохо скрываемая злость.

Лина взяла его за руку, он поднял ее рывком, хмыкнул и пошел вперед к выходу из парка. Она, застегиваясь на ходу, побежала за ним. Не хватало еще отстать и заблудиться.

* * *

Ледяной яростно толкнул дверь. Она ударилась о стену и, кажется, весь коридор вздрогнул. Тут же появился Амар Парт. Ским молча прошел мимо, командуя коридору подать ему спальню. Парт открыл рот и даже набрал воздуха в легкие.

— Завтра! — наемник скрылся за дверью.

Маг сделал неопределенный пасс рукой.

— Ну, завтра так завтра.

Только тут он увидел стоящую в дверях Лину. Выглядела девушка не лучшим образом. Несколько часов рыданий, почти вся ночь без сна, вываленное в земле платье.

— О, дорогая моя, — Амар Парт развел руки в объятьях.

Лина одарила его презрительным взглядом и прошла мимо. Коридор дрожал у нее под ногами. Она остановилась, повернулась к магу.

— Я не умею так, как он. Пустите меня в спальню, пожалуйста.

Маг обескураженно вздохнул и плавно взмахнул рукой. Перед Линой появилась дверь. Чужемирка отворила ее и скрылась в комнате.

Амар Парт остался стоять в коридоре. В задумчивости он делал странные пассы руками, поворачивался то в одну, то в другую сторону. Дом, пытаясь угодить хозяину, вибрировал и переливался, но так и не смог угадать, что же магу было нужно.

* * *

Утро у Лины началось в обед. Или даже позже. Она еле разлепила глаза, соскребла себя с кровати, подумала, что с удовольствием бы сейчас влезла в свой старый махровый халат и переползла бы на диван к телевизору. Однако, если диваны и халаты в этом мире еще встречались, то телевизор точно не найти. Насупившись и накинув плащ поверх нижней рубахи, Лина поплелась в ванную. Намыливаясь, чужемирка раздумывала, не попросить ли ей еду в комнату. Видеть никого не хотелось, а живот предательски урчал.

Почистив платье и кое-как расчесав волосы, Лина поплелась в столовую. Та была ожидаемо пуста. Побродив по ней зачем-то из угла в угол, чужемирка вышла в коридор. Она знала, что в доме есть кабинет хозяина, библиотека и спальни. Лине ничего не было известно о наличии кухни. Ей всегда казалось, что Керт Парт всю еду попросту наколдовывает.

В полном смятении она вышла в коридор, и тот, проскользнув мимо нее трехмерной лентой, подсунул ей какую-то дверь. Недолго думая, Лина открыла ее и вошла. Это была библиотека. У окна, спиной к двери стоял Ским. Позади него с какой-то открытой книгой наперевес расхаживал маг. Он явно пытался в чем-то убедить Ледяного:

— Не обойтись, понимаете, кнест Левиан, без крови никак не обойтись! Нет другого способа обмануть Демонов. А никто, кроме вас, ключ в руки взять не сможет! Я не представляю другого способа! — маг с силой звонко захлопнул книгу. — Не склеп же

целиком выносить! — маг развернулся, отшвыривая бесполезную книгу, и увидел, наконец, Лину.

— Добрый день, — он слегка сменил тон, но ясно дал понять, что присутствие Лины неуместно.

— Добрый, — хотя кому она врет, никакой он не добрый. — Я искала чего-нибудь поесть... — Лина не могла оторвать взгляда от спины наемника. Он так и не обернулся. Она видела его широкие плечи, гордо поднятую голову, но не видела лица.

— Поесть... Кхм... — маг скривился — А вы разве не можете найти что-нибудь на кухне? Мы здесь... — Парт бросил многозначительный взгляд на молча стоявшего Ледяного, — разговариваем!

— Я бы и рада что-нибудь найти на кухне, — Лина сникла, ее было еле слышно, — но боюсь, не найду тут кухни.

Маг нахмурился, выпятил губы, собрался что-то сказать, но еще раз оглянулся на Скима и выпалил:

— Пойду позову мальчишку вам в помощь.

Он вышел из библиотеки. Сонная Лина хотела было последовать за ним, но ее так задело то, что Ским даже не обернулся. Что-то внутри нее вертелось волчком и подзуживало. Чужемирка подошла чуть ближе к окну:

— Добрый день, Ским.

Наемник еще шире развел плечи, еще выше поднял подбородок и только после этого обернулся. Лицо его не выражало никаких эмоций. Ни одного дрогнувшего мускула, никаких эмоций во взгляде. Ни симпатии, ни злости. Ни интереса, ни пренебрежения. Полнейшее равнодушие. Ледяное спокойствие.

Волчок, зудевший внутри Лины, завертелся с новой силой: он равнодушен к ней! После всего того, что между ними было. После всего того, что они вчера сказали друг другу. И сделали. Да не может быть!

— Добрый день, — Ледяной поздоровался с ней ровным, спокойным голосом.

Что-то внутри чужемирки перевернулось и ухнуло вниз, увлекая за собой остатки ее выдержки и разума. Мелкая дрожь, зародившаяся в районе желудка, выбиралась наружу и расползалась неприятными мурашками по рукам и по спине. Лина не понимала, что с ней, но ей хотелось кричать, выть, царапаться и драться. Она стиснула зубы и сделала несмелый шаг в сторону коридора. Наемник посмотрел на нее, чуть склонив голову, и снова отвернулся к окну.

Лина смотрела на его широкие, крепкие плечи. На белые волосы, распущенные по спине, на узкий торс, на... Противные мурашки уже уползли со спины куда-то в подреберье, заставляя ее мелко дрожать. Она смотрела на мужчину, которому отдала свою жизнь, и ей дико хотелось залепить ему пощечину и одновременно сжать его в объятьях. Нет, объятий хотелось все же больше. Прижать его к себе, просто до боли, засунуть себе под рубаху, под кожу, спрятать от всех опасностей этого мира. Да просто схватить и никогда не отпускать! Стоп, какая рубаха? Нет у нее никакой рубахи. Лина ошарашенно посмотрела на совершенно безразличного к ней наемника: «А ведь это его желание!»

Она обхватила себя руками, медленно подошла к Ледяному.

— Ским? — он снизошел до прямого взгляда в ее сторону, у нее же уже просто зуб на зуб от дрожи не попадал. — Ским, а вместе с этой вот эмоциональной связью способность себя контролировать не передается?

Наемник прищурился, скривился не то в оскале, не то в ухмылке:

— Мне кажется, ты отлично себя контролируешь, чужемирка.

— Ах вот как? Меня даже и по имени уже не надо называть?

Наемник шумно выдохнул и развернулся, собираясь выйти из библиотеки.

— Ты трус! — Лина и сама не знала, почему прокричала именно это, но подействовало безотказно. Ским Левиан буквально врос в то место, на котором его застал окрик. — Ты просто жалкий трус. Ты боишься признаться сам себе в своих чувствах. Боишься даже по имени меня назвать!

— Чего я боюсь, чужемирка? Коротка же у тебя память! — его глаза горели диким синим пламенем. — Я не боюсь, я не хочу!

— Вот так значит, да? Вчера хотел, а сегодня не хочешь?

Он одним рывком преодолел расстояние между ними, из груди его вырвался утробный рык:

— Можешь себе представить! Не всегда мила, милая!

— Значит, правильно я тебя вчера с себя скинула, раз вся твоя любовь на один вечер.

— А может, ты годишься не более, чем на один вечер?

Лина вспыхнула и отвесила ему пощечину со всего размаха.

— Крапиву мне в штаны! — раздалось откуда-то из коридора.

Лина со Скимом посмотрели на дверь. Там стояли ошарашенный Синт, и хмурый маг позади него.

— Я, кхм, не хотел вмешиваться, — маг совершенно точно предпочел бы стоять где-нибудь в другом месте, — но вы бы выбирали выражения. Тут же дети.

Лина посмотрела на стоящего с открытым ртом Синта и пулей вылетела в коридор. Слезы сами собой брызнули у нее из глаз. Ей было больно, стыдно, обидно. И сейчас хотелось одного — найти свою комнату.

* * *

Чужемирка сидела на полу, подобрала колени. Она залезла в щель между кроватью и окном, пытаясь спрятаться от мира и от самой себя, и входную дверь ей не было видно. Зато она отлично слышала, как та отворилась, и кто-то вошёл. Аккуратно поставили посуду на крохотный столик. Наверное, Синт — милый мальчишка, еды ей в комнату принёс.

— Синт, а я не могу от него никак уехать? — спросила она, не оборачиваясь. — На всю жизнь я, что ли, с ним связана?

— Не можешь, — слишком бархатный голос у Синта, Лина зажмурилась, а Ледяной сел около нее на пол. — На всю жизнь.

Лина отвернулась, спрятала опухший нос в сгибе локтя. Ей не хотелось, чтобы наемник видел ее такой. Да и самой его видеть не хотелось.

— Ты мне сказал еще не все на свете гадости?

Ским молчал.

— Оставь меня, пожалуйста, одну, — она так и не высунула нос из скрещенных на коленях рук. — Спасибо за еду.

— Прости меня.

Она ждала чего угодно, но не этого. От неожиданности обернулась к нему, забыв про

красные глаза.

— Что? — вдруг ей послышалось.

— Прости меня. Я не хотел... обидеть тебя, — последнее он буквально выдавил из себя.

Лина хмыкнула, снова закрыла лицо руками. Она чувствовала, как в ней поднимается боль, чувство вины, сожаления... И желание обладать. Нет, не физически...

— Ты никогда не вернёшь мне мою жизнь, да?

Ским помолчал:

— Я не могу. Эти клятвы рушит только смерть.

— Но ты же как-то сбежал от своих хозяев?

— Нет, не сбежал, — наемник помолчал, думая, рассказывать ли. — Они меня похоронили.

— Как? — Лина опять забыла про опухшее от слез лицо и обернулась к нему.

— Я был серьёзно ранен. Они решили, что я мертв, и произнесли заупокойную. Там есть фраза про прощение долгов и восхождение к богам со свободной душой. Мой хозяин это произнес и ушел с поля боя, оставив трупы на корм воронам.

— А ты? Как ты выбрался?

— Не помню. Точнее, помню, но не всё. Мне казалось, что меня вывели призраки. Я совершенно точно видел отца, потом была колдунья с черной кожей и волосами как шерсть овцы. Она лечила меня, но при этом считала проклятым. Она первая сказала, что смерть заменила мне жизнь, — Ледяной смотрел перед собой невидящим взглядом. — Я выжил, но меня стали бояться люди. Тогда и прозвище это появилось, — он горько усмехнулся. — Был рабом, был просто Северянином. А там, в землях, где и зимы-то не бывает, стал Ледяным, — он стиснул зубы и замолчал.

Лина ждала продолжения:

— Ты решил вернуться домой?

— Да. Меня боялись. Особенно, как ни странно, маги, — он снова замолчал, вспоминая. — Наверное, именно тогда стал просыпаться Источник, но я решил, что скорее мертв, чем жив, и единственное, чего хочу — снова оказаться там, где родился.

— Тебе просто хотелось туда, где ты когда-то был счастлив, — прошептала Лина.

Голос Ледяного прозвучал слишком беззаботно:

— Возможно. Хотя Парт считает, что это ключ зовет меня.

— Ключ, — Лина сникла, вспомнив, почему она здесь. — Что за ключ такой?

— Амулет, — Ским пожал плечами, будто говорил о чем-то обыденном. — С магическим камнем в центре. Мать носила его просто как подвеску. На шее.

— Ясно, — чужемирка вздохнула. — Значит, ты поедешь искать ключ?

— Мы.

— Что?

— Мы поедем.

Лина посмотрела ему в глаза, потом отвернулась.

— Я знаешь, о чем подумал. Я не могу отдать тебе твою жизнь. Но ты можешь взять мою, — он сказал это как-то преувеличенно бодро.

— Зачем мне твоя жизнь? — Лина аж всплеснула руками.

— Мы неразрывно связаны. А так мы хоть будем на равных, — Ским, казалось, сдерживает хитрую улыбку.

— И что еще?

— А еще мне жутко любопытно, что же ты чувствуешь, когда я рядом.

— Ским! — Лина старалась казаться возмущенной, но ей было скорее весело. Или не ей?

Ледяной пересел на пол напротив нее, протянул ей руку.

— Лина из другого мира, я отдаю тебе свою жизнь, клянусь быть всегда рядом, быть тебе опорой и защитой, жить тобою и быть жизнью твоей.

— Моя клятва звучала как-то проще...

— Лина... Бери, — его взгляд был ждущий и требовательный одновременно.

Чужемирка неуверенно протянула руку, медленно взяла его ладонь. Она почувствовала знакомое покалывание и тепло, разливающееся по всему телу, как тогда, на берегу реки. Поднялась на колени, подалась к Ледяному, взяла его ладонь второй рукой и прижала к своей груди.

— Ну? Удовлетворил любопытство? Чувствуешь?

Ским смотрел на нее, не отрываясь, закусив нижнюю губу. Вместо ответа он притянул ее к себе свободной рукой и поцеловал.

Это был совсем другой поцелуй. Не жадный и не властный. Ским Левиан ласкал ее губы своими, нежно дразня языком, гладил волосы, проводил шершавыми пальцами по щекам...

— Ским, — только и смогла выдохнуть Лина.

Он поймал ее лицо в ладони и прижался к ней щекой.

— Ты нужна мне, — прошептал он. — Больше жизни и больше смерти...

Лина фыркнула:

— Ну и признания у тебя!

Ским засмеялся. Он сейчас казался абсолютно счастливым.

— Кстати о смерти, — Лина обернулась посмотреть, что же там на столике. — Если честно, я просто умираю с голода.

— Там уже, наверное, остыло всё.

— Мне все равно, — Лина привстала и стащила кусок мяса с тарелки. — Я сутки не ела!

— Тем более, не порти аппетит перед ужином, — Ским легонько шлепнул ее по попе.

— Эй, чего дерешься, — возмутилась Лина с уже набитым ртом.

— Вот же! — наёмник усмехнулся. — Ты и правда жутко голодная.

— Сам хотел мои чувства чувствовать!

— Хотел, — он приподнялся, целуя ее в макушку. — Пойду потороплю Парта с ужином.

Выходи в столовую.

* * *

Лина привела себя в порядок, как могла, и вышла, дожевывая кусок ветчины с хлебом. Амар Парт вытаращился на нее, словно она явилась пред его светлые очи голой, перевел вопрошающий взор на безумно довольного собой Скимом.

— Простите, — Лина оглядела своё платье, вроде застегнуто, — я была очень голодна.

— М-да, — маг говорил скорее наемнику, чем ей. — Странный выбор королевы, — он помрачнел, но вовремя опомнился, натянул на себя улыбку и снова обернулся к Ледяному. — Поздравляю! Пойду поищу что-нибудь особенное к ужину. По такому-то случаю!

— Выбор кого? — Лина все еще не понимала, что произошло.

Ледяной был серьезен. Он смотрел, чуть прищурившись, вслед Парту и молчал. За него ответил Синт:

— А он тебе ничего не сказал? — мальчишка был удивлен не меньше мага, но, казалось, еле сдерживал радостный смех.

— Ты опять что-то важное утаил? — Лина не могла возмущаться всерьез, видя смеющегося мальчишку и довольного Ледяного. Она шутливо уперла руки в боки:

— Ским Левиан, ты когда-нибудь будешь говорить мне все?

— Зачем тебе все, Лина Левиан? — Ледяной хитро улыбнулся и подошел к ней вплотную.

— Как ты меня назвал? — хорошо, что мясо успела проглотить, а то подавилась бы.

— Это же древний свадебный обряд! — Синт открыто веселился. — Обмен жизнями. Сейчас, правда, так не женятся.

— Только короли, — Амар Парт вернулся с красивой бутылкой в руках. — Так до сих пор женятся короли.

Ским посмотрел Лине в глаза. Убрал за ухо выпавшую прядь. Улыбка сошла с его лица.

— Ты теперь моя жена, — тихо и абсолютно серьезно сообщил он. — И знаешь, я никогда, ни дня, ни секунды не относился к тебе, как к придорожной девке.

— Значит, ты теперь мой муж? — голос у чужемирки дрожал. Она пыталась осознать сделанное.

— Не нравится? — наемник явно забавлялся ее реакцией.

Лина молчала. Вглядывалась в его глаза.

— Я буду твоей женой, Ским Левиан, — слеза покатилась по ее щеке. — И все же о таких вещах надо говорить заранее!

— Хорошо, в следующий раз скажу, — шутливо пообещал он.

— Что значит «в следующий раз»?! — тут уж Лина возмутилась искренне.

А Ледяной попросту рассмеялся.

* * *

Лина сидела за ужином и думала о том, какая же она красивая! Такая теплая, живая, мягкая. Ее шоколадные кудри пахли цветами, безумно хотелось их целовать, чувствовать, как они щекочут нос. А если запустить руки в волосы, то пальцы тут же оплетали мягкие нежные колечки. Ее кожа... Ее нежная, молочная кожа. Гладкая, бархатистая. Если провести пальцами по щеке, опуститься по шее в маленькую ложбинку между ключиц, поцеловать ее... Безумно хотелось вжаться в нее, вдохнуть этот запах, почувствовать это тепло...

Чужемирка не выдержала и отложила ложку. Хорошо, хоть мясо в комнате съела...

Она несмело подняла глаза от тарелки. Ским о чем-то говорил с Партом и, казалось, даже не смотрел на нее. Лина усмехнулась. Сама невозмутимость! Поистине, королевская выдержка. Всегда такой. Сильный, спокойный, надежный... Волна нежности накрыла ее. Той самой нежности, которая родилась, когда он учил ее пользоваться световым амулетом, когда принес из таверны подарок Дарны, когда терпеливо учил верховой езде. Что-то теплое, безграничное, зародившееся в ее груди, выплеснулось наружу и затопило всю комнату.

Ским прервался на полуслове и посмотрел на нее. Чуть улыбнулся, одними уголками губ. Как умел только он. «Не отворачивайся, — думала Лина. — Дай утонуть в твоих голубых глазах. Потому что, если вдруг начать думать, то становится жутко страшно. А рядом с тобой — ничего не боюсь. Рядом с тобой — хоть на край света!»

Ским откинулся на спинку стула, положил ложку и, чуть прищурившись, посмотрел на нее. «Ну кот, вылитый кот! — усмехнулась про себя Лина. — Поймал свою мышку и сейчас будет с ней играть! — она присмотрелась: — Нет, я для него не мышка. Кажется, я для него тоже кошка, — ее губы сами собой расплылись в улыбке. — Ну что ж, можно и поиграть!»

Она и не заметила, как за столом повисла удивленная тишина. Ским оглянулся на мага:

— Вы знаете, у нас были напряженные пара дней. Наверное, мы уйдем отдыхать пораньше, — мало ли что он говорил, его взгляд, поедающий Лину, даже Синта не мог сейчас ввести в заблуждение — Продолжим разговор завтра.

Маг скривился, покосившись на Лину. Кажется, он злился, но чужемирке сейчас было на это совершенно плевать.

* * *

Лина всегда думала, что первая брачная ночь — это что-то вроде менуэта. Он подаст ей руку, она склонит голову, они примут заранее оговоренную позу...

Ским просто зашвырнул ее на кровать и запрыгнул сверху.

— О чем ты думала за столом, чужемирка моя? — его губы скользили по ее шее, его руки ловко расстегивали застёжки ее лифа.

Лина выгнулась, подставляя тело под поцелуи:

— О тебе, конечно, мой Ледяной!

Ским усмехнулся и накрыл ее рот страстным поцелуем. Все закружилось у Лины в голове. Сплелись их руки, тела, движения. Они вжимались друг в друга, вдыхали друг друга, впивались губами, пальцами, ногтями. Лина, в порыве страсти, царапала спину Скипа, кусала его плечи. Никогда прежде она не испытывала ничего подобного. Это был жар, разгорающийся в ней. Это было пламя, накрывающее ее. Все сливалось в одно, и не существовало ничего вокруг. Она путалась пальцами в его волосах, хватала ртом воздух. Еще чуть-чуть, еще мгновенье! И вот оно накрыло их с головой, Чужемирка кричала, выгибалась и не могла себя сдерживать. Она полоснула Скипа ногтями по спине, и сама же почувствовала эту боль, которая в момент наслаждение доставила скорее удовольствие. Лина прижалась к нему всем телом, а он попросту сгреб ее в охапку, подмял под себя и держал, не отпуская.

Страсть отступала постепенно. Медленной волной откатывалась, возвращая их в реальность. Он чуть приподнялся, тяжело дыша, посмотрел на нее. На его лице медленно расплзалась довольная улыбка. Лина и сама была на седьмом небе.

— А это всегда так будет? — наивно спросила она.

— Не знаю, — он рассмеялся. — Ты первая, с кем я жизнями поменялся.

— Надеюсь, что и последняя, — она притворно нахмурилась.

— А тут без вариантов, — он откинулся на подушку рядом с ней и прикрыл глаза. — Совершенно точно последняя.

Она приподнялась на локте и поцеловала его в плечо. На нем алели яркие полосы, оставленные ее ногтями. Лине стало стыдно.

— Ой, прости. Тебе не больно?

Ским удивленно посмотрел на свое плечо:

— Смеешься, что ли? — и сам действительно засмеялся.

Лина провела кончиками пальцев по этим полосам, спустилась на грудь. Наткнулась на тонкий и короткий шрам на ребрах. Веселье куда-то улетучилось. Вот пальцы спустились ниже и наткнулись на широкий шрам в правом боку, неровные, явно рваные края раны заросли, оставив грубый рубец. Чужемирку мелко затрясло. Здесь же, выше, почти у центра

груди еще одна тонкая полоса. Ком стал у нее в горле.

Ским перехватил ее руку. Сжал ее пальцы в своих:

— Прекрати, — прошептал он, — не надо.

— Ским, — в ее голосе слышались слезы, она не в силах была сказать что-то еще.

— Лина, сейчас я жив. И вполне здоров, — он повернулся на бок, лицом к ней.

Поцеловал ее глаза, губы. — Не надо.

Она вжалась в его шею, потерлась носом о плечо. А он гладил ее по волосам и целовал, целовал... Легкая, нежная, совсем другая волна желания снова поднималась в ней...

Если вам нравится то, что вы читаете, пожалуйста, подпишитесь на меня. Это очень влияет на рейтинг автора на портале. Спасибо.

Неожиданно солнечное утро запустило в комнату стайку ласковых и веселых бликов. Солнечные зайчики, совершенно не боясь разбудить Лину, скакали по стенам, по кровати, по ее лицу. Чужемирка сладко потянулась, зевнула, повернулась на бок. Скипа рядом не было. Молодая жена приподнялась на локте и, нахмурившись, посмотрела на постель рядом с собой.

Не успела она подумать о том, который час и где ее благоверный, как дверь распахнулась, и причина расстройств, голая по пояс, появилась в комнате. Ским на ходу вытирал волосы полотенцем и что-то напевал себе под нос. Лина широко улыбнулась. Такая домашняя, уютная картина! Она села на кровати и потянулась к своему новоиспеченному мужу с объятиями. Уговаривать Скипа не пришлось. Он плюхнулся рядом с ней, увлекая ее снова на подушки. Влажные волосы его пахли мятой и чем-то еще, едва уловимым. Лина целовала его еще мокрые плечи, вдыхала аромат его кожи, а наемник шурился от удовольствия, как сытый кот. В глазах его, сейчас совсем не холодных, плескалось майское небо. То самое, которое обещает не летний зной, а нежное тепло весеннего дня. Лина улыбнулась, взглядываясь в своего мужа, потянулась, поцеловала его в щеку, а тот потерся носом о ее висок, ловя губами мочку уха. Лина засмеялась от щекотки и шутливо оттолкнула Ледяного:

— Эй, полегче, а то из постели не выберемся. Я, между прочим, тоже в душ хочу.

Наемник довольно усмеялся, но отодвинулся:

— Иди, — он встал, нашел свою рубаху около кровати, натянул ее и завязывал ворот. — Завтрак мы проспали. Принести тебе взвар с хлебом?

— Да сама найду, — отмахнулась Лина, — Синта попрошу, если что, а ты куда-то собираешься?

— К лошадям хочу зайти, да на рынок бы надо. Купить в дорогу еды и теплой одежды.

Улыбка сошла с лица Лины:

— Пора уезжать, да?

— Не вечно же у мага жить, — Ским провел рукой по ее кудрявым волосам. — Иди в ванную, после поговорим.

Уже стоя в дверях Лина обернулась:

— Хочешь, я на рынок схожу? — Ледяной удивленно приподнял бровь. Лину это аж возмутило. — А что, я не куплю продуктов?

— Лина, это портовый город! Здесь каждый первый головорез. Ты хочешь одна сходить на рынок?

— Да ладно, не так уж все и страшно! Я Синта возьму.

Наемник фыркнул — то ли засмеялся, то ли поперхнулся.

— Если тебе так хочется, пошли вместе. Но одна за пределы дома — ни-ни! — он погрозил ей пальцем.

— Ох, какой строгий мне достался муж! — Лина покрутила попой в такт его пальцу, за что тут же по этой самой попе и получила шутливый шлепок.

— Давай быстрее, если хочешь в город! Я — к лошадям, — Ским ловко выудил из недр коридора дверь ванной, подтолкнул туда Лину, а сам направился на задний двор.

Лина быстро умылась, почистила платье, расчесала и заколола волосы. Немного подумала и приколола краль, которая понравилась Ледяному. Покрутилась у зеркала и, чрезвычайно довольная собой, вышла в столовую. Около окна, откинувшись в кресле, сидел хозяин дома с какой-то толстой книгой в руках.

— А, вы все же решили выйти.

Лина густо покраснела, но изобразила улыбку.

— Доброе утро, а не подскажете, где у вас кухня? Или где Синт? Я бы хотела, если можно, заварить себе взвара.

— Завтрак окончен, но можно попросить Синта помочь вам на кухне. Правда, он учится, — маг старался быть вежливым. Но чужемирка чувствовала, что он очень недоволен. Ею или ее новым положением.

— Ну ладно, на рынке что-нибудь куплю, — сказала Лина сама себе.

Книга тут же снова опустилась:

— На рынке? Вы идете на рынок? Зачем?

— Нам пора уезжать, — за спиной Лины возник Ледяной, — Хотел купить припасы в дорогу.

Маг смотрел мимо Лины. Губы его сжались, крылья носа затрепетали от едва сдерживаемой ярости. Мужчины молчали. Мерились взглядами. Победил Ским. Лина не смогла бы объяснить, что произошло, но маг резко, будто пристыженно, опустил глаза и встал с кресла:

— Возьмите с собой на рынок и мальчика. У меня есть для него поручение, а ему, наверное, будет приятно провести с вами последний день, — голос его был притворно сладким. — Я его позову, он на кухне. тренируется в зельеварении. Пойду скажу ему, что он свободен. Заодно и взвар вам согрею, — последнее он сказал, скосив глаза на Лину. Та кивнула в знак благодарности, но спряталась за спину наемника, когда маг проходил мимо.

— Не нравлюсь я ему, — прошептала она любимой спине.

— Наоборот, — глухим голосом ответил Ским, — очень нравишься.

— В смысле? — Лина даже забыла, что только что говорила шепотом, но Ским уже ушел в спальни.

— Я за плащами, бери Синта и догоняй, — бросил он ей на ходу.

Лина брела по волшебному коридору, пытаясь найти дверь в кухню и размышляя, не был ли великий Гауди выходцем из этого мира. Плавные линии, извивающееся пространство. Все, что давным-давно, в прошлой жизни, заставляло страдать ее вестибулярный аппарат в парке Гуэль, окружало ее и сейчас. Красиво, необычно, но больше всего хочется вырваться из этого обволакивающего самостоятельного коридора на твердую землю.

Лина сконцентрировалась, закрыла глаза и попыталась представить себе кухню. Поняла, что понятия не имеет, какая в этом доме кухня, и тогда подумала о Синте. Рыжеволосый, вихрастый мальчонка в конопушках. Этот образ согрел ее сердце, и она, сама того не замечая, широко улыбнулась.

— Чего такая довольная?

Лина открыла глаза: Синт стоял прямо перед ней с чашкой дымящегося взвара в руках:

— На, — мальчонка, казалось, был смущен.

Лина принялась, взвар необычно, хотя и вкусно пах:

— Чего ты сюда добавил, о великий зельевар? — настроение у Лины было хорошее.

— Да ничего особенного, — Синт уже шел впереди нее по коридору. — Обычный взвар, только с корнем топунника.

— Вкусный корень, — Лина вдохнула аромат взвара и уже собралась сделать глоток.

— Ага, и полезный.

— Полезный? Чем?

— Ну он это, — Синт опустил взгляд и почесал затылок, — чтобы детей не было.

Ах вот как! Лина не секунды не сомневалась, что это приказ мэтра. Не даром он все же взялся подогреть ей взвар. Какая предусмотрительность! Их впереди действительно ждали тяжелые времена. Грядет война, но помимо обычной войны будет еще и та, о которой сейчас немногие догадываются: война с нежитью. Ее любимого ждет война с демонами. И с правящим Величайшим. Или прозябание где-то на задворках цивилизации. Вдали от людей, магов и всего остального... Лина не могла не признать, что маг действует разумно: им сейчас не до ребенка. Не до этих милых пяточек и сладких щечек. Не стоит мечтать о голубых глазках, так похожих на папины, или о светлых волосиках, которые выются, как у мамы. Не надо, чтобы кто-то доверчиво хватался за ее руку, делая первый шаг, и с радостью встречал Скима, крича ему: «Папа!»

Ком встал у Лины в горле. Она посмотрела на взвар, вздохнула и поставила полную чашку на тумбочку в коридоре. Еще раз оглянулась на нее и, зажмурившись, выбежала на улицу.

* * *

День был солнечный. И хотя было значительно холоднее, чем в Реате, в воздухе чувствовалась весна. Щебетали мелкие пташки, орали на заборах кошки, весело перекрикивались люди на улицах. Общий шум и суэта легко увлекали за собой и уносили совсем в другой мир: мир просыпающихся красок жизни и долгожданного тепла.

Синт держал Лину за руку и вертел головой по сторонам: оба они видели городские улицы только дважды, в день приезда и в тот вечер, когда искали Ледяного. Оба раза было не до экскурсий, поэтому сейчас ученик мага проявлял совершенно понятное любопытство.

Лина же была увлечена своими мыслями: она зажала в руке ладошку Синта, подхватила под локоть Скима и брела между ними, ничего не замечая вокруг. В ее голове вертелись мысли о взваре. Надо бы поговорить об этом со Скимом, это же не может быть только ее решение. Лина нервничала, подбирала слова, думала о подходящем моменте и совершенно не заметила, что они уже свернули в торговые ряды.

— Лина, — чужемирка вздрогнула от неожиданности, — ты сейчас подойдешь к бакалейной лавке и начнешь увлеченно рассматривать все, что увидишь там на полках. Найди прилавок поинтереснее.

Лина чувствовала, что он злится и нервничает, хотя, судя по его лицу, он испытывал сейчас живейший интерес к походным флягам и объемным седельным сумкам.

— Что происходит?

— Не важно, — Лина постаралась не выдать ни одной посетившей ее эмоции, но Ским, конечно, все почувствовал. Скрипнул зубами и уточнил:

— За нами слежка.

Лина подняла на него испуганные глаза.

— Я просто поговорю с ними, — ни его взгляд, ни голос не обещали ничего хорошего. — Разглядывай полки, а я сделаю вид, что скучаю рядом. Ни на что не реагируй, не оборачивайся, не ищи меня, если потеряешь из виду. Ты пришла на рынок. Сейчас тебя интересуют только сыр и картошка. Поняла?

Лина собрала всю волю в кулак, сделала недовольное лицо и излишне громко ответила:

— Мало ли, что тебе скучно! Дай мне хоть цены рассмотреть! — чужемирка высокомерно отвернулась, а наемник скрыл довольную ухмылку и чуть отстал, разглядывая товары блуждающим взглядом.

Лина сжала ладошку Синта покрепче и пошла вдоль прилавков. Ским шел позади с изнывающим и скучающим видом. Ничего не происходило. Чужемирка почти успокоилась, даже всерьез стала прицениваться к местному аналогу макарон — тестовой крошке, которая легко превращалась в кашу. Незаменимая в дороге вещь! Котелок кипятка, пара полос бекона — и вполне приличный горячий ужин готов. Она как раз достала монеты, чтобы купить пару мешочков, когда поняла, что не видит Скипа. Зато услышала шорох за спиной и шум возни.

Чужемирка обернулась и увидела растерянного мужичка средних лет. Одет он был, как и многие здесь, в шаровары и длинную шерстяную накидку. Неприметное лицо его выражало крайнюю степень растерянности и изумления, сам он излишне напряженно выгибался. Точно у него за спиной стоял наемник, и, кажется, что-то говорил мужичку на ухо. Тот качал головой, морщился, но, в конце концов, видимо, выдал ответ, удовлетворивший Скипа. Ледяной оттолкнул его от себя и подошел к Лине.

— Уходим, — глухо прорычал он сквозь зубы.

Чужемирка думала было возразить, но посмотрела на его горящие злостью глаза, на играющие на скулах желваки и молча поставила пакеты назад на прилавок. Она подхватила Синта и засеменила за широко шагающим наемником.

— Синт, — Ледяной резко остановился на перекрестке, ведущем в квартал магов и обратился к мальчишке. Лина чуть не врезалась в его спину. — Вы сейчас возвращаетесь домой. И ты отвечаешь за то, чтобы маг ничем ее не напоил и не накормил. Понял?

Мальчонка резво кивнул. Довольный его реакцией наемник развернулся в сторону маяка:

— Значит, вы сейчас домой, и никуда не сворачивать. А я в гости схожу.

Ошарашенная чужемирка смотрела вслед своему мужу и не знала, что и думать. Синт дернул ее за руку:

— Пошли, он сказал домой идти.

— Синт, а что значит, чтобы маг меня ничем не накормил и не напоил?

Мальчонка опустил взгляд и шмыгнул носом:

— Ну это... Мэтр считает, что идея с жертвоприношением была очень хорошей. Они с Ледяным сильно ругались из-за тебя.

— Даже так? Амар Парт считает, что меня надо убить?

— Ну... Да, — выдавил мальчонка. — Но ты не волнуйся. Ты уже не просто чужемирка, ты жена Источника. Он не посмеет. Я думаю, Ледяной просто так мне сказал тебя охранять.

Лина сделала шаг вперед и остановилась как вкопанная.

— Жену Источника нельзя трогать? Да?

— Ну да, — Синт был удивлен, что она переспрашивает очевидное.

— Он женился на мне, чтобы маг меня не тронул, — это не был вопрос.

Синт открыл рот, покраснел, отвернулся, взял ее за руку и потащил вглубь квартала.
— Так, мне сказали тебя домой довести! — мальчишка был настроен очень серьезно.

В этот раз наемник даже не обратил внимание на мажордома. Просто распахнул дверь и прошел внутрь по уже знакомому маршруту. Где-то на лестнице к нему подскочили вооруженные молодчики, Ледяной успел выхватить кинжал, но тут же появился серый сюртук и отослал бойцов прочь одним движением бровей.

— Мы ждем вас, керт, — сюртук был немногословен и почтителен. Наемник даже подавил в себе желание дать ему по морде.

Его провели сразу в гостиную, в которой ему меньше недели назад предлагали взвара с чем-нибудь покрепче. Не дав опомниться, Скиму на шею бросилась хозяйка дома:

— Ах милый вы наш, я так рада, что с вами все в порядке!

Ледяной отстранил от себя купчиху, та ахнула, заломив руки.

— Мне было бы намного лучше без вашего назойливого внимания, — Ским скривился, глядя на главу гильдии, спрятавшегося за спиной у жены. — Как вы объясните слезку, кнест Гессман?

— Какая слезка! Милый вы наш, мы всего лишь выполняли просьбу вашего старого друга и командира, переданную сестрой моей дражайшей супруги, — он приобнял утирающую слезы жену. — Наш брат просил позаботиться о вашем благополучии. Защитить вас.

— Защитить меня? — Ледяной поднял руку, как бы замахаясь, но передумал и, скрипя зубами, сжал пальцы в кулак. Медленно, с хрустом, до белых костяшек.

Купец шумно сглотнул. Уж очень легко было представить эти пальцы на своей шее.

— Я не знаю, чего вы добивались, уважаемый кнест, но...

Купчиха снова не дала ему договорить:

— Ах, что вы! Ну как вы могли так о нас подумать?! Мы же только хотели....

— Не трудитесь, — спокойный, усталый голос раздался откуда-то из стены.

Ледяной резко обернулся, отступив на полшага, чтобы не выпускать из вида купца с женой и основную входную дверь. У потайной двери стоял Вейл, маг высшей категории, служивший у купца.

— Не трудитесь, — повторил маг подходя ближе. — Он уже все понял. Он знает.

Купец облегченно вздохнул и сел на кушетку. Его жена тут же перестала заламывать руки, лицо ее выровнялось, сама она приосанилась и очень по-деловому, будто прицениваясь, осматривала наемника.

— Маг, — Ским скривил губы. — Как я сразу не догадался, что дело в маге.

— На самом деле, думаю, догадались, — Вейл тяжело опустился на кушетку рядом со своим нанимателем. — Не так ли, Кнест Левиан?

Ским сморщился, как от укола... Отвернулся, но промолчал.

— Что, даже отрицать не будете? — кнесса удивилась.

— А смысл? — в голосе Скима слышались и безнадежность, и пренебрежение одновременно.

— Даже обидно, — проговорил Глава Гильдии. — Я столько сил потратил на то, чтобы

собрать по крупицам всю информацию о вас. Столько людей и средств задействовал.

— Жаль, что вы это сделали сейчас, а не пятнадцать лет назад.

— Пятнадцать лет назад меня тут не было, хотя не думаю, что мое присутствие что-то изменило бы, — купец устало поднялся с кушетки, медленно подошел к ним, взял жену под руку и склонил голову в церемониальном поклоне. Жена его, чуть запоздав, также присела в реверансе.

— Позвольте выразить вам свое почтение, Величайший, — купец был абсолютно серьезен.

— Не смейте меня так называть! — Ледяной почти кричал. — Сейчас я даже именем своим открыто называться не могу, не то что Величайшим!

— Пожалуй, именно это нам всем и надо исправить, — тихо, будто самому себе, проговорил Вейл.

— Это заговор?

— Да боги с вами, какой заговор! Это попытка выжить! — Ским непонимающе уставился на мага. — Как по-вашему, сколько мне лет?

Ским неопределенно пожал плечами:

— Около пятидесяти, вероятно.

— Мне чуть за двадцать, — маг задрал круглый нос. — Двадцать три, если быть точным.

Ским нахмурился и недоверчиво, но уже внимательно посмотрел на мага. Купец тем временем подошел к столику и налил себе что-то крепко пахнущее травами из темной бутылки. Отпил большой глоток, встрепенулся, обернулся к Скиму:

— Налить?

Тот отрицательно покачал головой.

— Ну да, — он отпил еще глоток. — Вы не любите пить по утрам. Только ночами. В парке.

Ским чуть склонил голову и угрожающе посмотрел на купца.

— Простите, я понимаю, что веду себя неподобающе, но не каждый день решаешься на такое.

— На что вы решаетесь? Я ничего у вас не прошу. Оставьте меня в покое и все, — Ским был искренне возмущен.

— Оставить в покое? — купец вытер лысину ладонью и снова сел на кушетку. — Оставить в покое... Вы знаете, у меня за прошлый месяц пропало два каравана! И еще на один было совершено нападение. То нападение, которое отбили, это были разбойники... Бродяги, сбившиеся в кучу. А вот о тех, которых не отбили, и рассказать некому, — глава гильдии растерянно развел руками. — Никого в живых. Товар, правда почти не тронут. Так... Что-то разбросано, что-то испорчено. А людей, — он поднял брови и оттопырил нижнюю губу, — нет. Совсем.

— И при чем тут я? — Ским знал, что ему ответят, но все еще не хотел признавать очевидное.

— При том, что вы — Источник, — проговорил Вейл. Он медленно поднялся и несмело подошел к наемнику, протянул руку: — Позвольте?

Ским обреченно вздохнул и протянул магу руку в ответ. Тот ухватился за Скима, глаза его заблестели, на губах заиграла улыбка... Маг по-прежнему остался толстяком с доброй улыбкой, но выглядел уже не на пятьдесят, а чуть старше тридцати...

— Вы же понимаете? Вы сами все понимаете, — Вейл уже не спрашивал. — У нас нет другого выбора. Или сгорать, или уезжать к другому Источнику.

— Если маги еще могут уехать к другому Источнику, то мы, простые люди, никому там не нужны, — заметил купец. — Везде своих торгашей хватает. Здесь меня ждет разорение, моих людей — смерть. А за морем... Там нас не ждет ничего.

— Да вы боец, в конце концов, или кто? — по-женски возмутилась кнесса Гессман. — Сестра писала, что вы лучший из воинов ее мужа. Как можно быть лучшим из воинов и таким трусом!

— Что вы... — Ским не договорил, сцепил зубы.

— Что «что»? Что я себе позволяю? А вот позволяю! — она выпятила подбородок, щеки ее покраснелись. — Мы тут все ночью к городским стенам подойти боимся. Караваны идут с тройной охраной, маги умирают в тридцать лет! Наш мир летит к демонам в пасть, и это все вы позволяете! Своим бездействием! Своей трусостью.

Наемник опять рыкнул в ее сторону, но купчихе было все равно. Она уже почти кричала, в глазах ее стояли слезы. Муж подошел к ней и приобнял, успокаивая. А Ским смотрел на нее с недоумением.

— Ну вы же понимаете, — проговорил Вейл тихо. — Да, мы совершенно точно погибнем, если заговор раскроют. Но мы умрем, наверное, раньше, если не попытаемся этот заговор создать.

Ским зажмурился, запустил руку в волосы. В два шага подошел к столику со спиртным, взял стакан купца, осушил одним махом, вдохнул, прижав рукав к носу. Резко обернулся.

— Демоны с вами! Какой у вас план?

— Ну уж нет, — купец возвращался к своей привычной роли дельца и организатора. — Демоны, если позволите, с вами! А план у нас действительно есть.

Лина слонялась по дому словно тень. Сначала она хотела развернуться и уйти, куда глаза глядят. Потом, справедливо рассудив, что в этом мире далеко она не уйдет, твердо решила объявить Ледяному о своей готовности взойти на алтарь. Чего уж зря умирать. А так хоть с пользой. Она была уверена, что или Парт, или он найдет какой-то способ ради Богов или Демонов разорвать их связь. Потом она все чаще смотрела в окно и уже совсем о себе не думала, а лишь переживала: куда он сбежал? Что с ним происходит? Цел ли? Когда вернется?

Измученная своими же мыслями, она в конце концов так и уснула: в кресле лицом к окну.

Наемник вернулся глубоко за полночь. Разозленный и раздраженный тем, что он опять сам себе не хозяин, скинул обувь и плюхнулся на кровать. Его не отпускало ощущение, что он снова стал куклой, рабом, игрушкой, разменной монетой. Всем этим магам и купцам совершенно точно плевать на его личные представления о счастье. Им нужно счастье всеобщее! А о том, что ему, Скиму Левиану, совершенно не хочется развязывать войну, сражаться с Величайшим, в пасть к Демонам лезть, об этом они не думают. Ему, может, просто хочется хорошего коня под седлом, красивую женщину рядом и мир, полный лесов и бурлящих рек вокруг. Хороший конь и красивая женщина у него есть.

Стоп. Женщина!

Немного с опозданием Ским заметил, что в постели Лины нет. Впервые за вечер он попытался нащупать ее эмоции и почувствовал тоску, отчаяние и волнение. Причем все это было будто бы приглушено толщей воды. Где она, демоны ее побери? Нет. Демонов не надо. Ским подскочил и пошел искать Синта. В конце концов, он же поручил ему довести ее домой!

Уже выскочив в коридор, Ледяной понял, что в доме тишина — все спят. Остановился, подумал. Настроился на Лину. Коридор выгнулся волной и подтолкнул его в гостиную. Там он и нашел свою жену, спящую в кресле. Посмотрел на нее, вздохнул, подхватил на руки и понес в спальню. Лина что-то невнятно промычала, завертелась и проснулась.

— Ты? — она попыталась вывернуться из его рук. — Это ты?

Облегчение смешивалось с возмущением, накрывало ее волной, поступало комом к горлу, подкатывало жаром к щекам.

— Где ты был?

Ответа Лина не дождалась. Ским занес ее в спальню, закрыл ногой дверь и поставил свою извивающуюся ношу на пол.

Чужемирка встала напротив него, намеренная высказать все, что передумала, сидя у окна и всматриваясь в каждого проходящего мимо мужчину.

— Я... Я... — Лина искренне собиралась на него наорать, поругаться, но... Вот он, ее Ским, стоит напротив, целый и невредимый, пришел домой. Все в порядке. Чужемирка не смогла сдержать эмоций и тихонько завывала: — Я так волновалась.

Ским вздохнул, раскрыл объятия, Лина не заставила себя долго ждать, обхватила его

подмышками, уткнулась носом в грудь и разревелась. Ледяной морщился и неловко гладил ее по волосам:

— Ну... Ну что ты...

— Ты ушел такой злой! Еще этот мужик на рынке! Я не знала, что и думать! Тебя целый день не было! — речь Лины была трудно различима, но сейчас это и не требовалось.

Ским вздохнул, подумал, что вообще-то собирался спать, но терпеливо ждал, пока она выговорится. Всклипы затихли, плечи ее перестали подрагивать, Ским чуть отстранил чужемирку:

— Ну что, жена, пошли спать? — наемник старался быть ласковым и очень удивился, когда Лина отступила на шаг и нахохлилась, словно дикий зверек.

— Я... Я хотела сказать... Я очень благодарна тебе, что ты женился на мне. Ты защитил меня от мага. Но... нам ведь не обязательно спать вместе.

Ским потряс головой, сгоняя наваждение:

— Нам не обязательно что? Ты сейчас о чем?

— Ты совершил благородный поступок. Статус твоей жены охраняет меня...

Ским не дослушал.

— Охраняет? Ты сейчас серьезно? По-твоему, быть моей женой — это честь и удача? — Ледяной зло рассмеялся, отошел от Лины и принялся стягивать с себя рубаху. — Ну раз удача, давай, быстро в койку.

Лина опешила. Такого поворота разговора она не ожидала и не знала, что ответить.

— Ты же женился на мне, чтобы защитить от мага? — в ее голосе уже звучало сомнение.

— Если б я тебя не притащил сюда, не надо было бы и защищать. Об этом ты не думала? Быть рядом со мной — так себе честь. Если тебя не принесут в жертву на алтаре, то совершенно точно попробуют убить ассасины Величайшего. Можно, конечно, уехать куда-нибудь глубоко в лес или в горы. Но даже если я смогу защитить дом от бродяг и разбойников, то рано или поздно какая-нибудь нечисть все же нас одолеет.

Ским говорил о чем-то очень болезненном для себя. Сдавленный голос его дрожал. Он прекрасно понимал, что как бы он ни хотел остаться в стороне, им не спрятаться, не скрыться. Придется подчиниться судьбе и лезть в самое пекло.

— Конечно же, честь, — голос чужемирки звучал обескураженно. — Ты защищаешь меня. Здесь от мага. В Мельхорме от Урмы...

— Лина, — Ским уже явно злился, — ты что, дура? Если б я тебя обманом не вывез из Мельхорма, то сейчас тебя бы уже отправили в храм, скорей всего. Бродила бы среди цветочков, учила бы имена богов...

— Да к черту ваших богов, — Лина начала всхлипывать. — К черту ваши храмы и цветочки, — она уже кричала, забыв, что весь дом спит. — Ненавижу ваш мир! Тебя ненавижу, — чужемирка топала ногами. — Чтоб ты провалился вместе со своими демонами! — в Ледяного полетело маленькое зеркало, стоявшее на тумбочке. — Магами! — вслед за зеркалом отправилась подушка с кровати. — Купцами и кнестами! — Лина швыряла в него его же сапоги.

— Утихомирься, женщина! — наемник подскочил к жене со спины и обхватил ее руками.

— Отпусти! — Лина колотила его пятками. — Отпусти, кому сказала!

— Что в тебя вселилось? — Ледяной швырнул ее на кровать.

— Ты в меня вселился! — чужемирка стояла на коленях и кричала сквозь слезы. — Ненавижу!

— Да иди ты ... — Ледяной подобрал сапоги, разбросанные по комнате, подхватил сюртук и вышел, хлопнув дверью.

Лину окатило волной горечи, сожаления, обиды:

— Нет! — крикнула она в уже закрытую дверь. — Не уходи!

Чужемирка согнулась в рыданиях, и как молитву повторяла тихое «не уходи», а Ским стоял в коридоре, прижавшись спиной к двери, и слушал...

* * *

Ночь сгущалась над Рузгардом. Города затихали и погружались в сон. Крепко спал Мельхорм. Сонная стража бродила по тихой Реате. Призывно светились огни ночных таверн в портовой Берьяте. И лишь столица Рузгарда, Элатра, никогда не спала.

Стоящий на пересечении трех торговых путей город был призван поражать каждого гостя красотой и величием. Ни у кого не возникло бы ни единого сомнения, что даже окраины здесь утопают в роскоши. Что даже бедняк ест на завтрак плоды чудесных деревьев, растущих вдоль улиц, что столь же прекрасна жизнь и намерения обитателей его, как и внешний облик улиц, парков, домов, замков...

Подсвеченный магическими огнями город был так же хорош и ночью. Вечерняя публика, разодетая в шелка и перья, стекалась к театрам, бальным залам. Люд попроще проводил вечера в тавернах и концерториях. Находились и такие, кто под строгим взглядом стражей попросту бродил по улицам, распевая пошлые песенки, или обнимаясь с только что обретенной подругой.

И лишь в самом сердце города было тихо. Центральный дворец, обитель Величайшего, молчаливо возвышался над городом. Как страж, как соглядатай, как строгий, но добрый родитель. Он был будто соткан из тончайших нитей голубого мрамора. Изящные стены, возведенные не без помощи волшебства, витиеватым рисунком поднимались ввысь. И, плотные у основания, рассыпались тонким кружевом в небесах. Не одно поколение путешественников, волшебников да и самих жителей замирало в восхищении около этих стен.

Где-то там внутри, в торжественной зале со сводчатым потолком и стрельчатыми окнами, правитель принимал своих подданных. Где-то там внутри, в светлой уютной комнате засыпали наследники Величайшего. Где-то там, в кружевной беседке у фонтана проводила свои редкие свободные минуты дочь покойного правителя, супруга правителя нынешнего.

А еще где-то там внутри была маленькая темная комнатуха. В ней не было окон. Только несколько шкафов с бумагами, массивный стол с удобным креслом да несколько жестких стульев перед ним. Мало кто в эту комнату входил. Еще меньше людей из нее выходило. Но сейчас, за тем самым большим столом сидел мужчина. Одет он был в мягкие домашние брюки и тонкую рубаху, поверх которых был накинут изящный, расшитый золотыми нитями халат. Мужчину явно подняли из постели, но он, казалось, уже и забыл о сне. Прямые темные брови его были сведены в одну линию, через лоб пролегла глубокая вертикальная складка, глаза горели яростным огнем, губы сжались в тонкую неприятную

линию. Он сидел за столом, заваленным донесениями о взяточниках, казнокрадах, о возможных и мнимых заговорах, о появившихся то тут, то там вампирах, зомби, оборотнях. Донесения были разделены на две стопки. Те, информация в которых не вызывала сомнений, и те, которые были больше похожи на сказки, призванные замаскировать обычный разбой. Стопки были почти равны и занимали большую часть стола. Но они сейчас не интересовали хозяина кабинета. Он крутил в руках маленький кусочек бумаги. Взгляд его темных, обжигающих глаз был устремлен куда-то вдаль. Возможно, в глубину прожитых лет. Пальцы методично крутили по часовой стрелке бумажный прямоугольник, то и дело ударяя его о стол, но как ни поверни, значение донесения не менялось. На бумажке было написано одно единственное слово: Источник.

Глава 5 ***

Лина проснулась на краю кровати, заботливо укутанная одеялом. Она не помнила, как попала в постель, видимо, так и уснула в своей истерике. Ским, укрывшийся сюртуком, лежал на противоположной стороне кровати. Чужемирка не шевелилась и молча рассматривала своего мужа, своего хозяина и своего раба. Видимо, от ее взгляда он и проснулся. Моргнул несколько раз, потер лицо, внимательно посмотрел на жену.

— С добрым утром, — прошептала та.

Ским усмехнулся:

— Оно точно доброе? Утро?

Лина опустила взгляд:

— Прости мне ту истерику... Не знаю, что на меня нашло...

Ским хмыкнул, протянул руку и провел ладонью по Лининым кучеряшкам.

— Твоя обида и раздражение наложились на мою злость, вот и — он немного грустно улыбнулся. — Нам обоим нужно учиться контролировать свои эмоции.

— А почему ты вчера злился? Где ты был целый день? — Лина подползла ближе и устроилась у него подмышкой. Ским тяжело вздохнул, обнял жену.

— Помнишь мельхормскую кнессу Деймур?

— Я ее не видела ни разу, — Лина уперлась подбородком в его грудь. Внимательно слушала.

— А, ну да... Та еще столичная штучка, — наемнику явно не нравилось все столичное.

— Столичная? — встретить в мельхорме кого-то из столицы было почти праздником.

— Ага, говорят мамаша ее рыдала, когда отправляла замуж в Мельхорм. Но вроде как у них с кнестом большая любовь приключилась. Взаимная, — наемник поморщился.

— Что, правда? — Лина усмехнулась.

— Да, похоже на то, — Ским подумал с минуту. — По крайней мере, кнест по бабам после женитьбы не ездил. Да и она выглядела довольной по утрам.

— Пошляк, — чужемирка толкнула мужа в бок.

— Чего это?

— Ладно, бог с ними, не у нее же ты вчера пропадал.

— Нет, у ее сестры, — Ским говорил так, как говорят о вещах мерзких, даже противных.

— Сестры? — Лина шутливо возмутилась.

— Ага, их восемь, что ли, сестер. И маменька их по всему Рузгарду выгодно замуж поывдавала. Тутошняя замужем за Главой Купеческой Гильдии.

— Да ладно!

— Ну а что? Столичная красавица, хорошее приданое...

— Ну если так, — протянула Лина. — И что ты у нее делал?

— Кнесса Деймур написала кнессе Гессман письмо. И слезно просила передать его именно в руки, — наемник сделал паузу. — Нам даже в Берьяту-то не надо было... Но Синта пристроить хотелось, и письмо это дурацкое!

— А что в письме? — почему-то Лина не секунды не сомневалась, что Ским знал его содержание.

— А в письме эта коза просила следить за мной! Подозрительным я ей показался! —

Ским выругался сквозь зубы.

— Это их соглядатай был на рынке?

— Их...

— И что они выследили?

— Все, что хотели... — наемник помолчал. — У купца здоровенная сеть шпионов, доносчиков, соглядатаев... Она навел справки, собрал информацию, еще маг его... сволочь, высшей Гильдии.

— Маг? — Лина ахнула. — Они все знают?

— Да, — ответил Ским после паузы. — Он быстро меня просчитал...

— И что теперь? Шантажирует?

— Хуже! Он предложил мне помощь!

Лина обеспокоенно села на кровати:

— Как помощь? С чем?

— С тем, чтобы обрести ключ и стать во главе страны.

— Но это же... — Лина перешла на шепот, — государственный переворот?

Ским молча кивнул. Выражение лица у него было скорбное, мысль ему явно не нравилась.

— Я не понимаю, — Лина обхватила голову руками. — Почему нельзя разделить эти вещи? Ну Источник и Источник, почему нужно именно смещать Величайшего?

— Ты не представляешь, какая это власть. Сейчас от меня могут питаться только те маги, которые касаются меня физически. Если на мне ключ, то любой маг, принесший присягу ключу, в любой момент может обратиться к Источнику. Но это двусторонняя связь. Я, по сути, могу управлять любым магом, питающимся от меня через ключ.

Лина молчала. Она выглядела ошарашенной и даже растерянной.

— Ским... — окликнула она, и наемник повернулся и посмотрел ей в глаза, — Ским, что бы ни случилось, что бы ты не решил, я обещаю, я буду рядом столько, сколько буду нужна тебе. И обязательно научусь контролировать свои эмоции.

Ледяной улыбнулся и снова запустил пальцы в Линыны волосы:

— Чужемирка моя, — голос его был теплый и довольный. Он приподнялся на локте, провел уже привычным жестом пальцами по ее лицу. — Вот поэтому я на тебе и женился, — Ским сгреб Лину в охапку, прижал к себе: — Моя верная спутница, — и навалился сверху.

— Эй, разве со спутницами так поступают? — Лина шутливо возмутилась.

— Со спутницами нет, а с женами — да, — Ским уже распусти ей лиф и запустил туда руку.

— Дай хоть платье сниму!

— Я же тебе уже говорил, — наемник по-хозяйски раздвинул складки материи у нее между ног и прижал ладонь к нежным складкам ее плоти. — Это дорожное платье, его не обязательно снимать.

— Я ж говорю — пошляк, — Лина засмеялась.

Ским расстегнул пряжку на своем ремне, закинул Линыны ноги на свою спину.

— Стой, Ским, — Лина чуть выгнулась, отстраняясь, — я хотела спросит насчет...

— А позже нельзя?

— Ским!

Наемник вздохнул, приподнялся на локтях и посмотрел на жену:

— Ну, говори.

— От этого случаются дети.

— Демоны, — Ским нахмурился и отстранился, — я действительно забыл. Обычно женщины носят амулет. Не мужская это забота.

— Не мужская? — Лина опешила от такой прямолинейности.

— Носит-то ребенка женщина, — Ским пожал плечами. — Значит и решать, быть ему или нет — женщине. Но ты-то чужемирка. Прости. Забыл.

Он опустил лицо ей на грудь, потерял носом. Уже не ласкал, просто думал.

— Ладно, — он откатился в сторону. — Все равно нам надо идти за провизией, купим и амулет.

— Мне маг отвар предлагал... Вчера утром, — Ским выжидательно на нее посмотрел. Лина покраснела и призналась: — Я не выпила.

— Не выпила?

Лина отрицательно помотала головой. Наемник улыбнулся: — Значит, будь что будет.

— Наверно, — Лина смущалась до заикания, — сейчас совсем не время для детей.

— Чужемирка, — Ским сел на кровати, и несмотря на совершенно растрепанный вид, выглядел очень торжественно, — я обещаю тебе, что наши дети родятся в нашем собственном доме. И будут с гордостью носить свое имя.

Лина потом часто вспоминала это его обещание. Уже в пути, когда они неспешной рысью ехали позади магов.

Продолжать путь им пришлось уже вместе. Лина никогда не забудет этот оживленный спор:

— Ну как же вы не видите! — кричал Вейл, размахивая вокруг нее руками, будто она старинная китайская ваза. — Она же его нить!

— Не несите ерунды, Вейл! — Парт был раздосадован и зол. — Вы путаете нить и связь. Они женаты по старинному обычаю, их жизни переплетены.

— Да нет же, мой дорогой, — моложавый курносый маг, больше похожий на продавца бакалейной лавки, с блеском в глазах бегал вокруг Лины, заходил со стороны Скима, так, чтобы видеть их вместе, потом вставал между ними, чтобы видеть только одну ее. — Нет же! Врачеватель во мне совершенно четко видит, что она нить его пути! — и восторженным шепотом уже Лине: — Это такая редкость, моя дорогая! Вы могли бы вытаскивать людей с того света, обучи вас в храме врачеванию. Но вы вся и целиком достались только вашему наемнику!

Было не очень понятно, что конкретно приводило его в восторг, но вел он себя, будто ребенок под новогодней елкой. Или как коллекционер, встретивший редкую бабочку.

Скиму не нравилось такое внимание к его жене, он совершенно по-детски и неосознанно старался прикрыть ее от магов плечом. Синт — несмотря на протесты Парта, он все же пошел с ними в дом Гессманов и сидел на диване, придвинув поближе поднос с пирожными, — проговорил с набитым ртом:

— А я еще в Реате говорил, что это без нее он Ледяной, а рядом с ней никакой не ледяной, а даже наоборот. Живой и теплый.

Парт цыкнул на мальчишку, позволившего себе влезть в разговор взрослых, но Вейл ухватился за его слова, как за спасительный круг:

— Ну конечно, мой маленький коллега, вы же тоже травник. Вы тоже врачеватель! И вы единственный из нас видели их еще не связанными клятвой.

— Ошибаетесь! — Парт стоял на своем. — Они поженились уже в моем доме!

— Но связь-то их образовалась раньше, — отмахнулся Вейл. — Да и, простите, что напомню, но в каком состоянии вы были первые дни? Вы элементарно оживали, разве вам было до таких нюансов?

Парт обиженно засопел, но промолчал. Похоже, аргументы Вейла его убедили, а курносый толстяк накинута на Скима:

— Признайтесь, мой дорогой, что-то в вашей жизни было. Или кто-то странный обряд проводил, или болели ребенком тяжело... Может, ранение страшное?

— Ранение, — Скиму не нравилось такое внимание к его персоне. — Было.

— Призраков? — Вейл аж подпрыгнул, глаза его загорелись, — призраков видели?

Ским поджал губы и коротко кивнул. Маг хлопнул себя ладонями по бокам и подпрыгнул, как спорщик, выигравший на ставках:

— Ну вот, — подскочил он к Парту, — вот!

— Я не знал таких подробностей.

Парт немного обиженно взглянул на Скима. Тот высокомерно повел бровью. С чего бы Парту знать подробности его жизни? Что он о себе возомнил? Маг что-то прорычал, откашлялся и подошел ближе к Вейлу, разглядывая Скима с Линой взглядом естествоиспытателя.

— Ну ладно, — примирительно проворчал он, — похоже, вы правы. Ну что ж. Предлагаете отправить его в путь, используя ее как нить?

Вейл радостно закивал головой.

— Шансы есть, — потирая подбородок, проговорил Парт. — Можно попробовать.

— Попробовать что? — Ским, кажется, уже злился. — Можно подробнее? Для непосвященных?

— Нам все же придется повести вашу супругу на алтарь, — взмахнул рукой Парт.

— Только через мой труп! — Ским сделал полшага вперед, опустил подбородок, но магов это не испугало.

— Да! Да! — Вейл радостно захлопал в ладоши. — Именно! Через ваш труп!

* * *

Идея магов была проста. Точнее, звучала просто. Демоны — существа потустороннего мира. Если отказались от идеи с ними договориться, то надо их убить. Это тут, в мире живых они бесплотны. В мире потустороннем они вполне себе материальны. Сильны, конечно, как Демоны. Но у такого опытного бойца, как Ским, есть все шансы. Ему надо только чуть-чуть умереть. Ритуальная смерть на алтаре. Ничего страшного. Тем более, он там уже был. А Лина будет его держать и указывать путь. Она же его жизнь, его связующая нить. Она выведет его из мира мертвых в мир живых, и все, особенно маги, заживут долго и счастливо.

Желудок у Лины завернулся сам в себя и связался узелком. Скима убьют? А ей его возвращать в мир живых? Страх все сковал внутри нее. Скрутился, сжался и... лопнул, наполняя всю ее холодом, ненавистью и решительностью. В этот момент она отчетливо почувствовала ледяную пустоту, наполняющую мужа.

Чужемирка, стоявшая рядом со Скимом, видела его ставшие вдруг снова страшными глаза, его напряженную спину, желваки, заигравшие на его скулах, и думала, какая она дура. О платье волновалась! Вот ведь забота была! Как бы хотелось сейчас вернуться в утро, когда главной проблемой было то, что в богатый дом пойти не в чем, а не то, что ее мужа все равно будут убивать. Ну, и ее немножко.

Она подошла поближе к Ледяному, взяла кончиками пальцев его за руку. Он обернулся к ней. В его глазах были мертвое спокойствие, холод и решимость. «Он уже там, — поняла Лина. — Он уже вошел на Алтарь и думает, как победить Демонов. Он все уже для себя решил».

— Я с тобой, — тихо прошептала она, уткнувшись носом ему в плечо. — Я всегда буду с тобой. Как обещала.

Ским развернулся к ней всем телом, обнял, прижал к себе, а в гостиной вдруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихими всхлипываниями кнессы Гессман и чавканьем Синта.

Ночь перед отъездом была удивительной: бессонной и спокойной. Секс, конечно, тоже был. Страстный и немного отчаянный. Но больше всего Лине запомнилось, как они лежали в объятиях друг друга. Молча, в тишине. Ским перебирал ее волосы, проводил руками по изгибам и впадинкам ее тела. От шеи, через ямочку у ключицы, по округлости груди, спускался к талии, поглаживал бедро... Он уводил руку на спину, прижимал Лину к себе, страстно целуя, а она обнимала его, целовала губы, глаза, плечи, ловила ритм его дыхания и, еле сдерживая слезы, думала о том, как она его любит. Но почему же это все пришло к ней только сейчас? Почему так? Почему в этом мире? Потом она отмахивалась от этих мыслей, еще крепче вжималась в своего любимого и благодарила судьбу за то, что здесь, в этом мире, сейчас...

Утро встретило их дождем, серым, тяжелым небом и ветром с моря. Гессманы, конечно, провожать не вышли. Купец собирался разыграть хитрую комбинацию, что, дескать, он нашел и обезвредил заговорщиков. И отправил их под вооруженным и магическим конвоем в столицу по морскому пути, чтобы минимизировать возможность побега. Поэтому еще в утренних сумерках Лина, Ским и трое магов в сопровождении вооруженных до зубов охранников и Серого Сюртука проследовали в сторону порта. Они даже взошли на корабль, который нарочито громко отдавал швартовые. И отплыли настолько, чтобы скрыться из видимости портовой зоны.

Капитан улучил момент, спустил на воду шлюпку и высадил своих странных пассажиров, за которых ему было очень много уплачено. После того, как шлюпки взяли курс обратно к берегу, шхуна развернулась и направилась на юго-запад. Туда, откуда, по условиям договора, она никогда больше не вернется.

Ским, Лина, маги и их охрана высадились на скалистом берегу, в какой-то потайной, похоже, пиратской бухте. Молчаливые вояки затащили шлюпку носом на берег, и пассажиры сошли, почти не промолив ног. Лодку затапили чуть поодаль, а их ждал долгий путь вверх, в горы. На первой стоянке они найдут своих лошадей, а пока — почти целый день пешком по скалам, под дождем, то и дело переходящим в снег.

Маги поначалу держались неплохо. Синт и вовсе был привычен к подобным переходам. А двое почтенных волшебников, вероятно, активно пользовались своей силой. Лина видела, что они стараются как можно ближе держаться к Скиму. Вероятно, Источник им был нужен, как воздух.

Мальчишка то крутился между ними, то отскакивал в сторону, увидев какую-то удивительную для него, южанина, травинку. Парт и Вейл поначалу объясняли ему что-то, старались отвечать на вопросы, но перебежки мальчишки сильно мешали идти. В конце концов Парт не выдержал и прикрикнул на Синта. Неожиданно для всех на этот окрик среагировал Ским:

— Меньше возмущайтесь, вам эти его травки потом, может, жизнь спасут, — зло прошипел он.

Парт побледнел, шумно вздохнул, но промолчал. Спорить со Скимом, по которому в этот момент было понятно, за что получил прозвище, не хотелось никому. Наверное, даже Лина не рискнула бы сейчас вступать с ним в беседы. Она очень хорошо чувствовала его напряжение и нетерпение. Ему все мешало. Все раздражало.

Сама Лина куталась, стараясь запахнуть плащ как можно плотнее вокруг лица. Скима же, казалось, совершенно не смущал ни снег, ни ветер. Там, где даже купеческие бойцы поскользывались и оступались, он проходил с ловкостью кошки, сливаясь с пейзажем, умея угадать, на что можно опереться, а какой участок лучше обойти.

Именно сейчас Лина отчетливо поняла, что он в своей стихии. Он здесь родился, он всегда мечтал здесь жить. Чужемирка смотрела на этого сильного мужчину, который так свободно чувствовал себя в лесу, умел видеть царапины на камнях, что-то понимал по густоте мха в подстилке, всматривался в то, как сломаны мелкие веточки на деревьях, и с грустью думала о том, что он уже выбрал свою судьбу. Ему в любом случае придется вернуться в город, где он взойдет либо на трон, либо на плаху.

Как вы думаете, получится у Скима победить демонов? Или они найдут какой-то другой способ вернуть ему доброе имя?

Приходите в комментарии. Будет интересно порассуждать.

Воины Гессмана, тихо сопя, следовали по бокам и чуть позади них. Лине показалось, что это какая-то отработанная схема охраны — они шли будто квадратом вокруг путников, а Серый Сюртук и тут сливался с окружающей реальностью. Несмотря на отсутствие стен, Лина то и дело ловила себя на мысли, что если не смотрит специально в его сторону, то не видит его. Поразительная способность. Наверное, он тоже чуть-чуть маг.

Дорога, круто поднимавшаяся вверх от побережья, внезапно вышла на ровное плато. Лес редел, и уже виден был неширокий тракт, по которому им предстояло добраться до земель Левианов. Где-то там, на тракте их ждут лошади. Где-то там будет теплый ночлег.

Ветер с новой силой бросил им в лица пригоршню мокрого снега. Лина куталась в свой плащ. Ситн перестал бегать за травами и еле плелся у нее за спиной. Маги запыхались после долгого подъема. Процессии замедлилась. Ским то и дело оборачивался, сверлил их яростным взглядом. Злился, ругался сквозь зубы. Ему не нравилась их скорость, их сбившееся громкое дыхание, их попытки спрятаться от ветра. Раздражение и злость — единственное, что сейчас чувствовала Лина в своем муже. Наверное, именно это сослужило ему плохую службу. Он слишком поздно заметил посторонний звук.

В том месте, где дорога уже расширилась, но отбежать было все еще некуда, с резким уханьем на них полетело что-то темное, тяжелое. Не сразу Лина поняла, что это ловушка. Почему же не сработали амулеты? Ским отпрыгнул в сторону, увлекая за собой Лину. Бревно на веревках пронеслось мимо, целясь в неповоротливых путников. Один из купеческих охранников выхватил меч и разрубил ближайшую к себе веревку. Тяжелый ствол упал на землю одним краем, но все равно по инерции пролетел еще метра три, сминая кусты, подмяв под себя Синта, и уперся в энергетический щит, выставленный Партом.

— Ближе ко мне, быстрее! — маг испуганно смотрел на Скима, расширяя полусферу щита.

Ским, выхвативший было короткий меч, поджал губы, посмотрел на Лину, трясущегося Вейла и подошел ближе к магу. Чужемирка воспользовалась моментом и подползла к мальчонке, торчащему из-под бревна... Маленький травник не пострадал, только сильно ушибся. Повезло, что бревно уже тормозило. Вейл подошел к ним, ощупал Синта:

— Все нормально, цел, — подтолкнул их к Парту. — Держитесь ближе к центру. Амару еще тяжело держать такой большой щит.

— Почему не сработали амулеты? — Лину трясло, зуб на зуб не попадал, она прижимала к себе мальчишку и гладила его по волосам.

— Амулет на человека настроен. Злое намерение, — уводя их в центр круга, ответил Вейл. — А тут, видимо, без участия людей сработала ловушка.

Тут же в защитный купол полетели камни. Лина подняла глаза на Парта. Тот, несмотря на близость Скима, казался уставшим и вымотанным. Видимо, и правда дело тяжелое. Ским, между тем, стоял к нему почти вплотную, позволяя держаться за себя, но мыслями был в бою. Он ловил взглядом летящие в них дротики, камни, топоры. Вокруг раздались крики и улюлюканье. Запахло чем-то горелым и едким. Раздался резкий хлопок, похожий на взрыв

пороха. Кто-то колотил палками по стволам, кустам, по металлу. Дергал ветви деревьев, сталкивал на дорогу крупные валуны. Казалось, вокруг собралась толпа в полсотни человек, не меньше.

— Стреляют всего четверо, ну пусть еще подающие, — бросил Ским бойцам. — Их десяток! Деревенщины!

Командир отряда коротко кивнул, жестами отдавая приказы своим людям. Ледяной стиснул зубы и дернулся было выйти, но Серый Сюртук удержал его:

— Оставайтесь около магов, ваша Ясность, ничто не защитит вашу женщину лучше щита.

Ским поморщился, как от оскорбления, но остался стоять в круге. Бойцы между тем растворились в лесу. Где-то за кустами послышалась возня и шум потасовки. Мужской крик, стон, как от удара. Спустя минут десять возле щита стали появляться воины с пленными.

— Похоже, все, ваша Ясность. Вы правы, их было восемь.

На поляну вывели пятерых. Лина даже думать не хотела, что с остальными. Один из пленных упал на бок, не в силах стоять. Еще четверых поставили на колени:

— Восемь? — Ским почти искренне возмутился. — Вас восемь с камнями и палками, и вы не побоялись напасть на равный вам по численности вооруженный отряд? Какие боги отняли у вас разум?

Ответом ему были четыре горящих ненавистью взгляда.

— Это, вероятно, местные, — за спиной у Скима материализовался Серый Сюртук. — С рудников.

— Я не понимаю, — Ским тряхнул головой. — На рудниках всегда хорошо зарабатывали. Золотодобытчики были опорой кнеста!

— Это раньше, — Сюртук понизил голос. — Но с тех пор, как ва... кхм... кнеста Левиана не стало, золотодобытчиков обложили новыми налогами. За сопротивление Величайшему, за нелояльность правительству... Земля управляется издалека. Ставленникам столицы проблем людей не видно. Многие голодают. На рудниках и работать-то некому. Уже думают посылать заключенных.

Ским молчал, но взгляд его выдавал все, что он думает. Неверящий, удивленный, возмущенный, ненавидящий. Он подошел к пленным.

— Зачем вы напали?

Мужчины молчали.

— Чего хотели, спрашиваю?!

Ским подошел к одному из них ближе. Они подняли глаза. Молодые скалились, стараясь за надменными гримасами скрыть боль, а один из них, лет пятидесяти, увидев Скима вблизи, отшатнулся и попытался встать с колен.

Воин, стоявший рядом, замахнулся, но Ским удержал его руку.

— Чего от нас хотели? — почти спокойно спросил Ским у вставшего мужчины.

Тот побледнел, шумно сглотнул и сам, без посторонней помощи упал перед Ледяным на колени. Ским поморщился и отвернулся.

— Простите нас, кнест... — с почтительным жаром начал оправдываться разбойник. — Мы с голоду, нам семьи кормить нечем, — он с подобострастием смотрел на Скима, чем вызывал недоумение своих соратников.

Ским отошел от разбойников, повернулся к Вейлу:

— Оказать помощь раненым, — снова повернулся к нападавшим: — У нас нет ни денег,

ни ценностей. Зря жизнями рисковали, — обернулся к купеческим бойцам: — Короткий привал. Сейчас маг закончит, и можно будет снова в путь. Лина, — Ским протянул ей заплечный мешок, — достань еду. На этих, — он мотнул головой в сторону разбойников, — тоже.

Трупы завалили камнями. Пока маги ставили на ноги раненого, остальные устроили привал. Лине кусок в горло не лез от осознания того, что где-то рядом лежат трое недавно живых мужчин. Но никому другому это, похоже, не мешало. Синт, изредка отвлекаясь на свой котелок с целебным отваром, набивал рот хлебом и сыром. Парт разложил на пеньке тонкую салфетку, пригвоздил ее к дереву заклиниванием, чтобы не унесло ветром, чинно расставил столовые приборы, даже достал стеклянный стакан для питья. Бойцы Гессмана присели недалеко от пленных. Они вполголоса переговаривались и даже смеялись, потягивая что-то из фляг и жуя холодное мясо. Пятерым разбойникам тоже выдали хлеб, сыр и питье. Мужчины отворачивались, изо всех сил демонстрируя презрение, но в конце концов не выдержали. Лина боялась смотреть на них, но даже боковым зрением видела, что они накинулись на хлеб так, будто не ели дня три.

— У них что, совсем тут еды нет? — спросил Сюртука Ским, который тоже старался не показывать лишнего внимания пленникам.

Тот пожал плечами:

— Налоги грабительские, земли неплодородные. Наверное, все, что имели, отнесли семьям, а сами тут в лесу на подножном корму.

Ским посмотрел на едва оттаявшую землю, прикинул, сколько шансов в этих местах сыто жить с охоты, плотно сжал губы и отошел подальше.

Рассиживаться ни у кого не было желания. Собрали мешки, сходили по нужде и пустились дальше в дорогу. Пленников вели между воинами Гессмана. Им связали руки, но ноги были свободны, чтобы несильно задерживать и без того медленных путников.

Разбойники хмуρο поглядывали на Скима, сразу опознав в нем главного:

— Куда вы нас ведете? — осмелился спросить тот, что был на вид старше всех.

Ским промолчал. Сделал вид, что разговаривать с разбойниками ниже его достоинства. Разбойник повторил вопрос и опять не получил ответа. Тогда он остановился, как вкопанный, тут же получил от одного из конвоиров сильный удар по спине, но устоял.

— Если ты хочешь сдать нас местным властям, лучше убей здесь, — закричал разбойник в спину Скиму. — Тут мы хотя бы умрем свободными и на своей земле.

Ледяной сделал еще пару шагов и остановился. Лина с тревогой смотрела на его напряженную фигуру. Умереть свободным и на своей земле. Не о том ли мечтал он сам? Ским медленно обернулся. Подошел к разбойнику:

— Разве для вас что-то значит ваша земля, если вы на ней простой люд грабите и убиваете? Хорошую же славу своей земле вы сделали, — в голосе его звучала и обида, и злость.

— Тебя бы в нашу шкуру, — отозвался кто-то из молодых. — Когда еле дотягиваешь до весны на промерзлых корешках, когда дети с голоду постоянно болеют...

— Разжалобить хочешь? — Ским смотрел в глаза разбойнику. Тот не выдержал и отвел взгляд. — Идти! — крикнул он на мужчин. — Не сбивать строй!

Лине стало жутко от этого окрика. Она поежилась, даже голову втянула в плечи. Ее кто-

то тронул за руку. Синт тихо подкрался сбоку:

— Орет на них, как погонщик на рабов, — прошептал он Лине.

Чужемирка поймала его за руку и ободряюще сжала:

— Ему виднее, Синт. Он тут главный.

Ученик мага недоверчиво посмотрел в спину Скима, потом, чуть обиженно, на Лину и промолчал.

Солнце, изредка проглядывавшее сквозь тучи, катилось к закату, когда процессия спустилась с горы на пологое плато. Вдали виднелась деревушка, в которой их должны были ждать лошади.

У кромки леса Ледяной остановился и обернулся к бойцам:

— Ноги им связать, — кивнул он на пленников.

Те недоуменно смотрели то на Скима, то на связывающих их воинов.

— Сколько из веревок выкручиваться будете? Час? Два? — он испытующе посмотрел на связанных мужчин. Поймал чуть насмешливый взгляд одного из них. — Понятно, значит, у нас минут сорок.

Развернулся и молча пошел к деревне. Лина пересилила осторожность и догнала его:

— Ты их связанными оставил в лесу!

Ским усмехнулся:

— Они за полчаса освободятся.

— Тогда зачем вообще вязать?

— Мы за полчаса возьмем лошадей и уедем от них подальше. Чтобы не получить удар в спину.

— Удар в спину? — Лине эти истощенные заросшие мужики не казались страшными. Особенно в веревках.

— Мы убили троих из них. Ты бы не хотела отомстить?

— Резонно, а зачем тогда отпускаешь?

— Может я и убийца, но не палач. Не от хорошей жизни они на большую дорогу вышли, — процедил Ским сквозь зубы. И уже громче, обращаясь ко всем остальным: — Здесь отдохнуть не получится. Берем лошадей и уезжаем к границе.

* * *

В конюшне при таверне их ждали вполне приличные кони. Не изабелловый, конечно, и не Рябушка, но ехать было можно. Ским специально попросил, чтобы был один спокойный иноходец. Для Лины.

Воины оседлали предназначенных им коней. Сюртук расплатился с хозяином таверны. Конечно, хотелось и тепла очага, и горячей еды, но даже Лина понимала, что им нужно сейчас как можно быстрее уехать от случайных попутчиков. Ским посадил Лину в седло, привычным движением закинул впереди себя Синта и двинулся в путь.

Тяжелей всего пришлось Вейлу. От природы неспортивный, он передвигался на дальние расстояния только в каретах. Сейчас же, пыхтя и краснея, пытался поймать ритм рыси. Лина оборачивалась, вспоминала себя и думала, какой же терпеливый ей учитель достался! Хотела улыбнуться мужу, что-то сказать, но его взгляд был устремлен вдаль. Туда, куда вела их дорога, пролегающая по красивому, слегка заснеженному лугу.

Следующая возможность ночевать не под открытым небом им представилась нескоро. Синт, по уже отработанной схеме, уснул прямо под плащом у Ледяного. Лина боролась с болью в пятой точке и страхом выпасть из седла, Вейл тяжело вздыхал и шумно ворчал, а Парта, к счастью, не было видно в глубоких сумерках. Лина подозревала, что его взгляд сейчас вполне мог бы соперничать в смертоносности с мечом Скима.

Кажется, и купеческие бойцы были не прочь остановиться. Они умудрялись переговариваться между собой, когда их нестройный галоп перешел в рысь, но теперь даже их голоса стихли.

Ским тоже устал. Да и мальчишка, спящий в седле, его порядком утомил. Ни о каком геройстве не шло и речи: путники готовы были ломиться в первую же избушку на краю встретившегося им села.

В первую избу все же ломиться не стали, нашли большой дом с еще светящимися окнами. Серый Сюртук договорился о ночлеге. В доме места всем не хватало: хозяин готов был выделить одну комнату с двумя кроватями, еще пару путников разместить на кухонных лавках, а остальным предлагался сеновал.

Маги, которые, похоже, в жизни не слышали о галантности, не стовариваясь, пошли в комнату. Ским попробовал возразить, но Лина его одернула: на кухне ей было привычнее. Они с Синтом ушли на лавки, а все остальные мужчины — в сарай. Хозяин, не без оснований принявший Серого Сюртука за важную персону, предлагал ему остаться на кухне, а мальчонку выпроводить на сеновал, но тот коротко и быстро отказался. Причем Лине показалось, что не только Ским, но и бойцы восприняли его отказ с облегчением. Удивительно, но Серый Сюртук воякам был ближе, чем такой же, как они, наемник. Действительно, в Ледяном было что-то, что пугало обычных, пусть даже и привычных к смерти людей.

Разбудила Лину хмурая женщина, еле слышно шуршавшая по кухне. Похоже, тесто на хлеб ставила. Было еще темно. За окнами шумел ветер, и, кажется, так и не прекратившийся дождь: весенняя погода в северных предгорьях окончательно испортилась. Женщина просеивала муку, топила печь. Лина села на лавке:

— Утро доброе, — прошептала она.

Кухарка хмуро посмотрела на чужемирку, кивнула и снова отвернулась к печи.

— Позвольте, я вам помогу. Я умею, — Лина подошла к очагу, поворошила поленья, докинула еще и закрыла заслонку. — Вам сегодня утром слишком много ртов кормить. Сложно одной.

Хозяйка кухни все еще недоверчиво, но уже внимательно посмотрела на свою гостью:

— Ну, кашу, что ли, свари, — протянула она.

— А давайте плюшек замешу? Это быстро и вкусно, — Лина вспомнила любимое утреннее блюдо Мельхорма — оладьи.

— У нас такого не готовят, — протянула женщина.

— Я знаю, это из моего мира. Но всем обычно нравится.

— А! Ты чужемирка! А я смотрю — непонятная какая-то, не крестьянка и не из господ... — кухарке стало явно легче общаться, когда она разобралась, кто есть кто.

— Чужемирка, — кивнула Лина. — Недавно тут.

— Ясно, — ответила хозяйка кухни. — Ну, показывай свои плюшки.

В отличие от Урмы, здешняя повариха быстро ухватила суть рецепта. Вдвоем они нажарили полную миску оладий, сварили кашу, яйца. Хозяйка достала холодного мяса и сыра.

Синт проснулся еще на первой сковородке — уж больно ароматные вышли оладьи. Следующими на кухню пришли местные, хозяева дома.

— Чем у вас тут так пахнет? — крупный бородатый мужчина удивленно рассматривал жующего Синта и хлопчущую у очага Лину. Жена его шутливо замахнулась на него полотенцем:

— Иди, иди отсель. Щас завтрак накрою, там и понюхаешь.

Столы и правда пора было накрывать. В большой комнате переминались с ноги на ногу маги. Во дворе послышалось ржанье лошадей и мужские голоса.

Лина улыбнулась сама себе, переворачивая на сковородке очередную порцию плюшек. Такое приятное деревенское утро. Крепкий дом, теплый очаг, ароматная еда, мирный гомон вокруг.

На душе было приятно и спокойно. Чей-то взгляд заставил ее обернуться: в дверях стоял Ским и как-то странно рассматривал ее, хлопчущую с тестом. На губах его играла теплая полуулыбка.

— Доброе утро, — она открыто улыбнулась мужу. — Решила помочь хозяйке с завтраком.

Ским подошел к ней и поцеловал в макушку:

— Здорово, я за эти пару недель соскучился по твоей стряпне, — он провел рукой по ее волосам, подхватил тарелки, которые Синт пытался утащить в столовую, и вышел накрывать на стол вместе с мальчишкой.

Кухарка, почти подружившаяся с Линой, чуть отстранилась и испуганно посмотрела на странную чужемирку. Что может быть общего у нее и у... этого... с ледяными глазами?

Мужчина, тот самый, что ночью изучал бумаги в потайном кабинете, шел по красивому светлому коридору. Он не замечал ни изысканных витражей на окнах, ни редких картин на стенах, ни тонкого дорогого ковра под ногами. Спина его была напряжена, подбородок опущен, шаги пружинили. Он шел в покои своей жены.

Это бесполезное создание вызывало в нем лишь отвращение. Конечно, следовало бы ее убрать сразу, как только она перестала быть важной. Послеродовая горячка случается даже у королев! Но... Они были женаты по древнему обычаю, и ее жизнь стала его жизнью. Это связывало ему руки. Ее жизнь — его жизнь, ее чувства — его чувства, но и наоборот, — мужчина мерзко улыбнулся. Он чувствовал страх своей жены и понимал, что боится она именно его ярости. Как он чувствует ее боль, ее отчаяние, так и она чувствует его ненависть, его желание ее убить... и боится. Еще не видит его, но боится все сильнее. Это чувство наполняло Величайшего приятной сладостью, разливалось мурашками под кожей, наливалось силой кулаки. Он ненавидел жену, но обожал ее страх.

Дверь в женскую спальню со стуком распахнулась:

— Доброе утро, моя дорогая, — проговорил Величайшим тем тоном, которым судья приговаривает к смерти. Бледная женщина с расческой в руках испуганно отшатнулась и вжалась в стену. — Как вам спалось?

— Спасибо, супруг мой, — некогда вздорная, гордая, самовлюбленная Еверна испуганно опустила глаза в пол, прячась от гнева мужа. — Чему обязана чести лицезреть вас в своих покоях?

Величайший усмехнулся, он действительно давно не заходил в ее спальню. Сейчас мужчина бесстыдно рассматривал тонкую, дрожащую от страха фигурку в полупрозрачном пеньюаре и думал, что можно это исправить. Могло бы получиться... пикантно. Хотя сейчас он не за этим пришел.

— Скажите, жизнь моя, — он встал перед ней, упер руки в стену так, что она оказалась в ловушке. Почувствовал новый прилив паники в ее крови, еле подавил желание облизнуться, наклонился как только мог близко к ее лицу. — Скажите, не почувствовали ли вы в себе силы удержать ключ?

— Мы же это уже много раз обсуждали! — ее страх на секунду пропал, и Величайшего неприятно кольнуло искренним возмущением. — Мы говорили с вами, что я более не в состоянии. С тех пор, как подарила вам наследника...

— Можете не продолжать, — мужчина отмахнулся от жены, как от назойливой мухи. Он знал все, что она ему скажет. Если не обладающий властью прикоснется к ключу, он тут же погибнет. Дурацкий обряд бракосочетания! Он бы все равно рискнул жизнью своей жены, но ее жизнь — его жизнь. Так сильно он рисковать не мог. Мужчина в ярости сжал кулаки. — Значит, придется тащить его сюда.

— Кого? — женщина удивленно смотрела на своего повелителя и мучителя. — Кого тащить?

Ах черт, он проговорил мысли вслух. И забыл о ней. Ну да это не важно. Она все равно

— пустое место.

— Племянничка вашего, — Величайший резко наклонился к жене, заставив ее сжаться и прикрыться рукой. — Представляете, жив! Здоров! И совсем рядом с Герхолдским склепом бродит!

— Ским? — Еверна выдохнула имя, которое часто произносила в молитвах. — Вы не заставите его. Если у него будет ключ, он будет обладать безграничной властью! Вы не сможете подчинить его!

— Его не смогу. Но Левианы, знаешь ли, всегда умели любить, — Величайший осклабился. — Искренне, всем сердцем, — он отошел от жены. Сейчас взгляд его был направлен вдаль, а кулаки сжаты до белых костяшек. Линия рта искривилась в неприятной усмешке, глаза загорелись недобрый огнем. — И они, глупцы, всегда были готовы жертвовать всем ради своих любимых.

* * *

За завтраком говорили на отвлеченные темы: нахваливали еду, ругали погоду, обсуждали лошадей. Когда хозяева дома ушли, маги сделали пару пассов руками, видимо, ставя охранные заклинания, и Вейл, не понижая голоса, предложил:

— Давайте обсудим еще раз план действий и все возможные варианты развития событий.

Бойцы, как по команде, замолчали. Лина посмотрела на Скима. Маги с деловым видом достали артефакты. Вейл повернулся к Серому Сюртуку:

— Керт Волгин?

Лину как током ударило:

— Как? Волгин?

Сюртук спокойно посмотрел на девушку:

— Вы же не думали, что вы одна тут чужемирка. Замечательные, кстати, олады. Уверен, вы пекли.

Лина не могла вымолвить ни слова, только хватала ртом воздух и глупо хлопала глазами, а Сюртук, как ни в чем не бывало, расставил по столу тарелки, солонки и чашки, имитируя объекты на местности.

— В Герхольд зайти мы не можем, — он поднял глаза на Скима. — Я правильно понимаю?

Ским кивнул.

— Значит, поднимаемся еще чуть выше. На плато Лолейхорм. Так? — он вопросительно посмотрел на Вейла с Партом. Те кивнули:

— Да, это самая удобная позиция.

— Плато с одной стороны окружено отвесным обрывом, — продолжал керт Волгин. — Но часовые все равно не помешают. Слушаю ваши предложения, литор? — Сюртук обернулся к тому, кто показался Лине командиром воинов.

— Барн и Войл, — опытный боец привстал и посмотрел на своих людей, — вы займете позиции здесь и здесь, — литор отметил точки чуть над плато и на его краю. — Кростор — станешь на дороге, но твоя задача, в случае нападения, в первую очередь сигнализировать об опасности. Сначала сигнал нам, а потом — задержать врага любой ценой.

Литор говорил страстно, категорично. Бойцы внимательно слушали своего предводителя, а Лина поежилась, думая о том, что посторонние люди готовы умереть за них, даже не зная, за кого сражаются. Или они знают? Нет... Ни пиетета, ни страха в глазах. Не знают.

— Мы с Марейном останемся около вас, — продолжал литор. — Плато неширокое. В случае нападения два бойца удержат врага достаточно долго. К тому же, если я правильно понимаю, у уважаемого керта тоже есть опыт ведения боя.

— Есть, но вряд ли уважаемый кнест сможет им воспользоваться, — снова вмешался Волгин, ненавязчиво поправив титул Скима и все расставив по своим местам. — Он будет вести другой бой. Господа маги?

— Да, да... — Вейл взял слово первым. — Ритуал, конечно, не самый распространенный, но, по сути, не сложный, — Парт сверкнул глазами так, что это заметили все присутствующие, но промолчал. Вейл откашлялся и продолжил: — Проклятье наложено на кровь. Значит, и приведет демонов к нам кровь. Предлагаю просто накапать небольшую дорожку. Лучше всего это сделать, когда уже все будет готово к ритуалу.

— Соберем немного в чашу заранее, — вмешался Парт. — И когда вы будете на алтаре, разольем по границе. У вас будет пара минут: осмотреться, приготовиться... Пока один из нас дойдет до Герхолда....

— Да, — как старательный ученик кивнул Вейл, — так и сделаем. Вы в это время должны быть уже в том мире. И готовы к бою. Демоны, знаете ли, очень быстрые существа.

— Знаю, — сухо и немного высокомерно ответил Ским.

Знает? Лина внимательно посмотрела на мужа. Ну, конечно, знает, иначе откуда бы он узнал, что наложено проклятие на крови. Встретился с Демонами и смог уйти. У нее все похолодело внутри, ее муж или невероятный везунчик, или... Она снова вспомнила, что его всегда боялись все живые. Кажется, остальные за столом подумали то же самое, потому что во внезапно повисшей тишине вдруг стало слышно, как кто-то шумно сглотнул. Парт встрепнулся:

— Да, — проямлил он. — Конечно. Ваша супруга, — при этих словах кто-то из бойцов бросил в сторону Лины удивленный взгляд, который тут же был пресечен литором, — ваша супруга, ваша жизнь и ваша нить, — повторил Парт то, что уже говорилось между ними. — Она должна уйти с вами, но остаться между мирами, — Парт внимательно посмотрел на Лину. — Обязательно должна остаться между, — он выделил это слово голосом, — между мирами. Иначе вы не сможете вернуться назад. Для тебя, — он так и не привык обращаться к Лине на «вы», — это будет похоже на дремоту. Когда вроде и спишь, но в то же время слышишь все вокруг. Ты должна быть сознанием и там, и здесь, поняла?

Лина хотела кивнуть, но услышала Скима:

— Поняли, — тихо, но настойчиво поправил мага Ледяной. С явной угрозой. Парт побледнел:

— Да, конечно, прошу прощения. Кнесса, вы поняли суть вашей миссии? — излишне вежливо снова обратился к ней Парт.

Лина покраснела и кивнула. Обстановка за столом была чересчур напряженной. Никто уже не бросал на Лину удивленных взглядов, каждый думал о своей роли, маги злились и переживали: нервы у всех были на пределе. Даже Синт перестал таскать еду и ерзал на лавке, шумно сопя, чем и привлек внимание Волгина:

— А мальчонка нам не нужен? Может, оставить его здесь?

— Нет! — вскрикнул Синт, удивив всех присутствующих. — Не надо меня ни с кем оставлять! Я с ними приехал, с ними и дальше поеду!

Он вскочил со своего места и втиснулся на лавку между Скимом и Линой, чем вызвал неодобрительное кряканье у Парта и легкую усмешку у Скима. Бойцы, совершенно не понимающие, что связывает этих троих, смотрели на выскочку ошарашенно, но высказывать свое мнение им было не положено. Чего нельзя было сказать о Вейле:

— Вы бы, молодой человек, вели себя подобающе, — начал было он.

— Мальчик поедет с нами, — Ским чуть подвинулся, чтобы Синт удобнее уселся между ним и Линой. — Парт, — он поднял глаза на мага, — вам уплачено за его обучение. Если что с нами случится...

— Вот, самое время обсудить все «если что», — снова перехватил инициативу Волгин. — Давайте проговорим. Первое: если его Ясность, — он кивнул головой в сторону Скима, — не вернется.

Маги побледнели:

— Если он не вернется, тогда все пропало, — справился со своим голосом Парт.

— Если я не вернусь, — после небольшой паузы взял слово Ским, — Может же получится так, что я останусь там, а жена моя сможет жить здесь? — маг сначала пожал плечами, потом несмело кивнул. Увидев его ответ Ским продолжил, — Если получится так, то держите, как можете, ее нить жизни. Берегите ее, как зеницу ока, и через девять месяцев пробуйте вручить ключ моему сыну.

За столом повисла гнетущая тишина. Никто не осмеливался высказать свои мысли, даже Лина.

— Так, хорошо, — снова повел разговор Серый сюртук. — Этот вариант проработали. Если мы понимаем, что наши друзья живы, но не возвращаются?

— Кхм, — откашлялся Парт. — Именно поэтому мы едем вдвоем. На этот случай кто-то из нас, — он бросил взгляд на покрасневшего Вейла и поправился: — В этом случае я последую за ними. У меня практически нет шансов вернуться, но этому миру они нужнее. Думаю, что, если они будут живы, я смогу их вывести оттуда. Хотя, — он пожал плечами и продолжил уже менее уверенным голосом: — Я же там ни разу не был...

Волгин определенно не хотел никому позволять уйти от главной темы разговора:

— Принято. Если они не возвращаются, то мы отправляем туда керта Парта. Если не возвращается и он...

— Тогда пойду я! — выкрикнул Синт.

Несколько пар взрослых смеющихся глаз обратились к мальчишке.

— Вы, молодой человек? — Волгин с трудом сдержал усмешку.

— У меня все равно никого, кроме них, нет, — мальчонка насупился. — К тому же я маг! Хоть и не обучен, но подле Источника...

Синт осекся, но поздно. Бойцы совсем по-другому посмотрели на Ледяного. Кажется, они сопоставили все слухи и легенды с проклятием крови, постоянным упоминанием ключа, и наконец-то поняли, кто перед ними. Синт прижался к чужемирке.

— Может, хоть Лину выведу, — произнес он со слезами в голосе.

— Эй, — Лина обняла его и потрепала по волосам. — Ну что ты?

— Синт, пока мы еще здесь и абсолютно твердо намерены вернуться, — обратился к хлюпающему носом мальчонке Ским. — Слышь? Отставить реветь! — он командовал почти по-военному, но глаза его улыбались.

Синт не выдержал, оторвался от Лины, уткнулся носом в плечо наемника и все же разревелся. Ским усмехнулся и прижал к себе пацана. Прижал так же, как когда возил его в своем седле, давая спать по утрам под плащом. Наемник посмотрел на Волгина:

— Давайте обсудим варианты, в которых вы можете что-то изменить.

— Хорошая мысль. Итак, если нападение снизу, — Волгин задвигал по столу посуду, имитируя движение возможного неприятеля.

Литор вторил ему, передвигая фигурки, обозначающие его бойцов. О чем-то советовались с магами, и даже Ским участвовал в обсуждении схемы обороны. Лина не понимала ни слова. Она прижимала к себе хлюпающего носом Синта и думала о словах Ледяного. Через девять месяцев. Сына. Откуда он знает? Господи, только бы обоим вернуться.

* * *

Лошадей решено было оставить в деревне. Бойцы перекидывали свою нехитрую ношу в заплечные рюкзаки, хозяйка суетилась, собирая им еду и воду в дорогу, Сюртук что-то

вполголоса обсуждал с магами, а Ским стоял на крыльце и смотрел на мокрую от дождя деревушку. Крепкие бревенчатые дома, темные от влаги, черная, чавкающая под ногами земля, поднимающийся от нее пар, пахнувший прелой хвоей. Холодный утренний воздух слегка щекотал ноздри, а в пасмурном небе проглядывало сквозь тучи солнце.

Наемник стоял, подперев плечом косяк, и смотрел на лес, плавно поднимающийся в гору. Где-то там, за деревьями нужное им плато. При хорошем раскладе они будут на месте уже к обеду.

Лина стала рядом:

— Откуда ты узнал? — она не стала уточнять, и так все было понятно.

— Ты светишься, — Ским ответил коротко и как бы нехотя.

— Ты же не маг.

Наемник пожал плечами.

— Я тоже сначала подумал, что просто с утра в глазах все плывет, это блики от очага. А потом ты в столовую вышла и... стало все четко видно.

Лина поежилась, пожалев, что оставила плащ в кухне. Ским притянул ее к себе и обнял, укрывая своим сюртуком.

— Ты уверен? — странно, но ей сейчас хотелось, чтобы он ошибся.

— Синт то же самое сказал. Смотрит на тебя, а видит двоих.

— Да? — Лина уткнулась носом в его грудь, зажмурилась, сдерживая слезы. — И кого он там видит?

— Мальчишку, — Ским мечтательно улыбнулся. — Озорного шалопая, с которым еще попробуй совладай!

— Он так и сказал?

— Нет, он сказал, что пацан почти такой же по характеру, как он.

Лина не выдержала и засмеялась.

— Он точно шалопай! — и добавила уже тише: — Ским, а зачем ты так? Чтобы вручили ключ твоему сыну... И все остальное.

Улыбка сошла с его лица:

— Это твой единственный шанс выжить, Лина. Ты теперь не просто чужемирка, ты жена мятежника. Если я не вернусь...

— Ты вернешься, — она сама от себя не ожидала такой злости. Ударила его ладонью в грудь: — Ты вернешься! Ко мне и к своему сыну! Как я буду его растить без тебя? — она беспомощно развела руками, чуть не плача.

— Вернусь, — он снова ее обнял, поцеловал в макушку. — Обязательно вернусь.

* * *

Идти было сложно. Влажная земля налипала на сапоги, тропа поднималась круто вверх. Кряжистые деревья, растущие на камнях, настойчиво цеплялись за любой доступный им клочок земли. Выступающие тут и там мощные корни лезли под ноги, мешали идти. Сначала стали отставать маги, потом Синт. Когда и Лина стала плестись в хвосте, мужчины замедлились. Ским взволнованно оглянулся на нее, но она отмахнулась — мол, все в порядке. Он кивнул и пошел вперед, показывая тропу. Кажется, он лучше всех знал эту местность.

Лину дождался Волгин:

— Не стоит думать, что подготовка запасного варианта — это признание поражения, — растягивая слова на манер старого профессора, проговорил чужеземец. — Напротив, это характеризует его, как хорошего стратега.

— Да, — едко ответила чужеземка. — Вы много понимаете в стратегиях!

— Ну, понимаю кое-что... — Серый Сюртук запнулся, будто вспоминая. — Разрабатывал в свое время.

— Много наразрабатывали? — Лина хлюпала носом и изо всех сил старалась успокоиться.

— На смену режима хватило, — буркнул под нос Волгин.

Лина замерла и чуть внимательнее присмотрелась к собеседнику:

— Смена режима? Вы революционер?

— Можно и так сказать, — Волгин опять задумался. — Я — управленец. Аппаратчик. Умею управлять людьми, ситуацией...

— А что с вами случилось? Почему вы тут?

— Революция пожирает своих детей, — едко усмехнулся Волгин.

— Вас убили свои же?

— Ну, не то чтобы совсем убили... Хотя... Получается, что это, — Волгин повел рукой, — наш с вами загробный мир.

Лину передернуло:

— Я себе по-другому жизнь после смерти представляла.

— А получилось вот так. Вот ваш, — Волгин запнулся, — муж. Он сейчас идет в свой загробный мир.

— К чему вы это говорите? — возмутилась Лина.

— К тому, что, может, там не так и страшно, как нам думается... — Серый Сюртук внимательно посмотрел на молодую кнессу.

Лина остановилась, прищурилась, бросила оценивающий взгляд на Волгина, потом на Скина. Развернула плечи, подняла подбородок.

— Спасибо, — кивнула она ему почти царственно. — Действительно, спасибо.

Волгин коротко кивнул в ответ.

— Кнесса? — неожиданно позвал он. — А из какого вы года? Какая сейчас... власть...

Лина помедлила, потом повернулась к Сюртуку.

— Это совершенно не важно. Главное, что вы до сих пор нужны не тому, так этому миру.

В этот раз долгим взглядом и коротким кивком ответил ей Сюртук. Они продолжили путь рядом, как старые знакомые:

— А что, — спросила Лина, — много вы встречали таких как мы?

— Достаточно. В Берьяте лично знаю с десятков.

— Странно... — это был уже просто разговор двух земляков, случайно встретившихся в чужой стране. — Я только разговоры слышала о храме да о том, что таких как мы здесь много.

— А где вам их было встречать? Не в той же деревушке, откуда вы едете...

— И то верно, — протянула Лина. — Мельхорм — маленькая деревня домов на тридцать. Но там красиво.

— Отличное место, чтобы комфортно жить и никому не попадаться на глаза, да? —

усмехнулся Волгин, поймав Линин удивленный взгляд. — Я же говорю — он хороший стратег!

Лина усмехнулась, а Волгин ответил ей хитрым взглядом. От ее утренних слез не осталось и следа.

К тому моменту, когда они подошли к плато, солнце почти вошло в зенит. Облака рассеялись, воздух прогрелся и обволакивал приятной, мягкой негой теплого и влажного дня.

Лина поняла, что они почти пришли, когда ноги перестали проваливаться в рыхлый суглинок, а стали упираться в твердый камень. Деревья расступились неожиданно, обнажив достаточно широкую площадку, с двух сторон окруженную лесом, с третьей — скалой, и с четвертой — пропастью.

Двое бойцов остались в пролеске. Один, как и было условлено, прошел дальше и поднялся на скалу. Маги подошли к широкому плоскому камню, лежащему почти вплотную к скале. Насколько поняла Лина, там собирались устроить алтарь. Ским подошел к самому краю обрыва. Лина встала рядом с ним. Совсем недалеко от них — на противоположном склоне с горы сбегала быстрая, полноводная речка. Вода, украшенная барашками пены, огибала выступающие камни и спускалась в низину, где стоял небольшой, но очень красивый замок. Остроконечные крыши круглых башен смотрели вверх, озорно поблескивая в лучах солнца. Зубчатая стена неправильным кольцом опоясывала крепость и дворовые постройки. Конюшня, сараи у восточной стены, выгон для лошадей на заднем дворе, ярко-зеленый сад перед парадным входом. Все казалось милым, красивым, почти игрушечным. И только мертвая чернота в окнах выдавала запущенность строений. Там не было даже стекол. Солнцу не от чего было отразиться.

— Твой дом? — Лина взяла Скима под руку и прижалась к его плечу. Он кивнул.

— Вон те окна, видишь? В круглой башне на третьем этаже? — он поднял руку, показывая. — Это была наша с братом комната.

— Те самые окна, из которых хорошо видно реку?

Ским улыбнулся своим воспоминаниям, повернулся к Лине, быстро коснулся губами ее макушки и ушел к магам.

На широком плоском камне в определенном порядке лежали амулеты. Удивительно, но маги зажгли и живой огонь. Вейл посыпал края камня серо-зеленым порошком. Парт морщился, злобно посматривал на коллегу и то и дело поправлял расположение амулетов. Вейл сопел от негодования, но возражать не смел.

Воины заняли позицию на границе леса и камня, Волгин замер, слившись со скалой, Синт присел на корточки недалеко от него и внимательно наблюдал за суетой у алтаря.

Ским дождался утвердительного кивка от магов и шагнул на алтарь. Парт подошел к нему и, сделав ритуальным ножом надрез на его предплечье, сцедил немного крови в чашу. Нож отдал Скиму. Неизвестно откуда взявшийся ветер пытался погасить магический огонь и сдуть волшебный порошок. Лина нервно переминалась с ноги на ногу, поправляя то и дело

налетающие на лицо волосы. Уверенный в себе, спокойный, кажется, даже расслабленный Ледяной подал ей руку. Приняв поддержку мужа, Лина, дрожа, взошла на камень.

Они стояли на Алтаре друг напротив друга. Он — величественный, сильный, смелый, с волосами цвета снега и глазами цвета весеннего неба. Напротив — она: дрожащая, измученная, чуть не плачущая.

Он взял ее руки в свои, чуть сжал, поймал ее взгляд:

— Не бойся, — посмотрел ей в глаза не отрываясь.

Она нервно кивнула. Он чуть улыбнулся и поднял нож.

Тонкая алая ниточка проступила на ее руке, плавно расширяясь и наполняясь красными каплями. Вот одна сорвалась и полетела вниз, к камню.

— Здесь, в этом мире кровь свою оставляешь, — услышала Лина тихий шепот Парта. Ским обхватил ее порезанную руку, измазав всю ладонь в ее крови. — В мире чужом всегда чужой ты будешь, — продолжал свое заклятье маг. — Жизнь первозданная, нить путеводная, — в ушах у Лины зашумело, перед глазами все поплыло, она пошатнулась. — Путь укажешь в мир оборотный...

Лина не смогла бы сказать, в какой момент Парт исчез. Камень остался на месте, ветер все так же трепал ее волосы, Ским стоял напротив, по его руке текла ее кровь, голубые глаза напряженно вглядывались в ее лицо, только позади него весеннее небо вдруг сменилось серым чадающим дымом... Она по-прежнему слышала голос Парта:

— Держит нить, помнит путь, держит нить, помнит путь... — слова мага сливались с шепотом ветра, звучали на одной ноте, превращались в тугую и сильно мешающий звук. Ей хотелось прогнать от себя этот шум, как отгоняют надоедливую муху. Она с силой тряхнула головой, слегка пошатнулась.

— Нет, — Ским удержал ее. — Не двигайся. Ни на шаг!

Она подняла на него будто заspanные глаза.

— Тебе не мешает этот звук?

— Звук? — Ским чуть поморщился. — Я ничего не слышу.

— То ли слова, то ли песня... я не пойму.

— Лина, это маги. Они держат тебя между миров. А я, — он отпустил руку Лины, — я, видимо, уже полностью здесь. Я ничего не слышу, — чужемирка снова тряхнула головой. Звук ее сильно раздражал. — Нет, Лина... Не прогоняй его. Наоборот, вслушивайся. Помнишь, что он сказал? Ты должна остаться между мирами.

Он отвернулся и посмотрел на клубящийся туман вдаль. Ближе к земле он почему-то был красным:

— Ну что, пойду поищу своих демонов, нам с ними есть, о чем потолковать, — наемник натянуто улыбнулся.

— Ским, — она чуть не сорвалась с места за ним.

Ским схватил ее, не дал сделать шага. Двумя руками будто прижал ее к тому месту, на котором она стояла. Поймал ее взгляд. Улыбнулся, поднял окровавленную руку, коснулся ее лица:

— Обещай мне, Лина Левиан, что ты будешь стоять здесь. Точно на этом месте, и не сделаешь больше ни шагу вперед. И выйдешь отсюда назад, даже без меня.

Лина медленно качнула головой:

— Я обещаю стоять тут и дожидаться тебя. Ты справишься, ты вернешься. Я знаю.

Ским зажмурился, взял ее за руку:

— Вернусь, даже если не справлюсь, клянусь, что вернусь. И мы выйдем отсюда.

— Обязательно выйдем, — теперь Лина уверенно кивнула.

Он еще касался ее руки, но уже сделал шаг назад. Все слова прощания комом встали у Лины в горле:

— Я люблю тебя, — единственное, что она смогла из себя выдавить.

— Береги мою жизнь, — Ским еще раз сжал ее ладонь в своей, отпустил, сделал пару шагов спиной вперед, после чего резко развернулся и ушел в клубящуюся красноватым туманом даль.

Лину трясло крупной дрожью, она обхватила себя руками, зажмурилась, потом наоборот, с усилием открыла глаза и принялась повторять те слова, что слышала извне:

— Держит нить, помнит путь, держит нить...

На самом деле Ским никого не искал — он понимал, что как только маги выплеснут его кровь на земли Горхолда, демоны сами его найдут. Просто ему хотелось отойти подальше от Лины. Не видеть ее, не отвлекаться на нее, не показывать ей... Туман окутывал землю так плотно, что было не видно ног, Ским остановился, оглянулся. Никакого возвышения или строения. Ровная, как стол, поверхность, покрытая ватным серо-красным одеялом. Вдруг из-за спины его позвал смутно знакомый голос:

— Ским.

Ледяной обернулся. Перед ним стояла его мать, такая, какой он ее помнил.

— Иди ко мне, мой мальчик, — она улыбалась, протягивала к нему руки, в глазах ее стояли слезы...

— Мама? — даже не прошептал, прохрипел наемник.

— Я так долго тебя ждала, — ее голос был нежен, объятия были манящими.

Ским сделал несмелый шаг вперед, как вдруг почувствовал сильное жжение на своей руке. Поднял руку и удивленно посмотрел на нее. Кровь? Откуда? Он же не ранен. Чья это кровь? Наемник замер. Как сквозь вату в его сознание пробивались воспоминания. Лина, жена его, жизнь его, нить его. Женщина, стоявшая напротив, нервно дернулась:

— Ну же, — в голосе послышалось нетерпение. — Иди ко мне! Скорее.

Ским плохо помнил мать, но в его воспоминаниях она никогда не говорила таким тоном. Он прищурился, скользящим шагом стал отступать, проверяя ногами почву. Вскинул меч и не торопясь начал его раскручивать. То, что показалось ему матерью, неестественно выгнулось, широко открыло рот и завизжало так, что заложило уши. Вытянутые руки ее выгнулись, изломились в локтях. Существо упало на четыре конечности, вытянуло то, что было лицом его матери, разорвалось по линии искривленного рта, превратилось в мерзкую маску, на которой можно было разглядеть только оскаленную пасть. Ским поморщился и попытался обойти ее. Над ним раздавалось привычное, успокаивающее пение меча, рассекающего воздух.

Кожистая, сливающаяся с туманом красно-серая тварь выгнулась и, неестественно скрючившись, прыгнула вбок, разинув клыкастую пасть. Меч, описав полукруг, встретил пустоту. В поле зрения Скима твари не было. «Растворилась, что ли?!» — Ским растерялся. Отступил на шаг назад, оглянулся и тут же отшатнулся — в миллиметре от его шеи клацнули зубы, затянутые сеткой слюны. Он не успел ничего осознать, упал на одно колено. Нырнул под атаковавшую тварь, выставляя меч вперед. Искривленное лезвие фламберга царапнуло жесткую, как камень, кожу демона, кажется, совсем не повредив ему. Ским попытался встать с колена и тут же почувствовал обжигающую боль в спине — когти Демона в этом мире оказались эффективнее, чем его меч. Ским поднялся в стойку, вскинул меч. Демон не атаковал, он кружил вокруг Скима, ища его слабое место. Присматривался.

— Чего медлишь, тварь?

Наемник злился, пытаясь просчитать движения демона. Они быстрее. Должны быть быстрее. Чего-то ждет.

Тварь на секунду перевела взгляд Скиму за спину. Не успев ничего осознать, исключительно на инстинктах, наемник резко развернулся на пятках и опустил меч. Фламберг со свистом отсек правую конечность того, кто стоял сзади, застряв в его ребрах. Взвизгнув, второй демон отшатнулся. Тягучая темная жидкость потекла из обрубка руки на камни. Демон выл, запрокидывал огромную зубастую голову, извивался, выгнувшись тощим жилистым телом. Рванулся в сторону, вырывая из рук фламберг. Почувствовав, что рукоятка меча выскользывает из рук, Ским упал на четвереньки, откатился в сторону. Вовремя. Первый демон прыгнул и был уже почти над ним. В распоряжении Скима оставались только кинжалы. Промашнувшийся демон развернулся в доли секунды, но этого хватило наемнику, чтобы вскочить на ноги и выхватить оружие. «Нужно вернуть меч», — крутилось в голове у Скима. Медленно отступая в сторону, он пытался подойти ближе к раненому демону. Первый не спускал с него глаз. «Если удастся заскочить за спину раненому, то он я за ним спрячусь». Но раненый демон совсем не собирался играть на стороне Скима, несмотря на отрубленную конечность, воя от ярости, он неловко рванулся к наемнику, разинув пасть. С другого бока тут же атаковал первый. Ским метнулся и, вложив в удар весь свой вес, вонзил кинжал в раненого демона. Рука почувствовала знакомое каждому воину, самое неприятное напряжение. Со стоном лезвие кинжала переломилось, не осилив каменную кожу демона. Наемник отшатнулся и тут же ощутил дикую боль в бедре. Челюсти первой твари сомкнулись у него на ноге. Выхватив второй кинжал, Ским изо всех сил вонзил его демону в шею. Челюсти разжались, тварь отшатнулась, но не упала. Черная слизь струилась по ее телу, вынуждая отступить. Взгляд твари был затуманен, но кажется, она снова готовилась к атаке. Ским попробовал подняться, встать в стойку. Вспомнил про фламберг, но второй демон с пропоротой грудью и отсеченной рукой умудрился отползти. Он вряд ли мог напасть, но меч был недостижим. Прокушенная нога подгибалась и не давала встать ровно. Будь у него фламберг или хотя бы два кинжала, у него бы еще были шансы, но с одним ножом, раненый, против демона... Отчаяние накрыло Ледяного.

«Да будьте вы прокляты!» — Ским неловко покачнулся, выставил перед собой кинжал. Твари, израненные, кровоточащие, тем не менее, готовились к атаке.

«Это не вы, это я проклят», — руки опускались, внутри была пустота и холод. Ледяной просчитывал все возможные варианты боя и понимал, что шансов остаться в живых у него нет. Пусть и истекающие кровью, демоны все равно были сильнее. Эта пустая туманная равнина — их мир. Их поле боя. Ским устал, остался без оружия, с раненой ногой, и они видели это.

«Единственный мой шанс — опередить их», — подумал Ским. Вокруг стало неестественно тихо, только его собственный пульс стучал в ушах, отдаваясь гулким эхом. Удары замедлялись, все стало неестественно четким и ярким. Боли уже не было, только необъяснимая легкость в теле. Ским оттолкнулся здоровой ногой и первым бросился на того, из груди которого торчал меч. Вонзил кинжал туда, где у человека было бы сердце, ухватился за рукоять фламберга, рванул на себя.

«Сейчас должен быть бросок», — думал Ским, ожидая атаки первого демона, но ее не было. Наемник услышал сбоку глухой удар и противный вой. В подаренную ему кем-то секунду почувствовав надежду, Ским вскочил, изо всех сил замахнулся и опустил тяжелое оружие на шею демону. Тварь не успела издать ни одного звука, просто рухнула, разрубленная почти пополам. Только тут Ским обернулся. Сначала ему показалось, что он сошел с ума и видит себя же, отражающего нападение второго демона. Он ловко работал

парными мечами и не давал демону подойти к месту битвы. Двурукый! Ским никогда не был двуруким, но...

— Отец...

Воин обернулся. Конечно, пропустил прыжок демона, но рядом уже был Ским со своим тяжелым мечом. Тварь кинулась ему в лицо, Ским рубанул сбоку. Замахнуться было сложно, но тварь упала, выставив окровавленные разломленные ребра наружу. Демон рычал, выл, царапал когтями землю.

— Будь милостив, сын, — кнест Левиан посмотрел голубыми глазами на Скима. — Добей.

Дважды упрашивать Ледяного не пришлось. Он одним ударом отрубил демону голову. Обернулся:

— Отец? Это правда ты? Но как?

— Понимаешь ли, — кнесс Левиан улыбнулся улыбкой, которую легко узнала бы Лина, — когда-то я поклялся твоей матери вечно защищать ее и детей. Вечно, понимаешь?

— Но... Ты же мертв, — Ским обескураженно пожал плечами.

— Ты сейчас тоже не совсем жив. Дай обниму, — мужчина подошел к Скиму.

Тот посмотрел на свою руку, перемазанную уже непонятно в чьей крови. Не почувствовал никакого жжения, тряхнул головой и с радостью обнял отца.

— Папа!

— Горжусь тобой! Отлично владеешь мечом! — похлопывая сына по спине, тепло произнес Левиан-старший. — А на руку ты правильно посмотрел. Иди, — Левина отстранил от себя сына, — иди. А то она, наверное, слышала твои крики. Сейчас сорвется с места и пиши пропало, — Левиан подтолкнул сына еще раз. — Давай же.

Ским медлил. Ему столько хотелось сказать отцу.

— Отец, я...

— Давай иди! Потом расскажешь!

— Как? Когда?

— Да когда угодно! Ты же Источник! Наденешь амулет — почувствуешь, — кнест уходил, пятясь. — Иди, сын. Возвращайся к тем, кому ты нужен. К своему сыну!

Ским кивнул. Еще раз посмотрел отцу в глаза, по-военному отсалютовал мечом и побежал туда, куда его подтолкнул родитель. Рука действительно уже пульсировала.

* * *

Пробуждение было похоже на нырок наоборот. Будто на голову вылили ушат холодной воды. Будто зажимали нос, а потом наконец-то дали вздохнуть, будто держали насильно, а потом отпустили. Воздух обжег легкие, голова закружилась, ноги у Лины подкосились — она упала на камень. Ским тоже не устоял, шумно вздохнув, опустился на одно колено. Потянулся к Лине, которая лежала у его ног, сгреб ее в охапку, прижал к себе. Живые. Оба. В своем мире.

Лина никогда не забудет его возвращения: окровавленный, израненный. Она стояла на коленях и плакала, проклиная все на свете, и в первую очередь то, что ей нельзя двигаться с места. А он подошел... или подбежал... ей сложно было сказать. В этом мире все казалось неправильным, нереальным. Схватил ее за руки:

— Уходим, Лина! Все кончено!

— Жив! — только и смогла выкрикнуть чужемирка. — Жив, — уже еле слышно проскулила она...

— Потом слезы, уходим!

Она судорожно кивнула, глубоко вздохнула и закрыла глаза. Как объяснял ей Парт, чтобы проснуться в одном мире, надо уснуть в другом. Отключиться от всего, что окружает, и принять как реальность голос старого мага, не умолкавший ни на секунду. Лина вслушивалась в речитатив, стараясь отогнать другие звуки и образы. И вот он говорит уже громко, совсем рядом. Можно сказать, над ухом. Она очень четко представила себе плато, камень, Парта, Синта, сидящего на корточках у скалы, Сюртука, стоящего у тропы, и открыла глаза.

* * *

Все было именно так, как только что ей виделось в воображении. Разве что Парт был изможден гораздо сильнее, чем ей казалось. Потный, тяжело дышащий, он стоял, опираясь о скалу. Вейл тоже шумно сопел, хотя выглядел все же лучше своего старшего товарища. Синт с громким криком оторвался от скалы и бросился к ним, обнял окровавленного Скима, помог подняться обессилевшей Лине. Он ревел, двое на камне тихо смеялись, маги шумно сопели, опираясь друг на друга, и только Сюртук проявил чудеса выдержки:

— Живы? Оба? Лекарь нужен? — он схватил Скима за плечо, осматривая.

Тот помотал головой и чуть отодвинул от себя Сюртука. На большее он сейчас был не способен.

* * *

Лекарь, может, был и не нужен, но обработать и перевязать раны все же пришлось. Синт сварил какой-то отвар. «Только для ран! Не пить!» — предупредил юный маг. Судя по гримасам Ледяного, во время промывания ран ему было больнее, чем от когтей демонов, но Парт был безжалостен. Щедро проливал все укусы и царапины и туго стягивал их полотняными бинтами. За то время, что его Источник провел в другом мире, маг постарел, кажется, лет на двадцать. Его снова легко было назвать старым. Чего совсем нельзя было сказать о Вейле. Лина нахмурилась, обдумывая это. Разве не должны были маги держать ее вдвоем? Она слышала лишь голос Парта. Чужемирка еще раз посмотрела, как Вейл хлопчет вокруг Скима с лечебными амулетами, и с силой тряхнула головой, отгоняя глупые мысли. Маги сами поделили между собой роли. Им виднее, кто на что способен. В конце концов, боевой из них — Парт, а Вейл — мастер невидимых дел и лекарь. Чужемирка покрепче обхватила чашу с питьем — Синт и для нее постарался. Приятный терпкий отвар прогонял сонливость и возвращал силы.

Бойцы Главы Гильдии по-прежнему были на своих постах. Волгин стоял рядом и критически оглядывал происходящее:

— Теперь нам надо забрать ключ, как я понимаю? — Сюртук, видимо, не мог предоставить событиям течь без его контроля.

— Да, — ответил за всех Вейл, — теперь надо идти за ключом.

— Как мы пойдем? — Волгин, похоже, сомневался. — Мы можем просто спуститься и подойти к вашему замку?

Ским зло рассмеялся:

— Дайте угадаю! Вы подготовили несколько запасных вариантов на случай, если я останусь там, но не разработали ни одного плана на случай, если я все-таки вернусь!

— Я подумал, что, если вы вернетесь оттуда, — Волгин сделал ударение на последнем слове, — то вам мои услуги по планированию не понадобятся.

Левиан фыркнул:

— Я вовсе не стал всемогущим.

— Это пока, — вмешался Парт. Он молодец на глазах, чем поражал непривычных к такому зрелищу воинов.

Ским тяжело поднялся, посмотрел через обрыв на свой дом, потом повернулся к лесу:

— Там есть потайной проход, — он махнул рукой на пик соседней скалы. — Наверное, так будет проще всего. Пройти по верху на пик Гроан и уйти по тоннелю в Левинкол.

— Вы в состоянии идти сейчас, или нам нужен привал? — услышал Ским у себя за спиной голос Волгина. Резко обернулся, зло посмотрел на него, но увидев, что тот обращается не к нему, а к Лине, смягчился и тоже вопросительно посмотрел на жену.

— А ведь девушке совсем не обязательно идти туда, — вмешался Вейл. — Что беременной женщине делать в склепе? — последнее купеческий маг произнес почти насмешливо. Но никто не поддержал веселья.

— Нет, нет, — заспорила Лина. — Со мной все в порядке. Я могу идти.

— К чему это геройство? — продолжал настаивать Вейл. — Я мог бы остаться с вами. Уж при обретении ключа Источнику помощники не нужны, — при этих словах он посмотрел на Парта.

— Я бы все-таки сопроводил молодого кнесса, — откашлявшись, проговорил Парт. — Он Источник, но не маг. Мало ли какие еще сюрпризы расставлены по Левинколу.

— Я мог бы оставить с вами одного из бойцов, — с сомнением произнес Волгин. — Или даже двоих. Но это, конечно, опасно.

— Послушайте, — Лина вскочила с камня, — к чему эти рассуждения? Я отлично могу идти.

— И ребенок устал, — Вейл продолжал говорить, будто не слышал ее возражений. — Я, если честно, тоже плохо переношу эти переходы. Так что, — он обернулся к Волгину, — если вы можете оставить с нами бойцов... — он положил руку Лине на плечо.

— Да вы слышите меня? — она с раздражением отошла от мага. — Я не собираюсь тут оставаться.

Ским поймал ее взгляд. Им не нужно было слов, чтобы понять друг друга. Он чувствовал, что с ней все в порядке:

— Делиться не будем. Идем все вместе, — коротко отдал распоряжение он.

— Но послушайте! — Вейл, похоже, совсем не хотел идти.

— Приказы не обсуждаются, — и никто не стал возражать.

Кнест Левиан вскинул заплечный мешок на спину, пристегнул к поясу короткий походный меч и, чуть хромя, направился вверх по тропе. Туда, где возвышался пик Гроан.

* * *

Проход внутри скалы местами был весь затянут паутиной корней, местами осыпался, но пройти было можно. Даже световые амулеты сохранились в тайниках. Лине было жутковато, но она вспомнила, как хвасталась в Реате Ским, что не боится пещер, и старательно представляла себе метро. Учитывая расположение световых амулетов вдоль стен, ей это почти удалось.

Туннель был узкий — шли цепочкой по одному. Литор бойцов, Ским, один из солдат, потом Парт, Синт и Лина, за ней еще один боец. За ними шел Волгин. Вейл и два бойца

замыкали процессию. Подземный ход то и дело ветвился, раздваивался, приводил в залы с двумя или даже тремя проходами. Незнающий человек мог затеряться тут навечно. Однако в головы юных Левианов хорошо вбили все схемы и правила. Ским помедлил только на первом повороте. Дальше шел так, будто у него в руках была карта. Если честно, Лина и Вейл даже не всегда поспевали за общим темпом. Особенно Вейл. Он тяжело сопел сзади, чем безумно раздражал Парта. В одном из залов перехода они вышли к подземному озеру. На неподвижной черной воде играли блики от амулетов. Зрелище было пугающим и завораживающим одновременно. Лина остановилась, чтобы посмотреть. Да и не только Лина. Вся колонна замедлилась. Все стояли и молчали, как вдруг сзади упал камень. Воины сразу же заняли боевые позиции, но Парт закричал:

— Мы же близко?

— Последняя развилка, — Ским понял, к чему ведет маг. Ставший было в строй вместе с бойцами, он убрал меч и рванул в один из проходов: — Бежим!

Все, почти в том же порядке, что и шли, нырнули в туннель. Лина не оборачивалась, но ей показалось, что литора и один из бойцов все же остались в том зале у озера. Ей стало их нестерпимо жаль. Мысленно она прощалась с ними навсегда. Страх и слезы сжали ее горло, она оступилась. Вейл схватил ее под руку:

— Ну что вы, милая. Не время, — он поддерживал ее, хотя сам задыхался от бега. — Идемте, идемте, быстрее, — он вроде бы и вел ее, но сам оперся рукой о стену, будто мог упасть без опоры.

Туннель внезапно затрясся. Посыпались камни. Ским обернулся:

— Лина!

— Я с ней, — закричал Вейл. — Бегите, бегите!

Камни продолжали падать, мелкие, потом, судя по звукам, уже крупнее. Вейл прижал Лину к стене тоннеля и прикрыл своим телом. Вдруг кто-то сильный выдернул ее из-под защиты мага. Молодая кнесса испугалась, в полумраке оглянулась. Волгин, шедший сзади, весь в каменной пыли, с фанатично горящими глазами, тянул Лину вперед по туннелю.

— Вы с ума сошли? — Вейл тонким, почти визжащим голосом, кричал ему в след.

Волгин молча тянул за собой Лину так быстро, как только мог. Сквозь пыль, поднятую обвалившимися камнями, Ским увидел, что произошло, кивнул Сюртуку и снова побежал вперед. Туннель расширялся, воздух становился свежее и холоднее. Еще один поворот, и все вывалились в большую комнату, которая могла быть, судя по полкам вдоль стен, кухонной кладовой.

Остановились. Откашлялись. Посмотрели друг на друга. Лина мысленно пересчитала присутствующих. Литора и одного бойца не было. Сцепила зубы, зажмурилась, глубоко вдохнула.

— Склеп во дворе. Идемте. Через большой зал на улицу... — Ским толкнул дверь и оказался нос к носу с вооруженным отрядом.

Левиан выхватил меч, но его окликнули сзади:

— Не делайте глупостей, ваша Ясность!

Вейл крепко держал Лину, что-то приставив к ее горлу.

— Она не умрет, не беспокойтесь. Она же ваша жизнь, — Вейл, почти нежно прижимая к себе Лину, пытался к выходу вдоль стены. — Но если вы не будете нас слушаться, то мучиться будете оба.

— Ошейник? — Парт попросту выплюнул это слово. — Как вы могли опуститься до этого, Вейл?

— Вам легко говорить. — в голосе купеческого мага послышались истерические нотки. — Самый сильный маг своего поколения! Власть, слава, деньги! Вам все досталось вместе с вашим даром. А я все себе зарабатывал, — последнее слово он произнес страстно и с придыханием. — Вот и сейчас зарабатываю, — все молчали, а Вейл продолжал: — Нужно было оставить нас там, на склоне! Не пришлось бы рисковать беременной женой. Ну или хотя бы в туннеле испугаться устроенного мною обвала. Но нет! Вы же бесстрашный Источник. Получайте теперь! — маг ослабился, он совсем перестал напоминать милого бакалейщика, которым казался еще несколько дней назад в Реате. Он натягивал шнурок вокруг Лининой шеи, победоносно улыбаясь. Ским не отрывал от них взгляда, Волгин скрипел зубами, Парт трясся от злости, а вот Синта все упустили из виду. Когда Вейл был уже почти у выхода, паренек, непонятно как разогнавшийся, что-то крича, кинулся на Вейла, толкнул его головой в живот, сбил с ног. Маг упал почти что в руки кому-то из вооруженного отряда, стоявшего в зале, а Ским, будто ждавший выпада Синта, выдернул Лину на себя:

— Ты в порядке?

— Ага.

Больше они не сказали друг другу ни слова, он толкнул ее к Парту:

— Закрыться здесь!

Сам же вместе с остальными воинами бросился в бой.

Бойцы, ждущие Скима в большом зале, казалось, биться не собирались. Тем более, так яростно биться. Внезапность дала Скиму фору, но это все же был полноценный отряд хорошо обученных солдат регулярной армии. Ским даже не сомневался в том, чьей регулярной армии. А их было всего шестеро, включая не слишком хорошо владевшего мечом Волгина. Они сражались, как звери. Бились, рычали, кричали. Они были так близко к своей цели! У них почти получилось.

Ским понял, что им все же не прорваться, когда упал третий из воинов купца.

Слишком быстро. Их прижали к стене. У них не было возможности даже просто вырваться и добежать до склепа. Ярость волной поднялась в юном Левиане. Дико зарывчав, он бросился в бой, уже не надеясь выжить. Черт возьми, он дома! И он защищает свой дом! Он будет биться до последней капли крови.

Среди солдат тоже было много раненых и убитых, но все же их было несравнимо

больше. Они уже не столько сражались, сколько оттесняли Ледяного в угол. Их цель была захватить его живым. Боковым зрением Ским увидел, как упал на колено Волгин. Его прикрывал последний из купеческих бойцов. Значит, можно их считать уже погибшими.

Рыча и крича, Ским ринулся на плотный строй, прижавший его к стене, как вдруг... Со стороны двора что-то гроыхнуло. С криком, гиканьем и свистом в зал ворвалась разношерстная толпа, сильно уступавшая отряду солдат в вооружении и выучке, но многократно превосходящая их численностью. Кажется, кто-то был даже верхом. Отряд попробовал быстро перестроиться, но в замкнутом пространстве у них ничего не вышло. Это был беспорядочный бой, скорее даже резня — копьями, ухватами, кирками, лопатами против мечей. Бежать с лопатой на бойца регулярной армии смешно. Если только лопат не десять на один меч.

Ледяной не остался в стороне. Рванул в гущу событий с новой силой. Отыскал взглядом Волгина. Тот был жив, хотя и не в строю. Последний купеческий воин тоже еще сражался.

Все кончилось быстро. Быстрее, чем ожидал Ским. Многие из отряда были совершенно дико убиты. Вокруг валялись тела с разможенными головами, проколотыми насквозь животами, отрубленными конечностями... Нескольких солдат Величайшего удалось взять в плен.

— Это маг! Связать руки, заткнуть рот! — услышал Ским знакомый голос.

Нашел взглядом говорившего. Тот разбойник. Старший из пяти захваченных ими в горах.

— Вы? Почему вы здесь? — прохрипел Левиан.

— Ну так это... — мужик шмыгнул носом, — местные сказали, что вооруженный отряд явно не из местных пошел к замку. Мы подумали, что это не к добру. Решили с мужиками проверить, — толпа одобрительно загудела.

— Нет, вы не поняли, — Ским помотал головой. — Почему вы вообще решили за нас сражаться?

Разбойник помолчал, потом засопел, приосанился:

— Золотодобытчики всегда были опорой своего кнеста! — торжественно произнес он.

В зале повисла тишина. Ским выпрямился, кивнул:

— Спасибо.

Будто ждавшие этого мужчины закричали, засвистели, загикали. Теперь уже радостно. Приветствуя представителя рода, веками правившего этой землей. Приветствуя своего нового кнеста.

Дверь кладовой плавно отворилась. Парт, явно приготовивший пару боевых заклинаний. Синт рядом с ним.

— Все в порядке, — Ским обернулся к своим верными соратникам. — Это свои.

Трясущийся от напряжения Парт кивнул. Давно он не был в бою. Ему страшно хотелось пустить свои силы в ход, но охранять Лину было важнее. Маг глубоко вздохнул и распустил связанные узлы своих заготовок. Синт же, почти так же, как бросился на Вейла, ринулся к Скиму, уткнулся ему в живот и заревел.

— Эй, все в порядке! Ну же! Ты же у нас готовый боевой маг! — Ским поднял мальчишку на руки. — Кстати, что за заклинание ты использовал в кладовке?

— Не знаю, — Синт размазал грязь по щекам. — Бабка так на ошалелых коров орала.

Первым засмеялся Парт, потом Ским, а потом и вся толпа. Только пленным бойцам и связанному Вейлу было не до смеха.

Ским держал Лину за руку. Несмотря на беспокойство Вейла, беременная кнесса все же спустилась в склеп. Пара мужчин покрепче отодвинули плиту усыпальницы. Парт молча стоял рядом.

На мумифицировавшейся груди, сжатый истлевшими руками, ярко сиял голубоватым светом амулет. Ским смотрел на мать. Слезы текли по его лицу. Он первый раз стоял у ее гроба.

— Вы должны забрать его, — тихо проговорил Парт. — Взять из ее рук и надеть на себя. Он должен быть около вашего сердца.

— Я знаю, — несмотря на слезы, голос его не дрожал.

— Мы потом еще придем сюда, — Лина тихонько сжала его предплечье.

Ским закрыл глаза и кивнул. Да. Надо закончить начатое. Подошел ближе к гробу матери. Поцеловал кончики своих пальцев. Склонился, коснулся лба мумии. Только потом потянулся к амулету. Чуть задержал руку над ним и все же взял. Ничего не произошло. Небо не упало на землю, ни грома, ни молний, никто не рухнул замертво. Парт шумно вздохнул от облегчения.

— У вас были сомнения? — в голосе Скима сквозила ирония. — Это же вы убедили меня ехать сюда.

Парт злобно сверкнул глазами:

— Надевайте, о Величайший, — маг нетерпеливо повел подбородком.

Свидетели таинства переглядывались и испуганно переминались с ноги на ногу.

Ским хмыкнул, посмотрел на камень в своей ладони и медленно надел амулет.

Тысячи игл пронзили его тело. Он зажмурился — от боли, от неожиданности, от невозможности вздохнуть. Его тело согнулось пополам, в ушах зазвенело, все вокруг задрожало. Или это он дрожал.

Иглы, пронзившие его, становились толще, впивались, тянулись, набивали его тело настолько плотно, что сами становились его телом. Собрав остатки воли в кулак, он напрягся, сжался, попробовал удержать это. Иглы вытягивались в нити, те утолщались в струны. Сотни, тысячи. Тысячи магических струн, впившихся в него, ставших им. А он — стал этими струнами.

Ским открыл глаза.

— Я же связан с каждым из вас! — тихо, будто еще удивляясь этому, произнес Источник.

Парт, победно улыбаясь, кивнул.

— Сначала Вейл, — лицо Скима искривила мстительная гримаса.

Откуда-то сверху раздался пискливый, полный отчаяния крик, слышный даже в склепе.

— Ским? — Лина испугалась.

— Успокойся. Он жив. Но он больше не маг, — это был по-прежнему страшный голос Ледяного.

Парта передернуло. Кажется, он бы предпочел физически умереть, чем расстаться с магией. Ским попросил мужчин закрыть гроб матери и направился к выходу из склепа. Весенний вечер опускался на Левенкол. Воздух был влажен и свеж. Лина зябко поежилась. Ским снял сюртук и укутал ее.

— А что дальше? — спросила она мужа.

— Дальше? Ночлег надо организовать, — он оглядел замок. — Здесь все разрушено. Наверное, пойдём в деревню. Ещё я голоден.

— Да нет, Ским, — Лина дернула его за руку, как ребенка. — Я не о сегодняшнем вечере. Я вообще. Дальше.

— Вообще? Слушай, а я тебе не рассказывал, какая у нас красивая столица?

— Столица?

— Угу, — кнесс Левиан обнял жену и повёл в сторону деревни. — Я её тебе обязательно покажу!

Оставить отзыв о книге - <https://knigoed.net/url/4nq>